

ТОВАРИЩ У

ДЕТИ ОГНЯ

сайт книги

WWW.TOV.LENIN.RU

Оглавление

Предисловие.....	4
Предисловие ко второму изданию.....	6
Неправильная планета.....	7
Also sprach Marat.....	43
Инстинкт революции.....	85
Это упрямое слово «свобода».....	133
Штрихи к недорисованному портрету.....	170
Красные враги.....	223
Adolf Hitler superstar.....	260
Жил отважный капитан.....	270
Революция отчаяния.....	291
Гроздь гнева.....	323

Предисловие

Эта книга — о революциях и о творцах революций.

Лет тридцать назад заданная тема (но не не исполнение!) была бы вполне канонической. Книги серии «Пламенные революционеры» издавались гигантскими тиражами и являлись частью официоза, более того — его обязательной частью. То было любопытное сочетание: монолитное, суровое, тоталитарное государство — и канонизированные им бунтари. После того, как это государство, созданное во многом их стараниями, перестало существовать, писать о революционерах более или менее спокойно стало дурным тоном. Это указывает на то, что тоталитаризм мнений никуда не делся, всего лишь приняв несколько иной вид. И это совсем неудивительно: в сущности, тоталитаризм лежит в основе всякого общественного устройства, меняется разве что его форма, а сам он неистребим, ибо органически присущ человеческому коллективу; однако неизбежность тоталитаризма вовсе не повод, чтобы его поощрять — в конечном счете, именно свободной мысли человечество обязано самыми великими своими свершениями.

В своих рассказах о *детях огня*, бунтарях прошлого и настоящего — от Мартина Лютера до Марвина Химейера — я пытался быть объективным и независимым от господствующих мнений. Как принято говорить в таких случаях, насколько это удалось — судить читателю.

Я не претендую на раскрытие философии революционного процесса; всякий раз я говорю о нем лишь *мимоходом*, глядя на него сквозь призмы самых разных революционных характеров. Кто знает, возможно, и такой подход — в числе прочих — окажется полезным для понимания феномена революции в целом.

В наши дни модно противопоставлять эволюцию и революцию, представляя последнюю чуть ли не отрицанием первой. Это довольно глупое и примитивное упрощение. Разумеется, эволюционный процесс предпочтительней революционного, но

там, где он встречает на своем пути серьезные препятствия, он неминуемо становится революционным. Хорошо известно изречение Бисмарка о том, что «война есть продолжение политики другими средствами». Перефразируя в ленинском стиле, можно сказать, что революция есть продолжение эволюции другими средствами. Это значит, что феномен революции сопутствует феномену человечества, он неисчерпаем в человеческой истории и будет присутствовать в ней всегда; уже хотя бы поэтому он стоит того, чтобы о нем писать.

Кроме того, феномен революции, феномен бунта несет в себе колоссальную метафизическую нагрузку. Можно сказать, что сам человек есть бунт в отношении самого себя, такого, каким он есть в данный момент, здесь и сейчас; жизнь человеческая есть не только великое *да*, но и великое *нет*. Крайние, революционные характеры весьма поучительны для осмысления этого феномена.

Герои моей книги — люди абсолютно разные, и по деяниям их, и по масштабу содеянного. Среди них деструкторы и творцы, преступники и спасатели. Но их объединяет актуальность оставленного ими наследия по отношению ко времени, в котором мы живем, вне зависимости от того, пагубно это наследие или полезно. Я писал об этих людях *именно поэтому* и *исходя из этого* и очень надеюсь, что труд мой окажется полезным.

Лично Товарищ У.

Предисловие ко второму изданию

Книга «Дети огня» была написана мной пять лет назад — и не издана до сих пор. За эти пять лет я не раз получал обещание напечатать ее от самых разных издателей, — в разных странах — но разговоры оставались разговорами. Довольно уже заниматься сотрясанием воздуха. Сегодня я выкладываю свой труд в сеть, надеясь, что те, кому он придется по душе, найдут к нему дорогу.

Лично Товарищ У.

Неправильная планета

Бог есть всепоглощающее пламя,
поэтому ужасны сны и видения святых.

Мартин Лютер

Обращение

2 июля 1505 года, кажется, поздно вечером, близ деревни Штоттерхейм, что рядом с Эрфуртом, разразилась страшная гроза. Ливень, молнии и гром застали врасплох импульсивного молодого студента, шагавшего по проселочной дороге. «Помоги мне, святая Анна, я буду монахом!» — в страхе закричал он. Вскоре гроза миновала; молодой человек оказался честным и обещание сдержал.

Так, согласно преданию, началась духовная карьера Мартина Лютера.

Один из первых портретов Лютера
работы Лукаса Кранаха Старшего

Сам Лютер называет и другие причины, побудившие его оставить мир. «Родители мои держали меня сурово, отчего я и сделался робким. Их строгость и суровая жизнь, которую я вел с ними, были причиной того, что я впоследствии ушел в монастырь и сделался монахом. Побуждения их были прекрасны; но они не умели различать особенностей характера, с которыми всегда должны быть соразмеряемы и наказания». Как, должно быть, торжествующе екнуло сердце у доктора Фрейда, когда он читал это признание (у Эриксона, написавшего психоаналитический труд «Молодой Лютер», екнуло точно). Скатиться в психоанализ всегда так и подмывает, когда речь идет о правоверном христианине: подавление жизненно важных инстинктов, усугубленное каноническим страхом, не проходит даром. Средневековое же христианство занималось подавлением слишком человеческих инстинктов в духе своего времени; не просто страх, но ужас господствовал над рабами божьими безраздельно. В этом смысле Лютер вовсе не является каким-либо исключением из правил: суровость отца небесного неизбежно способствовала суровости отцов земных. Школа, пришедшая на смену родителям, отличалась немногим: побои и лишения в изобилии украсили период полового и духовного созревания Лютера, как фактически всякого его сверстника.

«Я постоянно был занят мыслью, сколько мне нужно совершить добрых дел, чтобы умиловать Христа, от которого, как от неумолимого судьи, как мне говорила мать, многие убежали в монастырь». Хотя бы из этих слов можно заключить, что позднейший уход Лютера в монастырь не был побегом от грубых и жестоких людей (которые бесспорно были грубыми и жестокими, и от которых бесспорно хотелось убежать) к всепрощающему *боженьке милосердному*; такой боженька есть вообще довольно позднее изобретение. Господь карающий и безжалостный — вот каким видели бога Лютер и его современники. Однако не только сочинения, но и вся жизнь Лютера показывают, что уход в монастырь не был и побегом *от* господя, о котором рассказывала мама Мартина; нет, молодой студент юридического факультета совершенно сознательно шагнул в самую берлогу к господу — и возлюбил его, во всяком случае заставил себя его возлюбить.

К тому времени Лютер считался в университете одним из лучших, — еще в детстве отец, усердный рудокоп, замечал за ним недюжинные таланты и прочил ему великое будущее. Наверное, поступок Лютера выглядел довольно неожиданным, по крайней мере, для отца, который, узнав о случившемся, надолго разорвал с ним всякие отношения.

Отношения были восстановлены, когда Лютер отслужил свою первую мессу. Лютер старший прибыл на нее в сопровождении двух десятков всадников. После мессы состоялся торжественный обед, на котором Лютер, находясь в приподнятом расположении духа, спросил отца, почему он столь отрицательно отнесся к его решению и понимает ли он теперь, что это решение было правильным. «Сказано в Писании: почитай отца твоего и мать твою, — не без едкой иронии сказал Ганс Лютер, — а ты, сын мой, обрек нас на одинокую старость». Растерявшись, Лютер начал говорить о том, что он принесет больше пользы родителям, молясь за них. В конце концов, добавил он в качестве неоспоримого аргумента, тогда, во время бури, господь послал ему знамение! «Хорошо бы, чтобы знамение тебе и впрямь послал господь, а не дьявол», — отвечал старик.

Вера и сомнения

Итак, уже в сентябре 1505 года Лютер был пострижен в монахи под именем Августина. Он попал в монастырь довольно неплохо образованным, для своего сословия и для своего времени по крайней мере. О нет, не знания искал он в монастырских стенах, но духовного успокоения, которого был лишен. Усердие его на этом пути было достойно удивления. Иисус по-прежнему ужасал его, — но чем более интенсивным был этот ужас, тем более старался молодой монах возлюбить своего Бога. Раз он так долго не выходил из своей кельи, не отвечая ни на какие зовы извне, что обеспокоенные монахи решили выломать дверь; брат Августин лежал без сознания на полу, совершенно истощенный.

Однако успокоение не обреталось.

К чести Лютера будь сказано, он имел правдивость признать это как перед самим собой, так и перед другими. «Под этой наружной святостью в сердце моем было сомнение, страх и тайное желание ненавидеть Бога», — писал он позже. Сознание собственной испорченности и греховности становилось еще более болезненным. «Если бы такое положение продлилось еще немного времени, то я довел бы себя до могилы». В яростном средневековом умерщвлении плоти было нечто сладострастное; возможно, Лютера, предававшегося умерщвлению собственной плоти безо всякой меры, тревожило, как и многих его садо-мазо коллег, именно ощущение этого потаенного, скрытого даже от себя самого сладострастия, фундаментальная, неискоренимая лживость, лежащая в самой основе догматов его религии; впрочем, это только домысел, фактически ничем не подтверждаемый.

Значительным моментом в духовной эволюции Лютера стало знакомство с Иоганном фон Штаупицем, генеральным викарием августинского ордена. Служитель культа со стажем, очень уважаемый в богословских кругах, он довольно быстро сумел направить пафос измученного религиозной паранойей Лютера в конструктивное русло, весьма разумно указав ему на то, каяться и истязать себя уместно в том случае, когда человек совершил действительно крупные грехи, а по пустякам беспокоить господа довольно глупо и даже незтично. «Вместо того чтобы терзаться своими грехами, приди в объятия Искупителя», — заявил Штаупиц, повидавший на своем веку немало таких вот монахов¹, и Лютер с радостью был готов последовать его совету.

Однако тяжелая, мрачная, монастырская натура сына рудокопа предполагала другой путь единения с богом. В 1510 году Лютер совершает паломничество в Рим. Нравы святого города повергают его в очередной ужас (к тому времени он достиг уже той степени священного фанатизма, что научился уже не только

¹ Многомудрый Штаупиц, тем не менее, быстро распознал за Лютером большое будущее. «У этого брата нашего взгляд на все глубокий, и можно ожидать от него дивных измышлений, — говорил он о Лютере. — Он в церковь внесет большие преобразования и всех наших ученых богословов с толку собьет».

жить в ужасе, но и *питаться* им). Папский Рим, действительно, был пресыщен и развращен. Здоровые языческие страсти кипели в этом великом котле под ржавую крышку христианства, вырываясь наружу лишь время от времени. Однако все шло к тому, что крышка рано или поздно должна была слететь; значение грядущей миссии Лютера, — первым об этом внятно скажет Фридрих Ницше, — будет состоять как раз в том, чтобы удерживать крышку котла на месте; однако об этом позже.

Итак, святой город был развращен и пресыщен. Священнослужители, эти цепные псы христианства, все менее серьезно относились к своим обязанностям, — и прежде всего сам папа! Разврат, неверие и нездоровый цинизм были самыми обычными делами в церковной среде. Честный провинциал, исполненный религиозного рвения, Лютер был потрясен. Ползя на коленях вверх по Scala Sancta, знаменитой лестнице Пилата, он целовал каждую ступеньку, но первые слова его, когда он оказался наверху, были: «Кто знает, правда ли это все?»

Человек, единожды задавший себе такой вопрос, более не способен уверовать целиком в примитивный, исполненный условностей догмат, — если только он не обладает счастливым искусством самообмана. Искусство это в человеческой среде распространено повсеместно; оно облегчает жизненный путь и пастырям, и мирянам, и без него зачастую этот путь был бы невыносим. Под руководством Штаупица Лютер обрел внешнее успокоение, но оно навсегда осталось лишь внешним. «Праведный верою жив будет», — эти слова из послания апостола Павла к римлянам стали решающими для священника, так и не пережившего религиозного экстаза. Насколько праведна и *правдива* сама вера — такого вопроса он себе уже никогда более не задал.

«Прорыв» к «истинной вере» произошел у Лютера в 1515 году. К этому времени не без содействия Штаупица он окончательно обосновался в городе Виттенберге в качестве настоятеля местного ордена августинцев. Кроме того, Лютер получил звание профессора и читал лекции в местном университете, который курфюрст Саксонский Фридрих желал сделать одним из самых престижных в Германии. Вскоре Мартин Лютер сделался самым влиятельным и почитаемым проповедником Виттенберга.

Начало

В 1517 году произошло событие, изменившее в корне жизнь не только Лютера, но и всей христианской церкви, вернее сказать, ознаменовавшее начало великой церковной и светской революции, в которой Лютеру суждено было сыграть главную роль. В городок Ютербон, находившийся совсем недалеко от Виттенберга, прибыл доминиканец Иоганн Тецель, известный и преуспевающий торговец индульгенциями. Продажа индульгенций была санкционирована папой Львом X, личностью в высшей степени оригинальной и интересной. Всесторонне образованный, эстет, гедонист и циник, большой покровитель искусств, отпрыск знаменитого рода Медичи, он ни в грош не ставил веру и догматы, видя в них, впрочем, неплохое средство для усмирения черни, и занимался делами святого престола в перерывах между своими не всегда пристойными развлечениями.

Лев X

Дела священные и мирские требовали денег; так, во времена тецельского путешествия папа Лев очень желал построить собор святого Петра, — эта грандиозная постройка была задумана еще его предшественником. Продажа индульгенций была одним из множества способов пополнения казны, пришедшимся как

нельзя кстати. Богословски обосновывалась она до гениальности просто: Христос и угодники его совершили столько добрых дел, перед тем как покинуть сей несовершенный мир, что этих дел оказалось больше, чем было необходимо для его спасения. Казалось бы, отсюда следовали абсолютная вседозволенность и ненужность церкви как таковой; однако церковь объявила, что все излишки добрых дел христовых принадлежат ей и только ей. Таким образом, церковь оказывалась держателем и распорядителем внушительного духовного капитала, который она не преминула конвертировать в капитал земной. Отпущение греха приобреталось за определенную денежную сумму, большую или меньшую в зависимости от степени его тяжести. Зачитывая длинейший перечень грехов, отпущением которых он был уполномочен торговать, Тецель заканчивал так:

«По одному голосу моему врата небес откроются даже перед такими грешниками, которые испытывали вожделение к святой деде, чтобы оплодотворить ее».

Да что там отпущение грехов, даже от чистилища возможно было избавиться, посодействовав амбициозному папе в реализации его прожекта. Причем избавление можно было купить не только для себя, но и для своих родственников, в том числе усопших. Короче говоря, торговля шла на славу!

И тут явился Лютер и все испортил.

К практике индульгенций Лютер относился крайне отрицательно, — если ранее мы высказали предположение, что он был склонен к бессознательному самообману, то до сознательного обмана других, как будничной, повседневной практики, он никогда не опускался. В своих проповедях он всегда говорил, что правом прощать и отпускать грехи обладает единственно господь вседержитель, и каждый священник, возомнивший себя наделенным таким правом, впадает в тяжкий грех гордыни. Роли папы в этом деле проповедник дипломатично предпочитал не касаться, ограничиваясь лишь дежурными славословиями в его адрес.

Приезд Тецеля переполнил чашу праведного гнева виттенбергского священника. 31 октября 1517 года, в канун праздника всех святых, Лютер прибил к воротам церкви свои знаменитые

девяносто пять тезисов², в которых последовательно и обстоятельно изложил свой взгляд на проблему индульгенций.

«Господь и Учитель наш Иисус Христос, говоря: “Покайтесь...”, заповедовал, чтобы вся жизнь верующих была покаянием», — назидательно начинает он. «Папа не хочет и не может прощать какие-либо наказания, кроме тех, что он наложил либо своей властью, либо по церковному праву», — читаем уже в пятом тезисе. Обратите внимание на это «не хочет». Лютер явно перебрасывает мостик, этот малоизвестный за пределами Саксонии провинциальный, плохо отесанный священник как бы предлагает спасти лицо могущественному папе Римскому, разговаривая с ним как равный с равным! Тезис 28: «Воистину, звон золота в ящике способен увеличить лишь прибыль и корыстолюбие, церковное же заступничество — единственно в Божьем произволении». «Должно, — уже напрямую поучает он в пятьдесят первом тезисе, — учить христиан: папа, как к тому обязывает его долг, так и на самом деле хочет, — даже если необходимо продать храм св. Петра — отдать из своих денег многим из тех, у кого деньги выманили некоторые проповедники отпущений».

Эффект, произведенный тезисами Лютера, ошеломил его самого. Сам того не ведая, он привел в движение мощнейшую машину. Огромная часть немецкого общества только и ждала появления героя, который скажет правду о том, что творят церковники. Крайне важным являлось то, что лютеровское противостояние Риму было более чем сочувственно воспринято немецкими князьями, местными маленькими и большими властелинами, которые, конечно же, не желали делиться этой властью ни с кем, даже с папой, и издавна были настроены отнюдь не в пользу наместника божьего на земле. Неожиданно для себя Лютер оказался на гребне гигантской и мощной волны, имя которой — революция.

² Следует сказать, что в то время в прибавлении тезисов не было ничего экстравагантного; таким образом было принято извещать народ о предстоящем религиозном диспуте.

Сатира на погрязших в грехе священнослужителей
на полотне Иеронимуса Босха

Но в то время волна только поднималась. Рим воспринял демарш Лютера очень спокойно, тем более что последний вовсе не жаждал форсировать его. Существуют два апокрифа о том, как отреагировал папа Лев на лютеровские тезисы. Согласно первому, он заметил, что брат Лютер — отличный малый, и разговоры о его неблагонадежности — обыкновенная монашеская зависть. Согласно второму, он заявил, что этому пьяному немцу просто нужно проспаться, и тогда он образумится.

Меж тем брожение вокруг тезисов не утихло, беспокоя не только торговцев индульгенциями, но и самого Лютера. Самые разнообразные слои германского общества ухватились за них, зачастую читая в них то, о чем Лютер и не помышлял писать. Глухая оппозиция Риму наконец получила повод заявить о себе громогласно.

Вскоре начали заявлять о себе и противники Лютера. «А почему бы нам его не сжечь?» — спрашивали, в духе времени, некоторые высокорелигиозные люди. Поползли слухи о втором Гусе; Лютер начал приобретать скандальную славу. Папа Лев понял, что замолчать надоедливому саксонскому проповедника уже не удастся, однако он все еще надеялся избежать скандала. Но попытки решить вопрос кулуарно, без лишнего шума уже ни к чему не привели.

Становилось ясно, что Лютер — не просто сболтнувший лишнее поп, но человек, *сознательно* обнарудовавший свои идеи и не намеренный отречься от них. Строптивный священник решительно стоял на своем и на компромиссы не шел. Впрочем, бунтовать против Рима он также не собирался; он все еще рассматривал вопрос текущего момента как религиозный, но не политический. Однако, как известно, политический и религиозный вопросы лежат в одной и той же плоскости, когда они касаются конкретных человеческих судеб (а случается так почти всегда); сложившаяся ситуация давно перестала описываться только репликами из богословских споров.

Теперь Лютеру было не до метафизических сомнений. Очевидная несправедливость отодвигает сомнения на второй план, война заставляет забыть о них. Его война начиналась как война духовная, однако только лишь духовной она пробыла совсем недолго.

Нападки доминиканцев на Лютера становились все более угрожающими. Но еще быстрее росла его поддержка, вовсе не ограничиваясь всего лишь Виттенбергом. Около восьмисот экземпляров ста шести ответных тезисов Тецеля, скупленных студентами, были символически сожжены на главной виттенбергской площади.

Положение Лютера менялось стремительно. Совсем недавно он сломя голову бежал из Аугсбурга, где встречался с папским легатом, кардиналом Каетаном, не просто бежал, но даже драпал — ночью, поспешно, верхом на лошади, не имея даже уздечки и шпор, опасаясь того, что Каетан арестует его; и вот уже другой папский комиссар, немец фон Мильтиц, смиренно призывает его воздержаться от критики святого престола, заключив своеобразный пакт о ненападении: молчание в обмен на молчание, а там все уляжется само собой. Если верить Лютеру, Мильтиц прослезился, услышав его согласие.

Для того чтобы замять конфликт, Рим ничтоже сумняшеся пожертвовал Тецелем. Обвиненный во всех тяжких, он был отправлен в монастырь, где вскорости умер. Лютер написал ему письмо, в котором просил не принимать происшедшее близко к сердцу, и уверял, что никоим образом не считает, что лично Тецель ответственен за порочную практику индульгенций.

Со своей стороны, священник-бунтарь был согласен на перемирие. Несмотря на то, что теперь он ощутил уже мощную поддержку, прежде всего со стороны германских князей, — значительную роль в этой поддержке играл курфюрст саксонский — тягаться с Римом было опасно, и повторимся, не входило в его первоначальные помыслы. На тот момент, однако, он успел уже сделать множество крайне резких заявлений в самый высокий адрес.

Теперь Лютер отрицал духовный авторитет самого понтифика, недвусмысленно заявляя, что власть папы исключительно земная, а Писание выше, чем папа. В сущности, к этому времени пафос учения Лютера уже был обозначен: **между человеком и богом не может и не должно быть посредников и учреждений.** Это — главнейшее, это действительно мощно и свежо, и это запомнится навсегда.

Насколько последовательно проводилось в жизнь учение саксонского викария, насколько сам он следовал ему, что из этого вышло в действительности — вопрос отдельный. Беда в том, что Лютер не смог (и никогда не помыслил бы даже) перешагнуть через христианство. С самого начала он возводил свое здание на лжи; божество, с которым должен был входить человек, минуя чиновников от св. духа, само являлось главным чиновником. Та мера, которая по сути своей должна была сокрушить грандиозную религиозную, или псевдорелигиозную ложь, в конечном итоге, ценой небывалых страданий, жертв и разрушений только укрепила ее. Лютер посеял Революцию, но пожал Реформацию. «Лютер снова *восстановил церковь*: он напал на нее», — заметил Ницше.

Не такова ли судьба не только революции Лютера, но и многих других революций? Революция подобна ребенку в том, что она не может *осознать саму себя* — и это обрекает ее на гибель, гибель, как правило, бесславную.

Пакт о ненападении был нарушен с римской стороны. 27 июня 1519 года в Лейпциге между Лютером и доктором Экком, профессором Ингольштадтского университета, состоялся публичный диспут по вопросам веры. Инициировал его Экк. Здоровенный, мощный детина с громовым голосом, отличный оратор и демагог, он куда убедительнее иссохшего в молитвах тонкого-

лосого Лютера. Однако победа Экка над Лютером оказалась роковой: взрывоопасный вопрос о папской власти вновь взбудоражил беспокойные средневековые умы.

Не стоит, однако, думать, что, не случись диспута, Лютер продолжал бы молчать. Он уже осознал свою силу и должен был распорядиться ей. Молодой германский национализм, стоящий за ним, рано или поздно пустил бы в ход эту козырную карту. «Неистребимость протестантской ереси соответствовала непобедимости поднимавшегося бюргерства», — в своем афористичном и емком стиле напишет позднее Фридрих Энгельс. В какой-то степени Лютер, как всякий крупный человек, являлся уже заложником своей позиции и своего авторитета; даже если он лично не хотел войны, весь расклад сложившихся обстоятельств и интересов — весьма могущественных интересов — в конечном итоге заставил бы его выступить.

И вновь продолжается бой

Начался новый виток противостояния Лютера и церкви. Пятнадцатого июня 1520 года папа Лев в своем охотничьем угодии составил буллу против Лютера. «Восстань, о Господи, и защити дело Твое! Дикая вепрь ворвался в Твой виноградник... Мы не можем более в долготерпении нашем страдать от змеи, ползающей в винограднике Господнем». Несмотря на то, виноградник господень очевидно страдал то ли от змеи, то ли от кабана, общий тон буллы был не так уж и воинственен. «Что же до самого Мартина, — писал папа, — то, благий Боже, сколько же отеческой любви излили мы в стремлении отвратить его от заблуждений! Разве не предлагали мы дать ему охранную грамоту и деньги на путешествие?» «Ныне мы даем Мартину шестьдесят дней на отречение от своих заблуждений, исчисляя их от времени издания сей буллы в его местности», — заканчивал папа.

В том же 1520 году Лютер написал три знаковых для Реформации труда: «Христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния», «О вавилонском пленении церкви» и «О свободе христианина». Наиболее интересным с исторической точки зрения оказался первый. Ритуально поса-

моуничижавшись («я — презираемый, отрекшийся от мира монах — осмеливаюсь обращаться к столь высоким и могущественным сословиям по поводу очень важных, больших дел; как будто бы в мире нет никого, кроме доктора Лютера, кто позаботился бы о христианстве и дал совет таким мудрым людям»), Лютер быстро меняет тон и весьма деловито излагает свою доктрину. Это мощный и *целенаправленный* удар по основным принципам римской церкви.

«Выдумали, будто бы папу, епископа, священников, монахов следует относить к духовному сословию, а князей, господ, ремесленников и крестьян — к светскому сословию. Все это измышление и надувательство. Они не должны никого смущать, и вот почему: ведь все христиане воистину принадлежат к духовному сословию и между ними нет иного различия, кроме разве что различия по должности. Павел (1 Кор. 12) говорит, что все мы вместе составляем одно тело, но каждый член имеет свое особое назначение, которым он служит другим. И поэтому у нас одно крещение, одно Евангелие, одна вера; все мы в равной степени христиане (Еф. 4), ибо только лишь крещение, Евангелие и вера превращают людей в духовных и христиан. А если папа или епископ совершают помазание, делают тонзуру, посвящают в сан, освящают, одеваются не так, как миряне, то все это возносит только лицемеров и болванов, но никогда не превращает в христианина или духовное лицо. Сообразно этому все мы посредством крещения посвящаемся во священники, как свидетельствует святой Петр (1 Пет. 2): “Вы царственное священство, народ святой”. [Об этом же говорится в Откровении (Откр. 5): “Ты кровию Своею соделал нас священниками и царями”]. И если бы в нас не было высшего посвящения, чем то, которое совершают папы или епископы, то никогда посвящением папы и епископа не был бы создан ни один священник, точно так же невозможны были бы ни отправление мессы, ни проповедь, ни отпущение грехов».

«Необходимо, — резюмирует Лютер, — чтобы священник у христиан был только должностным лицом». То есть, необходимо, чтобы священник более не был *священником!* «Христианское дворянство немецкой нации», рассчитывает он, есть собрание *высших* должностных лиц; конечно же, они должны только

приветствовать предлагаемые им меры, желая встать и *над* священниками! Теперь он знает, на кого опереться, чтобы провести свой тезис в жизнь. Ему очень нужно понравиться, и он делает все, чтобы так и получилось (далее курсив наш):

«Поскольку светские владыки крещены так же, как и мы, и у них та же вера и Евангелие, мы должны позволить им быть священниками и епископами и *их обязанности рассматривать как службу, которая связана с христианской общиной и полезна ей*. И вообще каждый крестившийся может провозглашать себя рукоположенным во священники, епископы и папы, хотя не каждому из них подобает исполнять такие обязанности».

«Я настаиваю: так как светская власть учреждена Богом для наказания злых и защиты благочестивых, — заявляет далее Лютер, — *то круг ее обязанностей должен свободно и беспрепятственно охватывать все Тело христианства, без всякого исключения, будь то папа, епископ, священник, монах, монахиня или кто-нибудь еще*».

«Отныне, — уже вещает он, — *светская власть становится членом христианского Тела*, и, занимаясь земными делами, она все же принадлежит к духовному сословию; поэтому сфера ее деятельности должна беспрепятственно касаться всех членов Тела в целом: наказывать виновных и преследовать их в случае необходимости, не обращая внимания на пап, епископов, священников».

Таким образом, Лютер сознательно делает ставку на светскую власть, чтобы сокрушить власть духовную. В труде «О вавилонском пленении...» он делает все, чтобы ослабить влияние священничества. Он отрицает основные религиозные таинства, а следовательно, и сакральную миссию церкви. Лютером отрицается даже монашеский институт! Церковь превращается всего лишь в очередное земное учреждение не только *de facto*, но и *de iure*, — причем в учреждение, подчиненное светским властям³. Прежде всего священник, он, конечно, вряд ли имел в виду та-

³ Впоследствии Кальвин окончательно превратит лишнюю сакральную ореола религию всего лишь в *этику*, ту самую «протестантскую этику», которой посвятил свой известный труд философ Вебер.

кую перспективу. В стремлении лишить святости церковь часто, и, скорее всего, не без основания видят свидетельство той самой *религиозной фригидности* Лютера, которая не давала ему покоя в начале пути, свидетельство его неспособности к восприятию потаенных, сакральных смыслов религии. Но возможны ли *еще* были в христианской религии такие смыслы и не являлась ли *уже* церковь, как римская, так и греческая (откровенно прислужничающая власти), сугубо и всецело *земным* аппаратом?

И все же он сделал это — он обрубил последние остатки святости, окончательно *осовременил* церковь и этим спас ее — спас для Земли, но не для Небес, хотя помышлял исключительно о Небесах. Можно ли вообще было спасти ее для небес, земную от начала до конца?

Власть священная и власть мирская.

Рисунок из советского школьного учебника по Истории Средних Веков

Фридрих Ницше, этот великий срыватель масок, писал о Лютере:

«Лютеровская Реформация во всем ее размахе была возмущением самой ограниченности против чего-то “многогранного”, говоря осторожно, грубым, обывательским непониманием, которому многое надо простить,— не понимали знамения *торжествующей* церкви (под *торжествующей церковью* Ницше име-

ет в виду прежде всего языческий, в изначальном смысле *римский*, совершенно чуждый непосредственно христианской составляющей *антихристианский* элемент римской церкви) и видели только коррупцию, превратно толковали аристократический скепсис, ту *роскошь* скепсиса и терпимости, которую позволяет себе всякая торжествующая, самоуверенная власть... Нынче достаточно ясно предстает взору, сколь фатально, наобум, поверхностно, неосторожно подходил Лютер ко всем кардинальным вопросам власти, прежде всего как человек из народа, которому совершенно не доставало наследия господствующей касты, самого инстинкта власти: так что его творение, его воля к восстановлению того римского творения стала, без его желания и ведома, лишь началом разрушения. В порыве честного негодования он распутывал, он разрывал там, где старый паук ткал столь тщательным и долгим образом. Он выдал каждому на руки священные книги,— тем самым они попали, наконец, в руки филологов, т. е. отрицателей всякой веры, зиждущейся на книгах. Он разрушил понятие “церковь”, отбросив веру в богодухновенность соборов: ибо только при условии допущения, что инспирирующий дух, заложивший основания церкви, все еще живет в ней, все еще строит, все еще продолжает воздвигать свой дом, понятие “церковь” сохраняет силу. Он вернул священнику половое сношение с женщиной: но способность к благоговению, присущая вообще народу и прежде всего женщине из народа, на три четверти поддерживается верой в то, что исключительный человек и в этом пункте, как и в прочих пунктах, будет исключением, — именно здесь народная вера во что-то сверхчеловеческое в человеке, в чудо, в искупительную силу Бога в человеке обретает себе своего утонченнейшего и каверзнейшего адвоката. Лютер, после того как он дал священнику женщину, должен был *отнять* у него тайную исповедь, это было психологически верным решением: но вместе с этим был, по существу, упразднен и сам христианский священник, глубочайшая полезность которого всегда состояла в том, чтобы быть священным ухом, скрытным колодцем, гробовой доской для всяческих тайн. “Каждый сам себе священник” — за подобного рода формулами и их мужицким лукавством пряталась у Лютера лютая ненависть к “высшему человеку” и господству

“высшего человека”, как оно было намечено церковью: он разбил идеал, которого сам не мог достигнуть, в то время как казалось, что он ненавидит и поражает вырождение этого идеала».

Итак, Лютеру удалось сорвать маску, лишить *земную* церковь *божественного* ореола. То, что при этом он делал ее зависимой от светских владык, было для священника скорее вопросом тактики, который, впрочем, не без активного участия самих этих владык очень скоро превратился в вопрос стратегии, и не замедлил стать роковым.

Не так уж важно, *исходя* из каких свойств своей личности Лютер осуществлял преобразование церкви. Лютер действовал правильно, если исходить из *истинности* религии, ревнителем которой он был. Беда в том, что сама предпосылка является ложной — и его революция в конечном итоге стала лишь одним из плодов, по которым, вспоминая старую поговорку этой религии, познается древо.

Не следует упускать из виду и сугубо земную, *национальную* составляющую воззрений Лютера. Помимо всего прочего, Рим был угнетателем его возлюбленной Германии, и это не могло не сказаться на его духовных взглядах, какими бы «надмирными» они не казались.

Папа и его епископы. Средневековая карикатура

Вернемся к истории нашего героя. Папская булла, спустя шестьдесят дней после издания которой в Виттенберге он должен был отречься от своих воззрений, дошла до адресата очень нескоро. Случилось это 10 октября; опубликование буллы долгое время саботировалось. Уже исходя из одного этого папа должен был сделать заключение о возросших силах своего противника.

Именно так, противника — теперь это слово при сопоставлении маленького монашека с папой не звучало нелепо.

И все же Лютер почувствовал себя неуютно.

Ответ, написанный Лютером, носил изящное название «Против омерзительной буллы антихриста» и был довольно лукав. «У меня есть сомнения: действительно ли она (булла) исходит из Рима, не является ли сочинением человека, искусного во лжи, распространении раздоров, заблуждений и ереси, чудовища, именуемого Иоганном Экком?» — с типично священнической хитрости начинает Лютер, предупрежденный об авторстве буллы задолго до того, как она «официально» дошла до него. «Папа, — продолжает он далее, — я буду действовать, как если бы считал Льва непричастным — не потому, что чу римское имя, но потому, что не считаю себя достойным столь высоких страданий ради истины Божьей». Далее следуют отборные ругательства и страшные проклятия в адрес «антихриста», то и дело перемежаемые наивно-хитроумными заявлениями, что автор зловредной буллы уж точно никак не может быть папой. Заканчивает Лютер резко. «Равно, как они отлучают меня за святотатство ереси, так и я отлучаю их во имя святой истины Божьей. Христу судить, какому из этих отлучений должно исполниться. Аминь»

Всего лишь через две недели Лютер совершает сомнительный с моральной точки зрения пируэт: он посвящает упомянутую ранее работу «О свободе христианина» самому папе Льву, снабдив ее более чем любезным предисловием. «Благословеннейший отец! Во всех противоборствах последних трех лет я помнил о вас...» и так далее. Думается, папа, не очень жалующий курируемую им религию и богословское занудство, на этот раз нашел время где-нибудь в промежутке между охотой и оргией, чтобы ознакомиться с этой книжицей. Понравиться ему она никак не могла.

Тем временем Ульрих фон Гуттен, один из наиболее пылких почитателей Лютера в рыцарском сословии, разворачивает масштабнейшую пропаганду, призывая народ к свержению ненавистного папского гнета. В Кельне эмиссары римской курии жгут книги Лютера. 10 декабря 1520 года в Виттенберге бледный и

дрожащий Лютер публично, при бурном одобрении зрителей, сжигает папскую буллу.

Сожжение папской буллы

В огонь летят и труды Экка и прочих антагонистов Лютера. Скоро костры запылают по всей Германии. Словно поклоняясь огню, обе противоборствующие стороны будут сжигать неудобные книги. И не только книги.

На том стою

В начале 1521 года Лютера вызывают на Вормский сейм, назначенный свежее испеченным германским императором Карлом Испанским. «Я войду в Вормс, даже если там будет столько же бесов, сколько черепиц на крышах», — эти слова Лютера, обращенные к предостерегавшим его, стали крылатыми. Но предостерегавшие беспокоились не только за Лютера. Они понимали, что в Вормсе он водрузит знамя гражданской войны.

На сейме Лютера злорадно встретил старый знакомый, «чудо-вище, именуемое Иоганн Экк». Указав на книги Лютера, разложенные по скамьям, чудовище спросило, он ли их написал. «Да, книги мои», — еле слышно отвечал Лютер.

Но даже после такого ответа Экк решил даровать ему шанс, спросив виттенбергского викария, не собирается ли он в таком случае отречься от чего-нибудь из написанного? Лютер попросил время на обдумывание. Не без ехидства заметив, что бого-

слову, явившемуся на высочайший сейм как раз для того, чтобы отвечать на подобные вопросы, довольно странно до сих пор не определиться с ответами на них, Экк согласился дать Лютеру отсрочку.

Католическая церковь папы Льва, что ни говори, была в контексте эпохи такой либеральной! Мятежный Лютер, конечно же, был куда более нетерпим и свиреп, не говоря уже об его последователях — новое всегда более нетерпимо и свирепо, чем старое, только так оно может прорваться и утвердиться. Примечательно, однако, что многие псевдо-новые моменты у Лютера были скорее вызваны его *упорством* в самых что ни на есть *старых* заблуждениях. Только один пример: масштаб охоты на ведьм, развернутой во время Реформации (их было сожжено около миллиона, а ведь население Европы тогда было еще невелико), затмевает широко разрекламированные зверства католической Инквизиции. При этом именно Лютер выступает сознательным вдохновителем жесточайших гонений.

«Немецкая Реформация, — пишет уже цитированный нами Ницше — о, этот сын протестантского пастора чувствовал Реформацию как никто другой, — немецкая Реформация выделяется как энергичный протест отсталых умов, которые еще отнюдь не насытились мирозерцанием средних веков и ощущали признаки его разложения — необычайно плоский и внешний характер религиозной жизни — не с восхищением, как это следовало, а с глубоким недовольством. Со своею северной силой и твердолобием они снова отбросили человечество назад и добились Контрреформации, то есть католического христианства самообороны, с жестокостями осадного положения, и столь же задержали на два или три столетия полное пробуждение и торжество наук, как сделали, по видимому, навсегда невозможным совершенное слияние античного и современного духа».

Интересно отношение Лютера к разуму, который он называл «продажной девкой сатаны». «Я не хочу слушать доводы рассудка! — заявил он как-то на одном из религиозных диспутов. — Бог выше всякой математики, и словам Божьим нужно с удивлением поклоняться».

Итак, отсрочка Лютеру была дана. Являлась ли его просьба элементом специально выбранной тактики или следствием минутной слабости, но она принесла ему пользу. Народ любит себя в роли свидетеля великих трагедий; на следующий день скопление толпы в зале, где должен был выступать крамольный теолог, оказалось столь велико, что слушать его сидя смог лишь император.

Отказываться от своих произведений Лютер не стал, заявив, что в полемике, конечно, ему приходилось перегибать палку в отношении отдельных личностей, но это единственное, о чем он может сожалеть. Стоя один перед собранием самой высокой знати, он в очередной раз воздал кесарево кесарю и божие богу. «Отвечай без уверток — отрекаешься ты или нет?» — возопил потерявший терпение Экк. «Поскольку Ваше величество и вы, государи, желаете услышать простой ответ, я отвечу прямо и просто, — сказал Лютер. — Если я не буду убежден свидетельствами Священного Писания и ясными доводами разума⁴ — ибо я не признаю авторитета ни пап, ни соборов, поскольку они впади в заблуждение и даже противоречат друг другу, — я не могу и не хочу ни от чего отречься, потому что нехорошо и небезопасно поступать против совести, а совесть моя Словом Божиим связана. Бог да поможет мне. Аминь».

Далее требовалось произнести ту же самую речь по латыни, что плохо получалось у провинциального монаха. Но исполнение формальности не имело особого значения. Непокоримое упрямство Лютера произвело большое впечатление на собравшихся. Это был триумф. «Лютер в Вормсе — не основатель новой церкви, — пишет биограф Лютера Порозовская. — Он еще не замкнул своего учения в известные неподвижные рамки, не воздвиг на месте поверженного кумира — церковной традиции, нового кумира в виде буквы Писания, отступление от которой грозит вечным осуждением слишком пытливым умам. Лютер в то время лишь представитель самого чистого индивидуализма, и его речь, обращенная к представителям нации, является не только смелым вызовом Риму, как принято говорить, но торжественным провозглашением неведомого до сих пор принципа сво-

⁴ Т. е. «продажной девки сатаны»

боды совести, свободы мысли». Момент действительно весьма символический — и переломный.

«На сем стою». Склонить к компромиссу упрямого священника не удалось ни папе, ни императору. Вскоре он отбыл домой. Вслед полетел эдикт, объявлявший Лютера вне закона. По дороге в Виттенберг на экипаж Лютера напали. Вооруженные до зубов люди вытащили его из повозки и увезли в неизвестном направлении.

Я вам покажу разницу между епископом и волком

Сам Лютер знал, что его везут в Вартбург, замок курфюрста Фридриха Саксонского, решившего укрыть его от врагов. «Похищение» было согласовано между Фридрихом и Лютером заранее. Здесь, в Вартбургском замке, реформатору предстояло провести полтора года.

В уединении и тиши Вартбурга сомнения в правильности выбранного пути возобновились. В гости к Лютеру все чаще стал навещаться Дьявол. Читая эти строки, не следует понимать нечистого аллегорически. Он громыхал ведрами на лестнице, валялся рядом с Лютером под одним одеялом, разгрызал орехи, которыми любил лакомиться монах, и плевался скорлупой в потолок. Один раз он даже швырнул в Лютера чернильницу. Потом эту историю изложили иначе, поменяв их ролями. Чтобы изгнать Дьявола, достопочтенный доктор что есть силы орал «поцелуй меня в задницу!» — и тогда лукавый обращался в бегство. Вот недоумевал, должно быть, стражник, когда, проходя по коридору, слышал из кельи святого отца дикие выкрики этакого содержания.

Явление нечистого часто объясняют душевным расстройством Лютера. В том-то и дело, что душевные болезни такого рода в эпоху Средневековья являлись нормой. На тех, кто не был подвержен массовому религиозному психозу, смотрели с подозрением — они находились в числе первых кандидатов на сожжение на костре. Лютер как никто другой умел сублимировать свой страх перед богом, — все его теологические писания прямо-таки *исходят* священным ужасом, доходящим до экстаза.

Оказавшись не у дел, он потерял возможность деятельно сублимировать свой страх; этот страх материализовался в фигуре нечистого.

Доктор Фауст. Рисунок Товарища У

Кем являлся Дьявол для Лютера? Поскольку Господь был всемогущ, Сатана не мог иметь самостоятельное значение. Князь Мира Сего являлся всего лишь вассалом вседержителя, кем-то вроде стукача, посаженного Администрацией в камеру зэка. Фактически Нечистый был продолжением Господа, явившимся в мир для того, чтобы явно или неявно сбить с пути истинного брата Мартина; страшись Сатаны, богослов на самом деле страшился того, *Кто* стоял за Сатаной. По существу, это означало проецирование на Бога (или признание в Боге) качеств Сатаны. Мы вновь возвращаемся к вопросу о страхе перед господом; этот вопрос — один из центральных не только в мировоззрении Лютера, но и в христианском (шире — религиозном)

мировоззрении вообще. Пожалуй, можно, хотя и трудно, любить того, кого боишься; но нельзя любить того, кого *подозреваешь* в самом низменном. Именно отсюда произрастает колоссальная лживость любой *религии пребывающих в страхе перед господом*; и трудно найти что-либо более удручающее, чем зрелище этой *лживой любви*.

Дьявол искушал виттенбергского монаха, нашептывая ему, что дело, которое он затеял, неправое. «Представляешь, сколько душ ты загубил?» — хихикая, спрашивал искушитель. — «Поцелуй меня в задницу!» — горестно выкрикивал Лютер заветное заклинание. Дьявол исчезал, но сомнения не проходили. Начались бессонница и жуткие запоры.

Впрочем, сильный духом святой отец сумел в конце концов придти в душевное и физическое равновесие. Изнывая от вынужденного бездействия, он рвался в бой. Тогдашние письма Лютера соратникам своей могучей энергией, буйством чувств и пафосом отчаянного и нереализованного стремления быть в гуще событий напоминают письма Ленина из Швейцарии накануне Великой Коммунистической Революции. «Я предпочел бы жариться на углях, чем гнить здесь», — жаловался отец Реформации.

IMAGO MARTINI I VITHERI FO HABITU EXPRESSA, QVO REVERSUS EST EX
PATIBO VVITEMBERGAM, ANNO DOMINI 1522.

Лютер в Вартбурге

Нерастрченную энергию Лютер обратил в чрезвычайно важное дело — перевод на немецкий язык Нового Завета. Это была эпохальная веха не только в истории немецкого литературного языка, но и в истории церкви — Лютер дал мирянам Библию, буквально вырвав ее из алчных священнических рук. Кроме того, он перевел на немецкий язык латинские церковные гимны, и сделал это, как считается, блестяще. К некоторым из них он даже сочинил музыку.

Дела практические также не проходили мимо Лютера, невзирая на его отдаленность от поля битвы⁵. Поскольку теперь он вещал как бы извне, авторитет его даже повысился. Красноречивый пример тому — история с кардиналом Альбрехтом Майнцским, который вздумал было возобновить продажу индульгенций на подконтрольной ему территории.

Лютер отреагировал незамедлительно.

«Вы можете считать меня выбывшим из борьбы, — писал он кардиналу, — но я сделаю то, чего требует христианская любовь, и меня не остановят даже врата ада, не говоря уже о необразованных папах, кардиналах и епископах. Я призываю вас показать себя не волком, но епископом <...> Бог наш живой способен противостоять кардиналу Майнцскому, пусть даже того поддерживают четыре императора. Это Бог, сокрушающий кедры ливанские и смиряющий ожесточившихся сердцем фараонов. Вам не следует думать, что Лютер мертв. Я вам покажу разницу между епископом и волком. Я требую немедленного ответа. Если вы не ответите в течение двух недель, я опубликую направленный против вас трактат».

Это писал тот самый монах, который некогда, во времена приезда Тецеля, с трудом осмелившись написать Альбрехту, начинал свое письмо так:

«Отец во Христе и сиятельнейший князь, простите меня, что я, прах под Вашими стопами, осмеливаюсь обращаться к Ваше-

⁵ Работоспособность Лютера, его соратников и противников, замечательна. «Количество брошюр, напечатанных в Германии за четыре года с 1521-го по 1524-й, — пишет биограф Лютера Роланд Бейнтон, — превосходит объем литературы, изданной в течение любых других четырех лет германской истории вплоть до настоящего времени».

му высочеству. Господь Иисус свидетель, что я в полной мере осознаю свою незначительность и ничтожность. А смелость мне придает преданность Вашему высочеству. Не соблаговолит ли Ваше высочество взглянуть на сей недостойный труд и услышать мою мольбу о снисходительности — как вашей, так и папы».

На письмо из Вартбурга Альбрехт ответил очень быстро. Могушественный кардинал отчитался перед изгнанником, доложив, что все исправлено и злоупотреблений больше нет.

Как, однако же, меняются времена!

Революция

Новые веяния всего заметнее ощущались в Виттенберге, духовной вотчине Лютера. В отсутствие святого отца дела духовные вершили профессор Меланхтон и Карлштадт и августинский монах Цвиллинг. Если первый при этом пытался сохранять благоразумие, то последние два стремились зайти как можно дальше, организуя масштабные народные волнения. Церковные таинства упразднялись, священников выбрасывали из церквей, монахи массово покидали монастыри, давая волю измученной плоти, толпа топтала иконы — в соответствии с буквой Писания, ибо сказано ведь: не сотвори себе кумира.

Вскоре в Виттенберге появились три пророка, вызвавшие великое брожение умов. Два суконщика пришли из города Цвикау, к ним присоединился виттенбергский студент. Их проповедь сразу же нашла в массах огромное сочувствие. Если Лютер преступил через таинства, то они были готовы преступить уже через Священное Писание, видя истинный смысл религии в божественном откровении. Сами они, разумеется, относили себя к тем, на кого это откровение снизошло. Возможно (и вероятнее всего), цвикауские пророки были проходимцами или помешанными; однако именно они доводили религиозную составляющую учения Лютера до того предела, за которым она и приобрела не только декларативный, но и подлинно обновленческий пафос. Плоть от плоти дремучих плебейских низов, они оказались способными на большую внутреннюю честность и реши-

тельность, нежели пригретый князьями Лютер. И отец Реформации забеспокоился.

«Те, кто знает о вещах духовных, прошли долиной теней. Когда эти люди говорят о сладости и о перенесении на третьи небеса, не верьте им. Всемогущий не говорит с людьми непосредственно. Бог есть всепоглощающее пламя, посему ужасны сны и видения святых».

Революция явно опережала своего создателя — это он мог увидеть сам, когда в марте 1522 года возвратился в Виттенберг.

«Извещаю вас, что возвращаюсь в Виттенберг, имея защиту более высокую, нежели княжеская. Я не прошу у вас защиты. Полагаю, что мог бы служить защитой для Вас в большей степени, чем Вы для меня. Если бы я полагал, что Вам придется меня защищать, то я не вернулся бы. Но ныне защита мне не от меча, а от Бога. Поскольку же Вы слабы в вере, то и не можете защитить меня».

Так писал Лютер курфюрсту Фридриху, направляясь в родной город. Там он проповедовал восемь дней подряд, увещевая мятежников. Отношение к нему было столь восторженным, что беспорядки почти прекратились.

Но джинн был уже выпущен из бутылки. Новое учение стремительно распространялось не только по Германии, но и за ее пределами, и сам основатель не обладал более монополией на него. Это учение поднимали на знамя все революционно настроенные слои общества, — а недовольство существующим положением вещей было повсеместным. Начинался период смуты.

Разгорающаяся гражданская война ничуть не мешала, но даже благоприятствовала, войне идеологической. Французский историк Робер Мюшембле в своей сколь занимательной, столь и сумбурной книге «Очерки по истории Дьявола» приводит пример того, как «бурная полемика сторонников и противников Реформации породила чудовищ, чье устрашающее уродство должно было скомпрометировать противоборствующую сторону. В 1522 г. «Дневник парижского горожанина» сообщает, что в Саксонии, в городе Фрайберге мясник обнаружил в теле забитой коровы гибрид; гибрид сей «голову имел как у взрослого человека, только уродливого; на этой голове был широкий венец белого цвету, а все остальное тело было как у быка, хотя по форме

напоминало свинью; шкура цветом была гнедая и темная, с красноватым оттенком; а еще имелся свинячий хвост, а вместо волос у него была кожа двойными складками, и свисала она прямо на шею”. В написанной по такому случаю балладе намекали, что очевидец описал лицо и пороки Лютера, отвергнувшего монастырские одежды (венец намекал на тонзуру, а цвет кожи на сангвинический темперамент Лютера). Изображениями странного существа стали торговать в городе. Отец Реформации ответил аналогичным оружием — памфлетом, где высмеял “две ужасные фигуры: ослопапу, найденного в Риме, и теленкомонаха из Фрайберга”».

Первыми как самостоятельная революционная сила выступили рыцари. В 1522 году случилась так называемая Зикингенская распря, когда один из самых влиятельных рыцарей Франц фон Зикинген во главе довольно разнородной рыцарской конфедерации напал на город Трир, объявив войну тамошнему епископу. Евангелическое вероучение, защитником которого провозгласил себя Зикинген, не было единственной причиной, побудившей его к столь решительным действиям. Сказывалось давнее недовольство рыцарского сословия против князей и личные амбиции Зикингена. Архиепископ оказался крепким орешком; в 1523 году, так и не достигнув своей цели, Зикинген был убит.

Уже упоминавшийся Ульрих фон Гуттен, заболевший сифилисом, успел скрыться в Швейцарии и вскоре скончался. Оба они, и Гуттен и Зикинген, были горячими поклонниками Лютера; Зикинген предлагал ему сразу после Вормского сейма защиту и убежище, но у брата Мартина, как мы помним, нашлись более высокие покровители. Из жизни Лютера Зикинген и Гуттен ушли, как это цинично не звучит, очень вовремя, именно тогда, когда он перестал нуждаться в их услугах и несколько даже начал тяготиться такими связями.

Вторая волна революции оказалась более грозной. Недовольство и раздражение против существующего порядка вещей копилось в крестьянском сословии давно; десятилетиями крестьяне стонали под тяжким гнетом. Учение Реформации, подорвавшее один из главнейших столпов несправедливого порядка, лживую церковь принуждения и подавления, нашло в их среде

самое горячее сочувствие. Возглавленное и организованное, крестьянство становилось огромной силой.

Handlung, Art und Sinfaction / so fingen
mit weiden fern vom allen Nottemwind
hauffen der Bauern / so sich befehen
verpflicht haben. B. 2000V.

Bestimmte Würdigung der Titelfseite der
Hingebst: Die zwölf Artikel der Bauern.

Восставшие крестьяне

Лютер никакого отношения к крестьянскому движению иметь не желал, хотя неоднократно заявлял, что многие из требований крестьянства справедливы. Его революция, несмотря на явно демократический характер, была революцией сверху и только сверху; на вызванные им к жизни низовые, разгульные и жестокие силы он смотрел со страхом и чурался их. Испуг священника можно понять. Со взбаламученного им дна поднялись такие рыбы, о существовании которых он ранее не задумывался.

Революция есть в первую очередь *отрицание*; ее энергия по своему существу *негативна*. Направить эту энергию в позитивное, конструктивное русло очень и очень непросто. Лютер с самого начала не ставил подобных задач. Его революция была всецело революцией церкви, и здесь он проявил себя как весьма искусный в достижении своих целей политик. Ошибка была в том, что церковь и мир по большому счету так и остались для него разделенными.

Он не мог не понимать, что революционное брожение в Германии и за ее пределами поднялось благодаря развитой им бурной деятельности; однако думал ли он о возможном масштабе

такого брожения, начиная штурм римской твердыни? Некогда, на заре борьбы, Лютер писал другу: «Заклинаю тебя — если ты предан Евангелию, то не должен думать, будто можно вести его дело без смут, соблазнов и возмущения. Нельзя сделать из меча — перо, из войны — мир. Слово Божье — это меч, война, разрушение, соблазн, гибель, яд...» Теперь ему приходилось наяву убедиться в справедливости собственных слов. Расстояние между небом и землей стремительно сокращалось, как ни пытался он это остановить.

Мягкое Место и Дьявол во плоти

Желающие возглавить крестьянское движение нашлись и без него. Более всех преуспел Томас Мюнцер, которого Эрих Хонеккер называл «одним из лучших сынов немецкого народа», а Маркс и Энгельс считали одним из своих предшественников. Проповедник из города Цвиккау, Мюнцер взял на вооружение учение тамошних пророков, о которых мы писали ранее. Энергичный и беспокойный молодой человек, талантливый демагог, он в короткие сроки сумел сплотить вокруг себя народные массы. Свирепость и радикализм его пропаганды как нельзя лучше соответствовали свирепости и радикализму народных настроений. Царство Божие, по Мюнцеру, должно быть построено *на земле*, а то, что оно *берется силой*, написано уже в Библии. Впрочем, Писание Мюнцер не очень жаловал, ставя превыше всего божественное откровение. «Это истинно апостольский, патриархальный и пророческий дух — ждать видений и доверяться им». Отныне власть будет принадлежать избранным — тем, кто способен разговаривать с господом богом напрямую. Восстания вспыхивают там и тут; Мюнцер собирает большое войско, чтобы сокрушить власть имущих. «*Народ будет свободен, и Бог будет единственным господином над ним*». Не так давно Лютер переступил во имя религии через духовную власть, не решившись, однако, переступить через власть светскую, более того, апеллируя к последней. Мюнцер идет дальше: он переступает через светскую власть, а вместе с нею — и через Лютера,

которого иначе как «Братец Боров» или «Мягкое Место» он не называет. Обращаясь к крестьянам, он восклицает:

«Пусть кровь не остывает на вашем мече!»

Томас Мюнцер

Лютер встревожен не на шутку. «Кто видел Мюнцера, тот может сказать, что видел дьявола во плоти в крайней его лютости», — напишет он позднее. Как же должен был он терзаться, ощущая римских реакционеров гораздо более близкими по духу, чем продолжателей его дела. Римская курия злорадствует: именно о таком развитии событий она предупреждала.

Лютер проникается жгучей ненавистью к разбушевавшейся черни и подстрекающим ее демагогам. В своем печально известном трактате «Против разбойников и кровопийц крестьян» он призывает князей уничтожить мятежников «как бешеных собак». «Всякий, кто может, коли, дави, души их тайно и открыто, ибо нет ничего более губительного, вредоносного и сатанинского, чем бунт». Князья не заставили себя уговаривать. Восстание Мюнцера было жестоко подавлено. Пять тысяч человек из его восьмитысячного войска были изрублены, а сам он обезглавлен после чудовищных пыток.

Крестьянство, поставленное в еще более униженное положение, смотрело теперь на Лютера, как на предателя, продавшегося князьям. А ведь совсем не давно о нем говорили как о святом, новом апостоле, даже новом мессии. Лютер не собирался отступать ни на шаг. «Я, Мартин Лютер, убил всех погибших в восстании крестьян, потому что приказывал убивать их. Кровь их

да падет на мою главу. Но я сделал это потому, что Господь приказал мне говорить так». Он умел отвечать за свои слова.

В том же 1525 году Лютер сочетается браком с Катариной фон Бора, одной из «разагитированных» им монахинь. Менее всего в их союзе было романтики, однако он оказался прочным и основательным, постепенно исполнившись тихой бюргерской любви. Лютеру явно доставляло удовольствие быть отцом и главой семейства.

Интересно, что дальним родственником и отдаленным потомком реформатора якобы является революционер Карл Либкнехт, соратник Ленина и Розы Люксембург. Бунтарская кровь не разбавляется.

Женитьба Лютера обогатила немецкую литературу многочисленными афоризмами на тему брака. На афоризмы Лютер был скор и плодовит. Крылатыми изречениями, емкими и остроумными, исполнены «Застольные разговоры Лютера», — записи, сделанные студентами доктора во время приема им пищи⁶.

Пищу бывший монах поглощал усердно и со вкусом. Он сильно располнел и исполнился столь несвойственной ему ранее благодати. Выпить он любил не менее, чем покушать. «Под рукой у Лютера всегда была мерная кружка с тремя кольцами. Первое, по его словам, олицетворяло десять заповедей, второе — апостольский символ, а третье — молитву «Отче наш». Лютеру доставляло огромное удовольствие то, что он способен был осушить кружку вина вплоть до молитвы «Отче наш», в то время как Агрикола не мог преодолеть десять заповедей. Однако нигде не упоминается, что его хотя бы раз видели пьяным», — сообщает Бейнтон.

⁶ Счастливая мысль — записывать застольные разговоры великих. Через четыре века после Лютера застольные разговоры другого классика общественной мысли записывались столь же тщательно. Такой обычай дает нам ценнейшие штрихи к пониманию эпохальной личности. Впрочем, в отличие от Лютера Гитлер, читавший, кстати, записи разговоров святого отца, относился к стенографированию своих бесед довольно негативно, поэтому оно велось полупульганально и опосредованно.

Новая церковь

Казнь Мюнцера открыла новый период Реформации. Уничтожив или изгнав радикалов-проповедников, подавив восставший народ, лютеранство стало карманной религией земных владык. Князья, наконец, осознали все его выгоды, а история с Мюнцером и крестьянами убедила их в лояльности Лютера. С самого начала Реформации Лютер решил опереться на светскую власть в своей борьбе; теперь эта власть опиралась на его учение, оказавшееся для нее крайне выгодным. Былой радикализм, не только социальный, но и религиозный, облетал с Лютера, как листва с клена. Ледяное дыхание революции охладило его горячую голову.

Задуманная революция небес окончательно утихомирилась, превратившись в реформацию. Какова была роль в этом самого Лютера? Разумеется, он приспособился к окружающей действительности быстрее, чем окружающая действительность приспособилась к нему — но в этом он представляет собой не исключение, а правило. Ценен и удивителен в Лютере начальный посыл, момент вызова, *прорыв*, когда провинциальный монах поставил вдруг под угрозу существование грандиозного механизма подавления. Разорвать пуповину, связующую его с этим механизмом, он так и не смог.

Мартин Лютер

Чистоту догматов в сугубо христианском смысле Лютер охранял до последнего. Религиозная склока была его стихией. «Воистину, очень радостно видеть размежевания, разногласия и раздоры, возникающие вокруг Слова Божьего», — говорил он еще в Вормсе. Объединения протестантов, которое могло бы состояться после марбургского диспута 1529 г., не произошло именно благодаря позиции Лютера. «Одна из сторон должна принадлежать дьяволу», — заявил тогда он. Он хорошо знал, что именно бескомпромиссность в вопросах веры помогла ему некогда победить. Зато князья охотно объединялись под знаменем лютеровского учения, — учения, укрепившего их власть и независимость. В 1531 году они заключили в Шмалькальдене пакт о взаимовыручке.

Фактически, механизмы старой доброй католической церкви воссоздавались в обновленном и еще более изошренном виде, и вот уже Лютера без особой иронии начали называть папой из Виттенберга. На горизонте маячила война между императором и протестантскими князьями шмалькальденского союза. Папа и Лютер должны были обеспечивать этой войне идеологическое прикрытие, каждый со своей стороны. Но до этого Лютер не дожил.

Что чувствовал этот человек в последние годы жизни? «Я прожил достаточно», — на склоне лет говорил он. Суета вокруг его имени тяготила доктора Лютера, хотя он любил потешить тщеславие и гордился своей исторической ролью. Биографы мало пишут о последних пятнадцати годах его жизни, эти годы значительно проигрывают в сравнении со временем подъема. И все же деятельность Лютера была по-прежнему разносторонней и интенсивной. Он строил новую церковь, но эта новая церковь являлась по существу окончательно профанированной старой.

Разумеется, одной лишь профанацией и десакрализацией дело не ограничивалось. Новая религия просто обязана была нести в себе новые принципы, соответствующие наступающей эпохе. Эта эпоха буквально выдергивала их из теологии Лютера. Одним из важнейших новых принципов явился принцип личной веры. *Личная вера* предполагала *индивидуальное* спасение, и церковь теперь официально являлась всего лишь тактико-

стратегическим объединением отделенных друг от друга индивидов. Не менее важным было *учение о предопределенности*, основные положения которого Лютер сформулировал в столь богатом событиями 1525 году в полемике со знаменитым Эразмом Роттердамским (истоки этого учения можно найти еще у Блаженного Августина). «Воля человека поставлена в центр, как вьючное животное. Если на нем сидит Бог, оно хочет того и идет туда, куда хочет Бог. Если на нем сидит Сатана, оно хочет того и идет туда, куда хочет Сатана, и оно не может свободно выбирать, к какому из двух всадников бежать и кого искать, скорее, они борются за то, кто его удержит и завладеет им».

Это значит, что господь *заранее* предназначил одних людей к спасению, а других — к осуждению на вечные муки; божья воля разделяет человечество на избранных и неизбранных, и к каждому из этих лагерей человек принадлежит *изначально и бесповоротно*. Происходит своеобразное возвращение к иудейской фразеологии — недаром женеvский реформатор Кальвин, повлиявший на идеологию новой церкви едва ли не больше самого Лютера, ставил во главу угла Ветхий, а не Новый, Завет.

Жан Кальвин

Кальвин сделал доктрину о предопределенности краеугольным камнем своего учения. Исходя из этого учения, можно было оправдать любое разделение человечества, каким бы несправедливым оно ни было. Впрочем, любая церковь на протяжении истории занималась этим более или менее успешно — а потому религия всегда была востребована и поддерживаема властями.

Подозревал ли Лютер, что его религия признана не совершенствовать существующую действительность, но прислуживать ей? Насколько предвидел будущее своего учения грузный, грубый и раздражительный старик с бородавкой на подбородке, прогуливаясь по возделанному им саду? Бог отпустил ему не так мало времени⁷ — за весь период его активной деятельности успели взойти на престол и умереть несколько пап. «Меня попытаются превратить в недвижимую звезду. Я — неправильная планета», — сказал он в одной из своих застольных бесед. И пускай его, действительно, превратили в недвижимую звезду, почетное название неправильной планеты он заслужил.

⁷ Мартин Лютер родился 10 ноября 1483 г. в городе Эйслебене, умер в том же городе 18 февраля 1546 г. Погребен в Виттенберге.

Also sprach Marat

Это имя часто произносят с ужасом, и в самом деле, есть чему ужасаться, вспоминая его. Тот, кто носил это имя, был одним из создателей идеологии современной Европы, а отцы-основатели очень часто обладают свойством ужасать. Впрочем, для большинства из нас человек, о котором пойдет речь, является, за давностью событий, не более чем экзотической фигурой из учебника истории. Между тем, информационная стихия, в которой мы обитаем, до сих пор несет на себе отпечаток его сильной и цельной личности.

Звали его Жан-Поль Марат.

Огонь под пеплом

Марат родился в швейцарском городке Будри кантона Невшатель, в семье художника, по одним сведениям, католического священника — по другим, преподавателя языков — по третьим; вернее всего, его отец был столь же разносторонней и непоседливой личностью, как и он сам. Во всяком случае, семья Марата была достаточно состоятельна для того, чтобы обеспечить ему спокойное детство. Наверняка в юношеском возрасте он много читал, наверняка ему бросалось в глаза несоответствие написанного в книгах с тем, что он видел вокруг себя — начало пути, типичное для искателя справедливости, типичное для революционера. С детских лет ему была свойственна непокорность; наказанный отцом, он объявил голодовку, был заперт в комнате, выпрыгнул из окна и разбил себе лоб; шрам остался на всю жизнь. Впоследствии, откровенничая в духе модного тогда Руссо, он напишет:

«Единственная страсть, пожирившая мою душу, была любовь к славе, но это был еще только огонь, тлевший под пеплом...

Легкомысленные люди, упрекающие меня в том, что я — упрямец, увидят, что я был им уже с давних лет. Но чему они, возможно, не поверят: с ранних лет меня пожирала любовь к славе, страсть, в различные периоды моей жизни менявшая цель, но ни на минуту меня не покидавшая. В пять лет я хотел стать школьным учителем, в пятнадцать лет — профессором, писателем — в восемнадцать, творческим гением — в двадцать, как сейчас я жажду славы — принести себя в жертву отечеству».

Жан-Поль Марат

Неясно, когда Марат оставил свой родной город (кажется, это случилось тогда, когда умерла его горячо любимая мать), неясно даже толком, как он получил медицинское образование, — а медик он был замечательный. Со слов самого Марата известно, что он много путешествовал, вернее сказать, скитался. «Я прожил два года в Бордо, десять лет в Лондоне, один год в Дублине и Эдинбурге, один — в Гааге, Утрехте и Амстердаме, и девятнадцать лет в Париже, я объездил пол-Европы», — писал он незадолго до смерти.

В Англии он пишет большую книгу под названием «Цепи рабства», работая над ней по двадцать часов в сутки и истощая свой организм. «Кажется, таков неизбежный удел человека — нигде и никогда не сохранять своей свободы: повсюду государи идут к деспотизму, народы же — к рабству», — такими словами начинает он свой труд. Рецепты избавления от деспотизма, изложенные им в этой книге, во многом предвосхищают его гря-

душую деятельность во Французской революции. Пока же его основным занятием остается врачебная практика.

Доктор неизлечимых

Степень доктора медицины Марат получил в Эдинбургском университете святого Эндрюса в 1775 году. Сфера его профессиональных интересов была весьма обширна: офтальмология, венерология, лечение кожных заболеваний. Кроме того, Марат был одним из первых теоретиков и практиков электротерапии, причем практиков успешных. Таланты его уже тогда проявились не только в области медицины. «Я опубликовал до сего дня двадцать томов как по физиологии и медицине, так и по физике и политике» — пишет он в уже цитированной статье. Большинство работ по физике, написанных Маратом, посвящено электричеству, самой загадочной и неизведанной на тот день области физической науки; спустя два века видно, что во многих вопросах автор опередил свое время. Официального признания современников труды Марата не получили, хотя в независимых научных кругах были оценены довольно высоко. Достаточно сказать, что испанские ученые предлагали ему возглавить Мадридскую Академию Наук, но французские академики отговорили их от этого со всей решительностью, на которую были способны.

Во времена стычек с академиками, а стычек было великое множество — неспроста ведь французские мэтры столь рьяно предостерегали испанских коллег относительно своего соотечественника, — во времена стычек с академиками Марат проявил себя как отъявленный склочник. Впрочем, сами академики предстают не лучшими: косные, самодовольные, самонадеянные и вместе с тем опасливые блюстители устоев, профессиональные камни преткновения. Атмосфера постоянных склок вообще характерна для того времени — от Академии Наук до Якобинского Клуба. Почти все великие люди этой необыкновенно богатой гениями эпохи склочничать умели и любили.

Склоку Марат продолжил и после революции; длилась она до тех пор, пока революционным декретом академия не была распущена. Случилось это в 1792 году, за год до смерти Марата.

Пробовал себя доктор также в качестве романиста, но явно неудачно; «Приключение графа Понятовского», роман в письмах из русско-польской жизни, он сам признавал чрезмерно сентиментальным и неловко написанным. Неудачной вышла и предпринятая в молодости попытка сотрудничать с энциклопедистами, идейно обеспечивавшими грядущую революцию — отказал ему в этом лично Д'Аламбер, ставший одной из самых больших антипатий Марата. Еще одной антипатией был желчный старец Вольтер, в свое время вдоволь наиздевавшийся над его книгой «О человеке, или о принципах и законах влияния души на тело и тела на душу»; нечего говорить, что Марат в долгу не остался, и ответный заряд желчи Вольтеру был обеспечен. «Я боролся с принципами современной философии, вот источник неутомимой ненависти ее апостолов», — напишет позднее Марат.

Жан-Поль Марат

На поприще медицины Марат преуспевал; достаточно сказать, что одним из его пациентов и конфиденентов был брат короля, будущий король Карл X. В те времена модный и влиятельный д-р Марат носил шпагу и совершал прогулки в сопровождении слуги.

Исцелив от туберкулеза влиятельную маркизу де Лобеспин с помощью лекарства, изобретенного им лично, Марат достиг пика популярности в высшем свете. Красавица маркиза отблагодарила доктора в духе французских романов, сделавшись его любовницей (Марат, вопреки имиджу страшилища, вообще пользовался успехом у слабого пола). Париж называл его «врачом неизлечимых».

И вдруг, как принято писать в таких случаях, хотя хорошо понятно, что случается такое вовсе не вдруг, — вдруг он бросает практику, с головой уйдя в медицинские и физиологические опыты и в политику, конечно же, в политику. Из богатого дома в аристократическом Сен-Жерменском предместье он переезжает в маленькую квартирку в плебейском квартале, откуда, с улицы Старой Голубятни, и объявляет абсолютистскому государству свою персональную войну.

Революция как исцеление

Человек от природы физически сильный, Марат начинает часто и тяжело болеть. Можно предположить, что болезненность Марата была связана с тем фанатизмом, с которым он погрузился в свои медицинские открытия; многие ученые его века страдали от эпидемических заболеваний, нередко в целях эксперимента добровольно прививая себе опасные вирусы. Некоторые исследователи считают, что Марат заразился своими болезнями еще раньше, в Англии, где бескорыстно врачевал в бараках немощных больных (за свою активную борьбу с эпидемическими заболеваниями он был удостоен звания почетного гражданина города Ньюкастл). Одиноким, нуждающимся, отвергнутым обществом, он, кажется, навсегда обречен прозябать на задворках, но все-таки не сломлен.

Характерная деталь: выпуская свои работы, Марат, по уверению будущего жирондиста Бриссо, печатает в газете этого господина восторженные рецензии на них, написанные от чужого имени. Над этим потом потешались, но это было совсем не смешно. Фактически оказавшись в изоляции и страстно желая выбраться из нее, Марат отчаянно создавал вокруг себя инфор-

мационное поле, информационный шум, пиарил себя, как мы сказали бы сегодня. Живя во второй половине восемнадцатого века, он прекрасно понимал важность информации, стремясь наладить возможно более прочные «связи с общественностью». Как известно, впоследствии в этом он преуспел.

Жан-Поль Марат

Однако в те времена безысходность, одиночество и острая форма пузырчатого лишая неизменно оказывались сильнее. В 1788 году Марат чувствовал себя настолько больным, что начал подготавливаться к смерти. Неотвратимое, казалось бы, погружение в небытие остановило ощущение столь же неотвратимо надвигающейся революции. Позднее доктор вспоминал, что выздоровление ему принесла весть о созыве Генеральных Штатов. «Старый воспалительный процесс» был остановлен, хотя излечиться полностью Марат так и не смог до конца своей жизни.

Начинался процесс революционный.

«Дело сделано. Prestige правительства сведен на нет». Так начинается сборник статей, изданный Маратом анонимно в начале 1789 года. Уже эта фраза, будто бы написанная в XX или даже XXI веке, указывает на отличное понимание стратегии информационной войны. В то время как многие из его современников сомнамбулически и туманно размышляли о несправедли-

ности абсолютизма и лучшей жизни, которая возможна в много-страдальном отечестве, он знал, что первое, что нужно сделать — делегитимировать режим, лишить государство его векового ореола.

События развивались стремительно. Вот уже пала Бастилия, плотину, наконец, прорвало. Гражданину Марату предложили участвовать в работе окружного комитета по месту жительства, — всякая революция щедра на создание таких сырых расплывчатых организаций. Но работа винтиком, пускай революционным, его не прельщала. И уже через три дня после взятия Бастилии Марат обратился к комитету с просьбой обеспечить его деньгами и типографским станком для издания газеты.

Комитетчики согласились не сразу. Доктор был не из тех, кто обладает талантом располагать к себе или внушать доверие. Писатели и историографы почти единодушно представляют Марата неприятным, испуганным, безобразным типом. Гюго пишет о его медном лице и зеленых зубах⁸, Карлейль живописует его голубые (sic!) губы. В явно преувеличенных описаниях мара-товского безобразия (Пушкин так и написал: «Палач уродливый...»), конечно, сказывается влияние той самой черной легенды о Друге народа, которая была выгодна как его противникам, так и... ему самому. Нахальный, въедливый и прыткий, исходящий ехидством и желчью, он привык скандализировать общество, дореволюционное ли, послереволюционное. Говорили, что в правительственные учреждения он нередко являлся в халате и с повязкой на голове, на поясе у него висел кинжал. Время от времени Марат страдал кожной болезнью, проявлявшейся на его лице. Голос Друга народа был резок и хрипл, его часто сравнивали с вороньим карканьем. Но очень скоро к этому карканью стали прислушиваться все.

Свой заветный станок Марат, в конце концов, получил. 12 сентября 1789 года вышел первый номер его газеты, за которой

⁸ В романе Гюго «Девяносто третий год» великолепно и мелодраматично выписана встреча триумфиров революции — Марата, Робеспьера и Дантона, — и их свирепые споры о судьбах революции. «Сколько тебе лет, Дантон? Тридцать четыре? А тебе, Робеспьер? Тридцать три? — вопрошает Марат. — Ну, а я жил вечно, я извечное страдание человеческое, мне шесть тысяч лет».

впоследствии закрепилось скромное имя «Друг народа». «Измученный к моменту революции преследованиями, которым так долго подвергала меня Академия Наук, я с радостью воспользовался представившимся мне случаем, чтобы отбросить своих угнетателей и занять должное место», — с присущей ему прямоотой напишет впоследствии доктор. Очень скоро формулируется основная задача газеты. «В пылу острых споров народу следует опасаться уловок своих врагов, и здесь не стоит надеяться на его силы и храбрость. Он попадет в западню, если ее не заметит. А значит, ему нужны искушенные в политике люди, которые бы денно и ночью блюли его интересы, защищали его права, заботились о его благе. Я посвящу этому каждое мгновение своей жизни». Так и сделал, посвятил, да еще как посвятил! Пока народ пел песенки и повязывал ленточки, Друг его не дремал. Он знал, или чувствовал, что за этой фазой революции с необходимостью наступит следующая. «К чему это глупое веселье? — вопрошал он. — Революция еще только дурной сон для народа. Они забавляют вас детскими играми, чтобы заковать в цепи».

Друг народа

Разительное отличие Марата от других деятелей революции — в его более чем реалистическое отношение к народу, которому в ту эпоху великих иллюзий только ленивый не пел сладчайшие дифирамбы. «Народ, — пишет Марат, — плохой ценитель вещей; он редко видит их такими, какими они являются в действительности, еще реже способен охватить всю совокупность явлений и почти никогда не способен предвидеть последствия событий». «Масса народа, — говорит он за сто лет до Ле Бона, — не знает прогресса разума и знаний, хотя порой она как будто отказывается от некоторых предрассудков или, вернее, меняет их. Хитрости ловкого, глубокого макиавеллизма от нее ускользают, и это будет всегда так. Ей не хватает и всегда не будет хватать прозорливости, чтобы обнародовать ловушки,

расставленные врагами. Политические споры были, есть и будут выше ее понимания».

Со всей свирепостью, на которую он был способен, — а он был способен на очень большую свирепость, — Марат повел атаку на недобитых аристократов и народных кумиров. В числе тех, на кого он обрушился, были такие столпы, как мэр Парижа Байи, командующий национальной гвардией Лафайет, министр финансов Неккер, влиятельный и почитаемый в народе депутат Мирабо — все они были весьма популярны в народе, но для Друга народа никогда не существовало авторитетов. «Истина и справедливость — единственное, чему я поклоняюсь на земле. Я различаю людей исключительно по их личным качествам; я преклоняюсь перед талантами, ценю мудрость, почитаю добродетель; но в то же время я усматриваю в почестях, оказываемых великим мира сего, лишь плоды преступления или игру счастливого случая. Я всегда презирал кумиров удачи и никогда не стану льстить идолам власти. Какими бы титулами ни был изукрашен какой-нибудь вельможа, он, будучи лишен заслуг, мало что значит в моих глазах; и до тех пор, пока он будет лишен добродетели, он в моих глазах всегда будет достоин лишь презрения».

В своей игре Марату часто приходилось побивать одних вельмож, опираясь на поддержку других; эти последние думали, что всего лишь устраняют с его помощью своих конкурентов, однако скоро подходил черед и для них самих.

Лейтмотив статей Марата был один и тот же: бдительность, бдительность и еще раз бдительность. О глупый французский народ (Марат часто восклицал в этом духе), ты опутан сетью самых чудовищных заговоров (заговоры описывались до мельчайших деталей, заговорщики назывались поименно, описывалось и что с ними должен немедленно сделать народ: повесить, снести голову etc.; народ часто бывал чуток к советам своего Друга), без крови не обойтись, «лучше пролить несколько капель нечистой крови, чем ждать, пока народная кровь польется потоками!».

Сам редактор называл свою газету «страшилищем для контрреволюции». Справедливости ради стоит сказать, что призывы к

кровавым расправам не являются некоей отличительной чертой Марата, но вообще весьма характерны для того времени; однако и с учетом этого Марат предстает особенно свирепым. Истеричные и параноические предупреждения Марата относительно готовящихся всюду заговоров удивительным образом сбылись впоследствии, что, разумеется, добавило ему авторитета. Измена Лафайета и Дюмурье, двуличие Мирабо, предательство и бегство короля были предсказаны им задолго до того, как стали свершившимися фактами.

«Дорогие товарищи, вы говорите, что меня считают пророком; но я такой же пророк, как и любой из вас. Я просто внимательно разглядываю то, на что вы не обращаете внимания. Я тщательно изучаю людей, которым вы верите на слово, и познаю различные комбинации всех элементов политической машины, на игру которой вы смотрите просто как зрители», — писал в своей газете доктор.

То было время иллюзий, и наш герой видел свою задачу в том, чтобы эти иллюзии как можно быстрее развеять. Провокации и подстрекательства, совершенно разнузданные, всегда составляли его литературный стиль. Очень скоро Друг народа обрел гигантскую популярность в народных массах. Это была первая грандиозная демонстрация роли прессы в управлении коллективным сознанием и коллективным бессознательным, Марат был первооткрывателем и первопроходцем, значительность которого трудно переоценить. При этом в отличие от остальных своих коллег, в своих действиях он был абсолютно сознателен и вполне последователен.

Свою газету Марат делал в одиночку, совершенно один, всегда отчаянно нуждаясь. Печаталась она неразборчивым шрифтом на серой, плохо обрезанной бумаге, строки напозлали одна на другую, тираж был более чем скромн⁹. И все же ни одна из выходивших в то время газет, во многие из которых вкладывались нешуточные деньги, не могла даже отдаленно сравниться с

⁹ Тираж «Друга народа» составлял поначалу две тысячи экземпляров. Для сравнения, тиражи газет Мирабо и Лустало, выходивших в это же время, составляли соответственно десять и сто тысяч экземпляров. В довершение к этому, на них работал целый штат литературных поделщиков.

листком Марата по степени влияния на массы и, так сказать, отдачи от своего содержания. Часто зажигательные призывы Марата зачитывались вслух энтузиастами при больших скоплениях людей. Нужно ли говорить, какую реакцию вызывали они у тех, против кого были направлены?

В начале 1790 года Друга народа наконец попытались арестовать. Огромная толпа народа перекрыла вход его дома. Полицейские отступили ни с чем. Этот эпизод повторится не раз. Время от времени Марат будет уходить в подполье (в 1792 году он даже уедет в Англию, где пробудет довольно долго, если учитывать бешеную скорость революции¹⁰); Марат будет уходить в подполье, влача самое тяжелое существование, но его газета продолжит выходить, не снизив свой накал ни на градус. «Общее восстание и казни руками народа», заклинал народный Друг.

В 1790 году он сформулировал замечательный тезис: *«постоянно поддерживать народ в возбужденном состоянии, пока основу существующего строя не составят справедливые законы»*. Важный и абсолютно современный принцип информационного террора. Цели его могут быть самыми разными, нужно только изменить ту часть предложения, которая следует за словом «пока».

«Когда плотина прорвана, — писал Марат, — волны непреодолимо рвутся на берег и не остановят свой бег, пока вода не достигнет определенного уровня». За фазой информационного террора последовала фаза террора непосредственного.

¹⁰ После возвращения Марат возьмется за дело с удвоенной энергией; масштаб и, главное, резонанс от его действий возрастет. Многие объясняют это помощью из Англии, прежде всего, от братьев по масонской ложе, в которую он вступил еще в 1774 году. К масонам принадлежали все крупные деятели Французской революции; и до, и после нее крупные общественные деятели нередко состояли в масонских ложах. Марат отличался от прочих тем, что был масоном, так сказать, английского разлива. Кстати, возвратившись из Англии, Марат обнаружил, что на родине за время его отсутствия возникло четыре (!) газеты под названием «Друг народа».

Террор

Весной 1792 года началась крупномасштабная война Европы против революционной Франции. В самой Франции стремительно набирала силу контрреволюция. Восстания в Вандее и Лионе были уже не за горами. Нечего говорить, что интервенты и контрреволюционеры были настроены самым свирепым образом, совершенно по-маратовски требуя крови всех революционных мятежников и тех, кто был так или иначе с ними связан. Король после неудачной попытки бегства из Парижа фактически не имел реальной власти. Падение монархии 10 августа было неизбежным и довело до предела все существующие противоречия. Для революции пришло время обнажить клыки.

Не следует думать, что террор явился исключительно результатом деятельности революционных подстрекателей вроде Марата. Убиенный король Людовик и давно умерший философ Руссо внесли в триумф террора лепту не меньшую, чем революционеры Робеспьер и Сен-Жюст. Такого рода события подготавливаются десятилетиями — как сознательными действиями отдельных людей, так и всем ходом развития общества¹¹. При-

¹¹ «Все, что я вижу, сеет семена революции, которая настанет неминуемо, — писал еще в 1764 году Вольтер. — Увы, я буду лишен удовольствия быть ее свидетелем... Просвещение потихоньку распространилось до такой степени, что взрыв последует при первой благоприятной возможности, и тогда будет славная возня». «Накануне кровавого террора 1793 г., — пишет известный исследователь Французской революции Огюстен Кошен, — с 1765 до 1780 г., в словесной республике проходил бескровный террор, в котором роль Комитета общественного спасения играла «Энциклопедия», а роль Робеспьера — Д'Аламбер». «Меня смущает то, — замечает он далее, — что все эти ужасные, дьявольские последствия имеют истоком крошечный факт, который их объясняет, — такой банальный, такой незначительный факт — болтовню». О том же самом, но совсем другими словами пишет князь Кропоткин в своей истории великой французской революции:

«Философы XVIII в. давно уже подрывали основы современных им культурных государств, где и политическая власть, и громадная доля богатства принадлежали аристократии и духовенству, тогда как народная масса оставалась выючным животным для сильных мира. Провозглашая верховное влады-

чем последний фактор является основополагающим. Любопытный и леденящий душу штришок: в разгар террора некоторые дамы, следившие за модой, носили в ушах маленькие серьги-гильотинки (А восемь десятилетий спустя, мае 1871, после разгрома Парижской Коммуны, *светские* дамы приходили поглазеть на пленных коммунаров, и развлечения ради выкалывали им зонтиками глаза, — написала мне одна из читательниц этой работы).

Девятого января 1792 года, еще до разгара террора, Марат впервые встретился с Робеспьером, человеком, который впоследствии станет символом французской революции. Марат вспоминал, как Робеспьер заметил ему, что «он сам виноват в том, что полезные мысли, изложенные в его статьях, не приносят того блага, которое они могли бы принести, и это произошло потому, что он упорно настаивал на своих чрезвычайных и резких предложениях (как, например, казнить пятьсот — шестьсот преступников), возбуждающих негодование не только сторонников аристократии, но и друзей свободы». «Вы обмакиваете свое перо в кровь своих врагов», — присовокупил Робеспьер. «Узнайте, — отвечал Марат, — что если бы после резни на Марсовом поле я нашел две тысячи человек, воодушевленных чувствами, раздиравшими мою душу, я бы во главе их заколол кинжалом генерала посреди его батальона разбойников, сжег деспота в его дворце и посадил на кол наших отвратительных представителей». «Робеспьер слушал меня в ужасе, — вспоминает Марат, — он побледнел и некоторое время молчал. Это свидание укрепило мнение, которое всегда у меня о нем было,

чество разума, выступая с проповедью веры в человеческую природу, в то, что природа человека, испорченная разного рода учреждениями, поработившими ее в течение исторической жизни, проявит все свои хорошие стороны, как только ей будет возвращена свобода, философы открыли перед человечеством широкие, новые горизонты. Равенство всех людей без различия рода и племени, обязанность всякого гражданина, будь он король или крестьянин, повиноваться закону, установленному представителями народа и считающемуся выражением общей воли; наконец, свобода договоров между свободными людьми и уничтожение феодальной, крепостной зависимости — эти требования философов, связанные в одно целое благодаря духу системы и методичности, свойственному французскому мышлению, подготовили в умах падение старого строя».

что он соединяет знания мудрого сенатора с честью подлинно добродетельного человека и рвением настоящего патриота, но ему в равной степени не хватает дальновидности и мужества государственного деятеля».

Похожую историю, случившуюся позже, рассказывает сестра Робеспьера Шарлотта. «Однажды Марат пришел к моему брату, — пишет она в своих мемуарах. — Этот визит нас удивил, так как обыкновенно Марат и Робеспьер не имели никаких сношений. Вначале они говорили о делах вообще, потом о направлении, какое принимает революция. Наконец, Марат коснулся вопроса о мерах устрашения и жаловался на мягкость и чрезвычайную снисходительность правительства. “Ты человек, которого я уважаю, может быть, больше всех на свете, — сказал Марат моему брату, — но я уважал бы тебя еще больше, если бы ты был менее умерен по отношению к аристократам”. — “Я тебе ставлю в упрек противоположное, — ответил мой брат. — Ты компрометируешь революцию. Ты заставляешь ненавидеть ее, требуя казней. Эшафот — ужасное средство и всегда гибельное, нужно осторожно пользоваться им и только в тех серьезных случаях, когда родине угрожает опасность”. — “Мне жаль тебя, — сказал тогда Марат, — ты не дорос до меня”. — “Я был бы очень удручен, если бы сравнился с тобой”, — ответил Робеспьер. — “Ты меня не понимаешь, — продолжал Марат. — Мы никогда не сможем идти вместе”. — “Возможно, — сказал Робеспьер. — Но это будет только к лучшему”. — “Мне очень жаль, что мы не можем сговориться, — добавил Марат, — ибо ты самый безупречный человек в Конвенте”».

Причина разногласий между Робеспьером и Маратом заключалась не только в кровожадности последнего, но и в *качественном*, принципиальном различии в понимании террора. Для Робеспьера, во всяком случае, на начальном этапе, террор был только необходимой разновидностью военных действий. Массовые казни должны были обеспечить устранение конкретных лиц, обезглавив верхушку контрреволюции. Жан-Поль Марат понимал террор иначе, так, как в двадцать первом веке, веке информационных технологий, понимают его Буш и Бен Ладен. Террор для него — в первую голову великолепный способ создания особого морального и психологического состояния на-

родных масс с тем, чтобы, опираясь на это состояние, править и побеждать¹². Неустойчивость как источник власти! Объясняя свою уже упоминавшуюся выше кампанию против министра Неккера, Марат прямо писал: «Обвинение, предъявленное первому министру как виновнику голода, истощившего королевство как участнику и главе заговора, имело целью не только возбудить любопытство, но и посеять ужас и тревогу». Террор должен стать не просто очередным этапом военной операции, но сознательным индуцированием тотального психоза, массовой истерии, надежным гарантом перманентного шока. Террор как политика, террор как индустрия, террор как культура и искусство.

Прежде всего литератор, Марат отнюдь не был самым жестоким из революционеров. Главным его орудием даже во времена гильотины было прежде всего слово¹³. Какой-нибудь Колло д'Эрбуа был куда более кровав и жесток. Но именно Марат стал олицетворением террора — во-первых, потому, что он, вплоть до лишения своего, казался создателям легенды о французской революции исключительно подходящей для такой роли фигурой, и во-вторых, потому, что сумел наиболее сознательно среди всех революционеров, включая Робеспьера, декларировать террор не столько как радикальную репрессивную меру, но как агрессивный информационный акт. Ему действительно удалось опередить свое время — в присущем только ему иступленном и неистовом стиле. «Марат — это дикобраз, которого не только нельзя коснуться даже пальцем, но и никому не дано уловить

¹² Пытаясь оправдать позицию новой власти во время кровавых погромов, учиненных парижской чернью в сентябре 1792 года, когда на избитые заключенных в тюрьмы аристократов она смотрела с молчаливым одобрением, если не инспирировала их, Дантон говорил в Конвенте, что эти погромы «явились следствием всеобщего возбуждения умов, национальной лихорадки, творившей в то же время чудеса, которым будет удивляться потомство».

¹³ Отвечая на обвинения журналиста Демулена в провокациях и распространении не всегда правдивой информации, Марат замечает: «Для осведомительской газеты, как ваша, Камилл, подобное обвинение было бы, разумеется, очень серьезно, но для моей, чисто политической, оно сводится на нет. Откуда вам знать, может быть, то, что вы считаете ложными новостями, является текстом, который был мне необходим, чтобы отклонить какой-нибудь зловещий удар и достичь своей цели?»

суть его идей», — сказал о нем его современник, кордельер Шабо.

В наши дни принято сравнивать большевиков с якобинцами, чуть ли не ставить между ними знак равенства; действительно, большевики, как и якобинцы, освоили все передовые технологии своего времени, большевики, как и якобинцы, были мощной радикальной силой, но цели, стоявшие перед большевиками, были иными, нежели цели, стоявшие перед якобинцами: сами большевики говорили, что последние были «буржуазными революционерами», в то время как они являются революционерами антибуржуазными; так или иначе, различие эпох не могло не повлечь за собой различия в методах и характерах деятелей двух великих революций. Неистовый Марат, при всей своей революционности, а то и благодаря ей, предвосхитил типаж не только большевика, но и решительного радикального буржуа, того же Сороса, например.

В. И. Ленин писал о французской революции: «Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии».

Эти слова в полной мере относятся к наследию Марата, доктрине террора, информационного и непосредственного, доктрине, оставшейся актуальной и в XX, и в XXI веке, более того, поднявшейся в своем развитии на новый, более высокий уровень. «Свободу должно насаждать силой, и сейчас настал момент, когда надо немедленно организовать деспотизм свободы, дабы смести с лица земли деспотизм королей». Пускай свобода понимается сегодня сильными мира сего по-иному, но трудно не вспомнить этих слов над руинами сербских или иракских домов.

Когда процессы тридцатых годов в Советском Союзе санкционировали уничтожение высоких партийных работников, это делалось вовсе не потому, что те действительно были наймитами вражеских разведок. Когда в феврале 1945 года бомбардировщики англичан и американцев планомерно уничтожали мирное население Дрездена, это делалось вовсе не потому, что кто-

то решил, что в Дрездене поселился Гитлер. Когда в 2001-м самолеты таранили башни Торгового Центра, для террористов не имело никакого значения, кто в этих башнях находился. Важен был сам акт насилия, его косвенные, но не прямые последствия.

Это и есть понимание целей террора в смысле Марата, которое восторжествовало во времена французской революции и торжествует по сей день. В конце концов, по справедливому замечанию Оруэлла, «весь период Террора, если брать общее число погибших, был шуткой по сравнению с любым сражением наполеоновских войн» (здесь он только перефразировал Мишле, сказавшего, что все жертвы революционного террора в Париже едва составляют одну сороковую часть солдат, погибших в битве при Бородино). И до, и после французской революции история знала случаи куда более масштабных массовых истреблений, однако именно революционный террор во Франции стал притчей во языцех в такой степени, что многие историки специально пишут его с большой буквы, — ибо он стал предтечей террора грядущего.

Не полетели еще головы с плеч, а герой нашего повествования являлся уже заслуженным информационным террористом. Информационным террористом номер один он и вошел навсегда в историю. Но если Друг народа был террористом во имя народа, или, по крайней мере, со всем возможным пафосом считал себя таковым, то этого никак нельзя сказать о его сегодняшних учениках.

Триумф

9 сентября 1792 года Марат был избран в Конвент от города Парижа.

Здесь он ни на йоту не отступил от своего имиджа. Левые сторонились его, правые ужасались; но народ, народ по-прежнему любил своего строптивного Друга, столь мастерски кормящего его ужасом (о, народ обожает ужасаться!). Друг отвечал взаимностью. На первом же заседании Конвента новоиспеченный депутат потребовал смены зала заседаний. Зал заседаний в Тюильрийском дворце, где и находились депутаты, имел

от силы три сотни мест для публики; необходимо, чтобы трибуны для публики вмещали как минимум четыре тысячи человек, заявил депутат Марат, убежденный лицедей и гениальный политехнолог. Предложение не прошло, однако народ всегда принимал живейшее участие в заседаниях Конвента, и граждане депутаты не могли этого не учитывать. Рассказывают, что бывали случаи, когда воодушевленные народные массы в качестве наглядного пособия и в знак особого внимания к обсуждаемым проблемам приносили в Конвент на пиках контрреволюционные головы. Скорее всего, это выдумка, но выдумка весьма символичная¹⁴.

Одним из курьезных порождений революционного шоу явились парижские вязальщицы. Эти ультрапатриотические женщины ежедневно являлись на заседания Конвента, а также разных политических клубов с вязанием в руках. Вязание чулок для солдат Республики символизировало трудовой подвиг; но дамы им не ограничивались, очень быстро превращаясь, если надо было, в злобных фурий. Характерно, что за исполнение своего патриотического долга вязальщицы получали от Парижской Коммуны поденную плату.

Первое выступление Марата в Конвенте запомнилось всем.

Друг народа взошел на трибуну, сопровождаемый всеобщим неодобрительным молчанием. Внимательно оглядев аудиторию, он сказал:

— В этом зале много моих личных врагов.

Зал взорвался.

— Все здесь твои враги!

Выдержав паузу, Марат рявкнул:

— В этом зале много моих личных врагов, позор им всем!

Вновь наступила тишина.

¹⁴ «Голова (!) на пике в Конвенте появились один раз, во время восстания 1795 года (Жерминаль и Прериаль) — написала мне по этому поводу Люсиль, главный редактор сайта Vive-Liberta.Narod.Ru. К этому прибавляют, что Буасси д'Англа, исполнявший в тот момент роль председателя Конвента, невозмутимо поклонился ей. В период Революции такого не зафиксировано даже в эпоху Великого Террора!»

И недели не прошло со дня открытия конвента, как партия жирондистов при молчаливом и одобрительном согласии большинства потребовала лишить смутьяна Марата депутатских полномочий. Все знали, что в своих листках он требовал *диктатора с топором*; в предполагаемом диктаторе подозревали ненавистного Робеспьера, это придавало жирондистам двойной ярости. «Остановить бестию!» «На гильотину его!» — вопили внезапно осмелевшие деятели Жиронды. Левые подчеркнуто дистанцировались от Марата, предоставив ему выпутываться самому («Марат — существо вредное для общества», — заявил Дантон). Одинок стоял он на трибуне перед бушующим залом. Но доктор давно привык вести свою борьбу в одиночестве. «Только индюки ходят стадами», говаривал он. И здесь он не растерялся.

Марат в Конвенте

Он и не подумал отвергать возводимые на него обвинения, заявив, что, действительно, ему, и только ему, принадлежат крамольные призывы. С каждой своей фразой он распялся все более, заставив зал настороженно замолчать. В конце концов он выхватил пистолет и приставил его к виску, объявив, что даваться живым в руки врагов он не собирается. Речь оказалась великолепной; жирондисты были в смятении. Эту схватку они полностью проиграли.

Человек Марат был рискованный и вообще любил потрясать оружием. В марте девяносто третьего на заседании якобинского клуба он сунул здоровяку Дантону кинжал под нос и закричал, покрывая своим хриплым голосом бешеные овации: «Вот чем я буду истреблять контрреволюцию!» Пять дней спустя он стал президентом клуба.

Но до сближения с якобинцами Марат оставался политически одиноким. Жирондисты развернули широчайшую и жесточайшую травлю «чудовища» (Распространенное заблуждение, что жирондисты, в отличие от революционеров-радикалов, были тихими и застенчивыми буржуа. На самом деле, тихие и застенчивые в революциях не участвуют ни с какой стороны¹⁵.) Марат сражался в одиночку — и никогда не позволял себе занимать в своем сражении оборонительные позиции, всегда наступая, несмотря на то, что подвергался гонениям до такой степени, что часто вынужден был скрываться, как во времена монархии. Случалось, он просто не мог выйти из дому. Но всеобщая ненависть не могла его обескуражить. «Рассчитывать, что понравиться всем, — говорил Марат, — может только сумасшедший; а рассчитывать, что во время революции понравиться всем, может только предатель».

На повестке дня особенно остро стояла продовольственная проблема. Друг народа предложил способ ее решения в своем фирменном стиле: «В каждой стране, где права народа не являются лишь пустыми словами, ограбление нескольких лавок, на дверях которых были бы повешены скупщики, быстро положило бы предел злоупотреблениям, приводящим пять миллионов человек в отчаяние и обрекающим тысячи на гибель в нищете». Номер газеты со статьей Марата вышел 25 февраля 1793 года. В

¹⁵ В марте 1793 года, когда началось вандейское восстание, Конвент принял Закон о покарании мятежников. Самые драконовские меры были внесены жирондистами. В числе прочего, всякий гражданин, нацепивший белую кокарду, объявлялся вне закона. Если при этом его арестовывали с оружием в руках, то в течение двадцати четырех часов он должен был быть казнен. Марат назвал эту меру «самой бессмысленной, самой недостойной человека, преданного Республике. Она ведет как раз к уничтожению истинных патриотов. Быть беспощадным надобно не ко введенным в заблуждение людям, но к их руководителям».

тот же день в Париже начались погромы лавок и складов, реализованные очень похожим образом, что называется, как по писанному.

Разумеется, все эти обильные волнения не были обусловлены всецело подстрекательством Марата или даже многочисленными воззваниями священника Жака Ру и его движения «бешеных», уделявших в своей агитации продовольственному вопросу особое внимание; но посильный вклад нашего героя несомненен. В тот же день, вечером, выступая на заседании якобинского клуба, Марат заклеил «погромщиков и грабителей», заявив, что беспорядки были подготовлены контрреволюционерами в их предательских секциях. Вряд ли это было сделано с целью личного спасения: доктор никогда особенно не дорожил собственной шкурой. Вполне возможно, что призывы Марата имели своей целью прежде всего пресловутое поддержание *всеобщего возбуждения*, но не прямую их реализацию; а может быть, в своем осуждении погромов он элементарно лицемерил, не желая слишком просто потерять и без того столь часто ускользавшую от него легитимность.

В очередной раз легитимность ускользнула в апреле того же года, когда жирондисты наконец сумели добиться предания Марата суду. В числе прочего Марат обвинялся в том, что требовал голов «жирондистских изменников». Так и было: Друг народа всегда решительно предпочитал нападение обороне. Однако демарш Жиронды оказался крайне вредным и несвоевременным для его инициаторов: не затих еще скандал, связанный с изменой их ставленника генерала Дюмурье, о которой пронизательный Марат предупреждал задолго до того, как она свершилась, получая за это в свой адрес самые разнообразные угрозы. «Наберитесь терпения, господа, — писал Друг народа 17 октября 1792 года, обращаясь к жирондистам, — и мы вас познакомим со свободой. Покуда же поверьте, что ваш хозяин гораздо больше боится острия моего пера, чем я — сабель его холопов». Хозяин и был вероломный генерал. И так, как тогда, так и теперь выходило, что контрреволюция пытается замести следы, уничтожив опаснейшего из своих врагов. С заседания Конвента, на котором было решено предать Марата суду, Друг народа спокойно ушел домой, обзвав депутатов дураками: арестовать его

никто не осмелился. Пробыв непродолжительное время на нелегальном положении (все это время он активно готовил общественное мнение к предстоящему процессу), Марат добровольно явился в полицию и был предан суду. Весь суд от начала до конца явился торжеством подсудимого: сам ужасный Фукье-Тенвиль, прокурор революционного трибунала, заявил, что не знает большего друга народа, чем обвиняемый. Понятное дело, Марат был оправдан; из зала суда его вынесли на руках, осыпая цветами. Огромная толпа восторженно приветствовала его снаружи. Марата вновь подхватили на руки и понесли прямо в Конвент, где публика и часть депутатов устроила ему бурную овацию. Легко представить, какими глазами смотрели на все это депутаты-жирондисты. Но им уже оставалось только смотреть: даже открыть рот было опасно.

Триумф Марата

Вскоре жирондисты были изгнаны из Конвента; дни их были сочтены.

Смерть

Между тем, старая болезнь давала о себе знать. Неделями Марат не выходит из своего жилища на улице Кордельеров, почти не покидая ванны, которая одна дает ему какое-то облег-

чение от жестоких болей. Симона Эввар, его тридцатилетняя гражданская жена, преданно ухаживает за ним. Поставив поперек краев ванны деревянный брусок, Марат оборудует себе своеобразный письменный стол, на котором пишет свои зажига- тельные статьи и воззвания. Как и полагается Другу народа, он отчаянно нуждается, едва сводя концы с концами, чтобы изда- вать свою газету. Проблемы со здоровьем, проблемы с финан- сами не только не покидают его, но скорее даже обостряются в дни триумфа.

В эти дни его часто посещают делегации различных клубов. «Мы видели нашего друга Марата; он очень тронут вашим вни- манием. Мы застали его в ванне; около него стоял столик с чер- нильницей и газетами; он занимался общественными делами. У него, собственно говоря, не болезнь, а недомогание; его, скорее всего, губят слишком пылкие порывы патриотизма» — говорит- ся в отчете делегации якобинцев, посетившей Друга народа за день до его смерти.

Субботним утром 13 июля в дверь Марата постучали. Откры- ла Симона Эввар. На пороге стояла эффектная, очень хорошо одетая молодая девица (предание гласит, что она была очень красива; отнесемся на этот раз к преданию некритически, хотя знавшие ее лично с преданием несогласны), заявившая, что же- лает видеть Друга народа, чтобы передать ему лично некие важ- ные сведения. Симона насторожилась. «Друг народа болен и не принимает», — сухо заявила она. Девица ушла с возмущенным видом.

В тот же день через рассыльного Марат получил письмо.

«Гражданин, я приехала из Канна. Ваша любовь к отечеству заставляет меня предположить, что вы с интересом узнаете о несчастных событиях в этой части республики. Я приду к вам около часа. Будьте добры, примите меня и уделите мне мину- ту для беседы. Я предоставлю вам возможность оказать большую услугу отечеству.

Мария Корде».

Вечером в дверь снова постучали. Открыв, Симона Эввар увидела все ту же девицу, раздетую пуше прежнего, только что от парикмахера, с новой прической. «Гражданин Марат не при- нимает!» — «Это возмутительно! Это невозможно! Друг народа

должен был получить мое письмо!» — громко кричала незнакомка. Услышав шум, Марат велел пустить ее к себе, прямо в ту комнату, где он принимал очередную ванну.

Это было тесное и темное помещение с кирпичным полом. Напротив ванной Марата висела большая карта Франции, над нею — два пистолета дулом к дулу; над пистолетами большими буквами было написано: «СМЕРТЬ».

Разговор длился около пятнадцати минут, но истории осталась известна лишь финальная часть. Шарлотта изъявила желание назвать поименно всех канских заговорщиков, Марат взялся за перо, уверив ее, что теперь их ждет гильотина, и успел записать на листе бумаги несколько фамилий. Посетительница выхватила из корсажа большой кухонный нож и вонзила его в грудь Марату. «Ко мне, друг мой, ко мне!» — хрипло вскрикнул Жан-Поль и уплыл на своей ванне в вечность.

«Смерть Марата».

Знаменитая картина художника Давида

Пускай история и запомнила его Другом народа, сомнительно, чтобы он обращался в эти минуты к хрестоматийному предмету своей дружбы. Ясно, что он имел в виду верную Симону или комиссионера Лорана Ба, находившегося тогда в его доме.

Тем не менее, заманчиво представить, что в последнее мгновение Марат обратился непосредственно к народу, как бы желая спаять его воедино своей смертью — не сплочение ли народа считал он делом своей жизни, и не провидение ли подсказало ему последние слова, что бы он сам не имел в виду? «Ко мне, mon ami, ко мне!» Исполненный символизма финал великого человека. «Я добиваюсь славы, чтобы принести себя в жертву отечеству», — писал он некогда. Следует признать, гражданин Марат в полной мере реализовал все свои устремления.

Во всей обстановке убийства Марата есть что-то невыносимо эротическое. Надушенная красавица в белом платье, с огромным ножом в изящной руке; скрюченное голое тело в ванной, окровавленная простыня; шепот, хрип, плеск воды... Сюда добавляются показания бесхитростного Лорана: «Я повалил чудовище на пол и держал его за груди...» Да, уход Марата был обставлен с тем символизмом, который не может быть придуман нарочно. Многие рисунки того времени изображают сцену убийства совсем по-другому: Марат, прилично одетый, сидит на софе или лежит в кровати; на некоторых гравюрах он даже принимает ванную в одежде! Нравы восемнадцатого века, особенно за пределами революционной Франции, были слишком закрепощенными, чтобы правдиво говорить о том, как произошло убийство. Даже мертвый, Марат оставался революционером.

Давид, «Марат, Друг Народа».

Опись имущества покойного показала, что все его сбережения составили ассигнация в 25 су и две мелкие серебряные монеты. Этого, конечно же, было недостаточно, чтобы оплатить многочисленные долги по его знаменитой грозной газете. Республика взяла их на себя.

При обыске девицы Корде было найдено «Обращение к французам, друзьям законов и мира»: «О Родина! Твои несчастья разрывают мое сердце!» и т.п., вполне в духе времени. Булавкой к нему было прикреплено метрическое свидетельство: Шарлотта жаждала славы, пусть даже посмертной. Среди бумаг, найденных в ее гостиничном номере, находилось письмо, написанное на тот случай, если ей во второй раз не удастся добиться аудиенции у Марата: «меня преследуют за дело свободы. Я несчастна, и этого достаточно, чтобы я имела право на Вашу защиту». Упираться на жалость ей так и не понадобилось. Конвоируемая из дома Марата, перед лицом бушующей толпы («Мы порвем ее на куски!» — кричали осиротевшие поклонницы Друга народа) она вела себя исключительно мужественно. Столь же мужественно она вела себя на допросе.

«Я убила не человека, а хищного зверя, пожирающего всех французов». «Кто смог внушить вам столько ненависти?» — «Чужой ненависти мне не требовалось, с меня довольно было своей». Диалог вполне в духе ее дедушки Корнеля, знаменитого драматурга.

Уже через день после ареста девица Корде обратилась в Комитет общественной безопасности с просьбой:

«Так как мне осталось жить еще несколько мгновений, то могу ли я надеяться, граждане, что вы позволите написать с меня портрет; я хотела бы оставить моим друзьям эту память обо мне. А кроме того, если ценят изображения достойных граждан, то любознательность иногда заставляет добиваться портретов великих преступников, что служит к увековечению ужаса их преступлений; если вы сообразовали бы оказать внимание моей просьбе, то, пожалуйста, пришлите ко мне завтра художника — специалиста по миниатюрам...»

17 июля 1793 года отважная террористка взшла на эшафот. Показав по обычаю того времени толпе отрубленную голову, палач дал ей пощечину. Профессиональные историки раздели-

лись, со свойственной им объективностью описывая реакцию зрителей: одни пишут, что толпа одобрительно заурчала, другие — что напротив, глухо возроптала. Не так уж это и важно для той, чья голова полетела в корзину. В 1889 году череп Шарлоты был представлен на всеобщее обозрение на Всемирной выставке во Франции.

Посмертные маски Марата и Робеспьера

На посмертной маске Марата читается странное выражение иронической муки. По силе производимого впечатления эта маска уступает лишь маске, снятой с отрубленной головы Робеспьера: какое-то высшее, неземное спокойствие запечатлено в навеки застывших чертах Неподкупного.

Похороны Марата были превращены в грандиозное действо. Главным оформителем стал знаменитый Давид. Сердце Друга народа, заключенное в украшенный драгоценностями сосуд, со всеми необходимыми торжественностями присвоили себе кордельеры; урну массивными цепями подвесили в центре потолка в том зале, где проходили заседания клуба. Якобинцы также претендовали на сердце Марата, но их опередили. «В стенах этого клуба мы сохраним если не сердце, то дух усопшего» — нашлись они.

После своей смерти Марат, как и следовало ожидать, сделался предметом культа. Как и следовало ожидать, культ вскоре был

развенчан; такова участь любого героя, вне зависимости от того, что он содеял, — ибо племя человеческое непостоянно и вероломно, тому в истории мы тьму примеров слышим. Уже после Термидора, в 1794 году, прах Друга народа торжественно перенесли в Пантеон. Одновременно из пантеона вынесли останки другого титана революции, графа Мирабо, выбросив их на кладбище, на котором хоронили преступников. Нужно ли говорить, что останки самого Марата покоились в Пантеоне самое непродолжительное время. 26 февраля 1795 года их постигла такая же участь; окончательного погребения Друг народа удостоился на близлежащем кладбище святой Женевьевы, от которого ныне не осталось и следа. «Слепой народ, не имеющий руководителей! Народ не рассуждающий, который ведут, куда хотят, ловкие мошенники! Глупый народ, неспособный учиться в школе бедствий, для которого всегда проходят бесследно уроки опыта! Народ ребячливый, который любому наглому фокуснику всегда удастся посредством глупой сказки отвлечь от мыслей о своем благе, даже среди общественных бедствий!.. Достаточно, значит, позабавить тебя, чтобы снова посадить тебя на цепь». Also sprach Marat.

Приложение. Страшные пророчества Казота и Кондорсе

Во времена Великой Французской Революции в Париже жил, работал и нашел свою лютую смерть Жан-Антуан-Николь Коришот, маркиз де Кондорсе. Вот что сообщает о нем Энциклопедический Словарь Брокгауза и Эфрона:

Кондорсе (Жан-Антуан-Николь Коришот, маркиз de Condorcet) — знаменитый писатель и полит, деятель, род. в 1743 г. По настояниям дяди-прелата, на 9-м году поступил в иезуитскую школу в Реймсе. Заметив в нем склонность к духовному поприщу, родные поспешили отдать его в наваррскую коллегию, чтобы посвятить его военной карьере. Но К. предпочел занятия наукой. Мемуар «Essai sur le calcul Integral» доставил ему в 1769 г. кресло в академии наук. В 1777 г. он получил премию берлинской академии за свою «Theorie des cometes». В том же году К. избран секретарем академии за свои «Eloges des academiciens merts avant 1699» (1775) — ряд биографий: Гюйгенса, Роберваля, Никара, Мариотта, Ремера и др. Тогда же он пишет похвальное слово незадолго перед тем умершим Фонтенелю и Бюффону. Беспристрастие, мастерская обрисовка главных черт характера, рассмотрение деятельности замечательных людей в связи с историей человеческого ума — вот главные достоинства этих замечательных биографий. Лучшими биографиями, написанными К., являются биографии Тюрго и Вольтера. В начале своей деятельности К. занимался преимущественно математическими науками, но живая восприимчивость мешала ему совершенно уйти в эти отвлеченные занятия, и уже в это время он легко и охотно переходит к вопросам справедливости и нравственности, занимавшим его ум еще в детстве. К. отличался необыкновенной добротой, соединенной с удивительной сдержанностью в выражении своих чувств, что давало право говорить о нем его другу д'Аламберу: «это — вулкан, покрытый снегом». Другой отличительной чертой его характера было полное отсутствие тщеславия и честолюбия. Всегда снисходительный к другим, мягкий, деликатный, он, однако, умел говорить правду, был беспристрастен в своих приговорах даже по отношению к друзьям. Таким был он, напр., в своих сношениях с Вольтером, знакомство с которым у него началось с 1770 г. и перешло затем в

дружбу, продолжавшуюся до самой смерти Вольтера. Эта дружба отвлекла К. от его прежних работ и возбудила в нем желание заниматься литературой. В 1774 году он написал и издал анонимно «Письмо теолога» к автору «Словаря трех веков», которое современниками было приписано Вольтеру — доказательство достоинств этого произведения. Из всех привязанностей К. самой сильной была привязанность к Тюрго. Под его влиянием К. занялся политико-экономическими науками, к которым его влекла его сострадательная натура. Когда Тюрго был назначен министром финансов (1774 г.), К. занял место председателя комитета по уравниванию мер и весов, где он оставался и по отставке Тюрго, до 1791 г. Работая вместе с Тюрго над разрешением некоторых политико-экономических вопросов, он принимал деятельное участие и в его борьбе с современниками, стараясь путем печати выяснить свои и его взгляды на важнейшие вопросы. В сочинениях этого периода («Письмо земледельца из Пикардии к протекционисту», «Рассуждение о хлебной торговле», «Биография Тюрго», «Рассуждения о барщине» и др.) он развивал мысли о праве каждого человека свободно располагать своим умственным и физическим трудом, о свободе торговли хлебом, о правильном вознаграждении рабочих, о реформе уголовного суда, свободе печати, об уничтожении крепостного права и пр., и везде являлся сторонником взглядов школы физиократов. Занимая пост председателя комитета по уравниванию мер и весов, К. хорошо познакомился с внутренним механизмом Франции, видел много несовершенств в этом механизме, убедился в косности парижского парламента и горячо восстал против него (в «Письмах американского гражданина»), так как последний систематически препятствовал проведению тех реформ, которые предлагали Тюрго и сам К. Несмотря на эту продолжавшуюся и после отставки Тюрго борьбу с противниками, К. снова погрузился в научные занятия и в 1780 г. издал свои знаменитые примечания к 29-й книге «Духа законов» Монтескье, где говорит о свойствах ума, необходимого законодателю, дает критерий для сравнения законов, высказывает соображения, которые должно иметь в виду при составлении законов, и т. д. В 1787 г. К. женился на г-же де Груши, женщине с выдающимися нравственными и умственными качествами. Около этого же времени К., убедившись, что монархия не может и не хочет помочь народу в его бедствиях, перешел на сторону республики. После бегства Людовика XVI в Варенн К. основал первую республиканскую газету во Франции: «Республиканец или защитник представительного правительства». В 1790 г. К. заседал в муниципалитете, а в 1791 г. его

выбрали комиссаром национального казначейства. В конце того же года он отказался от этой должности и, избранный в депутаты в законодательное собрание, сделался его секретарем, а вскоре и президентом. Здесь он очень много занимался организацией общественного образования. В сочинении: «Sur l'instruction publique» и других трактатах, К. делит общественное образование на 5 ступеней, причем низшая ступень — первоначальная школа, дающая minimum образования, необходимого человеку для того, чтобы не находиться во власти другого. Но в то время как средства к образованию должно дать государство и оно же должно его регулировать, воспитание, по мнению К., должно быть всецело предоставлено семье. В этих же трактатах К., говоря об образовании женщин, проводит идею энциклопедистов о полной равноправности их с мужчинами и настаивает на совместном обучении обоих полов. Целью образования и воспитания, по словам К., является, с одной стороны, полное равенство и равноправность как мужчин, так и женщин, а с другой — развитие в нас естественного интереса к общественному благу. Наиболее горячая политическая деятельность К., как сторонника республиканских идей, относится к тому времени, когда он состоял членом конвента. Здесь он не принадлежал ни к какой отдельной партии, занимая совершенно самостоятельное место. При обсуждении внешних дел К. всегда подавал голос за войну, надеясь этим путем водворить в Европе господство республиканских идей. Во время суда над Людовиком XVI он горячо защищал неприкосновенность короля, да и вообще высказывался против смертной казни, допуская наказания только с исправительной целью. При составлении проекта новой конституции, выработка программы которой была поручена комиссии из 9 членов, в том числе К., последний играл очень значительную роль. Его перу принадлежит обширное введение в конституцию, объяснявшее основания проекта. Конвент отверг этот план конституции, дав народу другую, наскоро составленную Геро де Сешелелем. Тогда Кондорсе напечатал послание к народу, где выставил многочисленные недостатки обнародованной конституции и указывал на их вредные последствия, советуя не принимать ее. За обнародование этого послания К., обвиненный в заговоре «против единства и нераздельности» французской республики, был объявлен конвентом вне закона. Друзья скрыли его у вдовы скульптора Верне. Когда жирондисты были осуждены конвентом, К. хотел покинуть дом Верне, не желая подвергать ее опасности, но последняя на этот раз удержала его, и только 26 марта 1794 г., по окончании последней своей научной работы, К. ушел от нее, отправившись в окре-

стности Парижа, был схвачен и посажен в тюрьму Bourg-la-Reine. Там 29 марта его нашли мертвым — он отравился, как предполагают, ядом, который всегда носил в перстне. Во время своего пребывания у Верне, К. написал свою политическую исповедь: «Советы осужденного дочери», где высказал все свои мысли о главных вопросах жизни и где вполне вылилась его благородная, бесконечно добрая натура. В это же время написал он и свое знаменитое сочинение: «*Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain*», за которое он признается родоначальником теории «прогресса», одним из творцов философии истории. Многие мысли, проводимые здесь, К. высказывал и раньше, но тут он привел их в систему. Две идеи проходят красной нитью через все сочинение: о необходимости уравнивания гражданских и политических прав всех людей и о бесконечном совершенствовании рода человеческого. «Картина успехов человеческого ума» состоит из двух частей: первая включает в себе всю картину прогресса, в самых общих чертах; во второй части и следующих за ней, К. предполагал изложить факты, которые могли бы служить для развития и подтверждения мыслей, высказанных в введении. В первой книге К. делит всю историю человечества на десять эпох, причем к последней относит время с основания французской республики. Вторая часть была написана К. только благодаря его изумительной памяти, но дальнейшее продолжение труда было невозможно за отсутствием книг.

Маркиз Кондорсе

Собр. его соч. изд. в 1804 и 1847 г. Ср. Араго, «Биография К.»; Робине, «*Vie de C.*»; М. Ковалевский, ст. о К. в «Вестнике Европы» (1894, №№3 и 4); Литвинова, «К., его жизнь и научно-политическая деятельность». См. также биографию К., приложенную к изданию

его сочинений 1847 г., и краткий очерк его жизни, предпосланный русскому переводу «Жизни Вольтера».

Философ, писатель, математик и общественный деятель, Кондорсе сочетал в себе поразительное многообразие талантов, как, впрочем, многие, почти все, значительные деятели той неповторимой эпохи. Нельзя не восхищаться разносторонностью персоналий Французской Революции, к какому бы лагерю они не принадлежали; эти люди не только преуспели в самых разных областях человеческой деятельности, но и умели видеть связь между этими областями. Автор статьи о Кондорсе в словаре Брокгауза и Эфрона, г. М.В.—ий, был бы еще более прав, если бы добавил, что «живая восприимчивость» не только помешала маркизу уйти с головой в отвлеченные занятия точными науками, но и заставила его использовать эти науки для решения «вопросов справедливости и нравственности».

В сущности, наука является наукой лишь настолько, насколько она использует математический, логический аппарат; науки социальные вовсе не являются здесь исключением. Уже древнее голосование с подсчетом камешков есть процедура чисто математическая, предполагающая весьма существенное абстрагирование от реального, происходящего в жизни процесса. С именем Кондорсе связан один из важных этапов внедрения математических методов в обществоведение, сиречь развития обществоведения как науки.

Чаще всего, говоря об этом, вспоминают так называемый *парадокс Кондорсе*. В чем заключается этот парадокс?

Один из самых популярных журналов на постсоветском пространстве, «Огонек», устами одного из своих авторов, некоего Игоря Переверзева, рассказывает об парадоксе Кондорсе с замечательным невежеством:

«Представим себе идеальную математическую модель демократии — контроль за процессом голосования идеально отлажен, техника голосования исключает жульничество, политики договорились не пудрить народу мозги или даже действительно перестали это делать. Возможны ли в этих условиях власть большинства и защита его интересов хотя бы теоретически? Вот ситуация: люди голосуют за трех кандидатов. Один из них ле-

вый, два других — правые. Программы у правых близкие, они могли бы выставить одного претендента на президентское кресло, но не сложилась совместная жизнь — не сошлись характерами, как “Яблоко” и СПС. И идут теперь на выборы отдельно. В итоге левый кандидат набирает 40% голосов, а два правых — по 30%. Каков итог? Шестьдесят процентов населения — большинство — хотят, чтобы страна шла вправо. Но в результате абсолютно демократических выборов президентом становится левый политик и тянет страну влево, нарушая тем самым само основание демократии — принцип большинства. Это так называемый парадокс Кондорсе».

Разумеется, чтобы сформулировать этакий парадокс, вовсе не нужно быть маркизом, хотя, конечно, соображения И. Переверзева справедливы. На самом деле парадокс Кондорсе весьма нагляден и может быть понят каждым, освоившим математику в пределах двух первых классов средней школы, даже журналистом «Огонька». Вот о чем идет речь.

Пусть некое собрание должно посредством голосования выбрать одного из трех кандидатов А, В, С. При этом каждый избиратель должен проранжировать этих кандидатов, расположив их в порядке предпочтения. Условимся, что запись $A > B$ означает «кандидат А предпочтительнее кандидата В». К примеру, избиратель, расположивший кандидатов следующим образом: $A > B > C$, явно утверждает тем самым, что кандидат А предпочтительнее кандидата В и кандидат В предпочтительнее кандидата С, и неявно — что кандидат А предпочтительнее кандидата С.

В своем труде, изданном за четыре года до начала революции, Кондорсе приводит такой пример (я беру его не из математического труда маркиза, который ни на французском, ни на русском языках мне так и не удалось отыскать, а из статьи Д. Т. Гюйбо «Теории общего интереса и логическая проблема агрегирования» в сборнике «Математические методы в социальных науках», изданном московским издательством «Прогресс» в 1973 году):

Пусть шестьдесят проголосовавших выразили свои предпочтения следующим образом:

Мнение	Количество человек, его разделяющих
A > C > B	23
B > C > A	19
C > B > A	16
C > A > B	2

Будем подсчитывать результаты голосования, сравнивая кандидатов попарно (для наглядности противоположные утверждения объединим в одних и тех же строках таблицы):

Мнение	Количество человек, его разделяющих	Результирующее мнение
A > B B > A	23+2=25 19+16=35	B > A
A > C C > A	23 19+16+2=37	C > A
B > C C > B	19 23+16+2=41	C > B

Мы пришли к выводам, сформулированным в третьем столбце, сравнив результаты сложения в соответствующих строках во втором столбце и выбрав при этом то из утверждений первого столбца, которое соответствует наибольшему из этих результатов.

Сопоставляя результирующие мнения, окончательно приходим к утверждению

$$C > B > A.$$

Оно означает, что наиболее предпочтительным для собрания является кандидат С и наименее предпочтительным — кандидат А.

Кондорсе замечает, что если бы голосование проводилось так, как оно проводится обычно, т.е. если бы каждый голосующий выбирал лишь одного кандидата из нескольких, то 25 голосов получил бы кандидат А, 19 — кандидат В и 18 — кандидат С, т.е. результат голосования получился бы *прямо противоположный*.

«Что мы подразумеваем под избранием? — пишет по этому поводу маркиз. — Не будет ли это суждением о превосходстве кого-либо в соревновании? Почему мы судим об этом, основываясь на мнении большинства голосов? Потому что думаем, что утверждение, считающееся истинным 15 особами, более похоже на правду, чем противоположное утверждение, считающееся истинным только 10 особами. Тот, кто действительно получает предпочтение большинства голосов на выборах, должен казаться наиболее превосходящим своих конкурентов и, таким образом, является тем, кто утверждается большинством голосов как превосходящий всех. Но если имеется только три кандидата, возможно, что один из них будет иметь больше голосов, чем другие, но один из последних, возможно тот, кто имел наименьшее количество голосов, будет рассматриваться большинством как превосходящий каждого из двух других. Это утверждение кажется парадоксальным. Но оно может быть истиной, если окажется, что когда мы голосуем за одного кандидата, то считаем, что ставим его выше по сравнению с другими, но мы не высказываем нашего мнения о достоинствах других, и тогда суждение неполно... Долгое время мы догадывались об этом неудобстве, прежде чем доказали его реальность».

Но это еще не парадокс Кондорсе.

Свой знаменитый парадокс Кондорсе формулирует на следующем примере, совершенно аналогичном предыдущему (Гюйбо пишет, что несколько изменил его цифры).

Пусть те же шестьдесят голосующих, распределяя в порядке предпочтения тех же трех кандидатов, распределились так:

Мнение	Количество человек, его разделяющих
$A > B > C$	23
$B > C > A$	17
$B > A > C$	2
$C > A > B$	10
$C > B > A$	8

Тогда таблица с результатами будет иметь следующий вид:

Мнение	Количество человек, его разделяющих	Результирующее мнение
A > B B > A	23+10=33 17+2+8=27	A > B
A > C C > A	23+2=25 17+10+8=35	C > A
B > C C > B	23+17+2=42 17+2+8=27	B > C

Таким образом, голосование привело нас к следующим выводам:

$$A > B, B > C, C > A.$$

Попробуйте объединить эти выводы в единое утверждение, как в предыдущем примере, и вы поймете, что они противоречивы. В самом деле, поскольку $A > B$, а $B > C$, то должно быть выполнено $A > C$, но получается как раз наоборот: $C > A$!

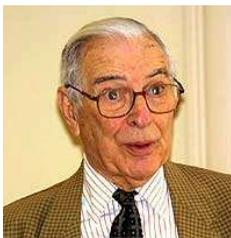
«Причина противоречия, — пишет Гюйбо, — легко обнаруживается. Три элементарных утверждения взаимосвязаны: если мы утверждаем, что $A > B$ и $B > C$, мы должны утверждать, что $A > C$. Но если мы применяем правило большинства к каждому из кандидатов, никто не может гарантировать, что три результата не будут противоречивы. В предыдущем примере действительно существует большинство для утверждения $B > C$, большинство для $C > A$ и большинство для $A > B$; но эти три множества голосующих не пересекаются, никто из голосующих не принадлежит ко всем трем множествам.

Существование подобного явления делает более трудной двойную задачу законодателя, именно: “знать истинное суждение большинства в том случае, когда оно существует и даже когда оно не существует”, например, в случае, когда различные элементарные суждения противоречивы, и “указать вариант, который можно было бы принять, с тем чтобы риск ошибки был как можно меньше”. Именно поэтому Кондорсе после изучения парадокса не смог не заключить, что невозможно приписать некоторое согласованное мнение выборному органу. Он выбрал меньшее зло, другими словами, среди всех согласованных мнений он выбрал то, которое поддерживается наибольшим воз-

можным числом голосов. Но как мы увидим позже, трудность носит более фундаментальный характер и каждая попытка ее разрешения более или менее произвольна... Кондорсе не игнорировал этой проблемы и возвращался к ней несколько раз. Даю без применения математического аппарата достаточно аргументированно показал ряд слабых мест в его методе комбинирования утверждений. Он думает также, что в сомнительном случае хорошо обоснованное большинство может отсутствовать; это означает, что обнаруженный Кондорсе парадокс в определенном смысле невозможно устранить. Именно этот аспект очень детально исследовал К. Д. Эрроу».

Я не буду более утомлять читателя, нематематика, математическими рассуждениями, ибо хорошо известно, что суеверный страх, внушаемый с детских лет большинству людей перед этой наукой, с годами не только не проходит, но и усугубляется. Впрочем, изложенная здесь начальная часть теории коллективных решений доступна всякому человеку, обладающему здравым смыслом.

Заканчивая математическую часть, нельзя не упомянуть результаты Кеннета Эрроу, о которых упоминает Гюйо. Речь идет о знаменитой *теореме Эрроу о диктаторе*, или *теореме Эрроу о невозможности*.

Кеннет Джозеф Эрроу

Эрроу выделил пять аксиом, которым должен удовлетворять коллективный выбор, и доказал, что всякое правило, удовлетворяющее этим аксиомам, является *диктаторским*, т.е. предоставляет одному из участников голосования решать за всех остальных.

ных¹⁶. «Это правило прекрасно резюмируется известной формулой: “Что хорошо для ‘Дженерал моторс’, хорошо для Америки”», — пишет французский математик И. Экланд. Фактически, теорема Эрроу — математическое доказательство того, что за фасадом любой демократии *всегда* будет скрываться диктатура, и всякая избирательная система *всегда* будет таить в себе обман. Как тут не вспомнить слова Марата, этого неистового современника Кондорсе, сказавшего:

«Кажется, таков неизбежный удел человека — нигде и никогда не сохранять своей свободы: повсюду государи идут к деспотизму, народы же — к рабству».

О том же говорили Маркс, Энгельс и Ленин, определяя всякое государство как аппарат насилия и принуждения.

В 1989 году советский панк Егор Летов орал песню, в которой были такие слова:

*Все что не анархия — то фашизм
Все что не анархия — то фашизм
Все что не анархия — то фашизм
Все что не анархия — то фашизм
Но ты хочешь быть фюрером
Он хочет быть фюрером
Я хочу быть фюрером
Мы все хотим быть фюрером
Я не верю в анархию...*

Вот вам поэтико-музыкальная формулировка теоремы Эрроу.

Работы Эрроу широко известны, в 1972 году он получил за них Нобелевскую премию по экономике с формулировкой «за вклад в общую теорию равновесия и теорию благосостояния». Однако химера демократии продолжает навязываться всему миру все активнее и активнее, и, как результат — все лицемернее и лицемернее. Может быть, химера эта не страшнее иных химер,

¹⁶ Эрроу изложил свою теорему более политкорректно, сформулировав шесть правил, первые пять из которых представляют собой выделенные им аксиомы, а шестое предполагает отсутствие диктатуры, и показав, что эти условия несовместимы.

может быть, даже предпочтительней, — но вот о том, что это химера, задумываться все-таки стоило бы.

Неизбежность *тирании* необходимо влечет за собой неизбежность *восстания*, ибо стремление к справедливости заложено, в той или иной степени, в той или иной форме, в каждом человеке. Демократическая, выборная форма правления, якобы учитывающая всеобщий интерес, является на деле все той же *диктатурой меньшинства*; меньшинство управляет всегда, вопрос заключается прежде всего в том, насколько политика меньшинства соответствует интересам народа¹⁷. Исторический опыт показывает, что, как правило, такое соответствие в истории случается крайне редко. Поэтому восстание, в той или иной форме, будет идти всегда.

В сущности, маркиз Кондорсе, со своими простыми и здравыми рассуждениями, явился провозвестником и пророком *новой несвободы*, не столь грубой и жестокой, как старая, но гораздо более изощренной. Сам Кондорсе, если верить легенде, тоже побывал персонажем одного печального пророчества. Вот как звучит эта легенда в пересказе известного белорусского летописца французской революции А. Левандовского:

«Общество собралось блестящее. В огромном зале вокруг нескольких столов уютно расположились вельможи, согласные моды ради пококлетничать с философией, и философы, многие из которых с легкостью отказались бы от своих убеждений, дабы стать вельможами. Обед удался на славу. Гости вскоре немного захмелели и достигли того блаженного состояния, когда все кажется легким и простым, соседи — милыми и добродушными, женщины — очаровательными, а будущее — безоблачным. Непринужденно лилась общая беседа, подобно игристому вину обдавая участников трапезы брызгами веселья и остроумия. В центре внимания, естественно, были вопросы современности. Изящно говорили об успехах человеческого ума, о близком царстве освобожденного разума, провозглашали тосты за слияние богатства и науки, интеллекта и власти.

¹⁷ Более того: «Теорема Эрроу по существу утверждает, что единственный универсальный способ сделать коллективный выбор, при котором индивидуальные выборы согласуются друг с другом, состоит в том, чтобы положиться на диктатора», — пишет И. Экланд.

Лишь один человек упорно молчал среди оживленного разговора, как бы полностью выключив себя из общего настроения. Его потухшие глаза были полузакрыты, губы плотно сжаты, старое морщинистое лицо перекосила гримаса затаенной скорби. Это был писатель-мистик, семидесятилетний Жак Казот, случайно попавший на званый обед.

Сначала никто не обращал на него внимания, но затем, когда упорство его молчания стало слишком уж подчеркнуто-нарочитым и неприятным, кто-то счел должным осведомиться о причине странного поведения угрюмого старика. Казот вздрогнул, провел дрожащей рукой по лицу, как бы смахивая пелену грусти, и, помолчав несколько секунд, заговорил тихим, усталым голосом. Он сказал, что никак не может разделять общего благодушия, ибо возможно ли предаваться шуткам и каламбурам на краю пропасти? Он смотрит в недалекое будущее и видит страшные потрясения, огненный смерч, который сожжет, испепелит все то, что ныне блистает в ореоле славы и богатства. Он видит опустевшие дворцы и горящие усадьбы, перед ним вереницей проносятся искаженные болью лица, знакомые лица...

Казот вдруг широко раскрыл глаза и впился сухими пальцами в поручни кресла.

— Да, они очень хорошо знакомы, эти лица, ибо многие из них принадлежат находящимся здесь, в зале...

Подвыпившие сибариты переглянулись, ожидая забавного разговора. Сидевший рядом с Казотом известный философ маркиз Кондорсе поставил на стол недопитый бокал, обнял старика за плечи и, улыбаясь, спросил, кого же, собственно, имеет в виду новоявленный пророк? Казот пристально посмотрел на философа.

— Вас, милый маркиз, вас в первую очередь... Я вижу, что вы отравитесь, дабы избежать смерти от руки палача.

Кондорсе, продолжая улыбаться, подмигнул окружившим их гостям. Раздался дружный хохот.

А бледные узкие губы старого мистика продолжали шевелиться. Он предсказал астроному Байи, юристу Малербу и ряду других присутствующих смерть на эшафоте. По мере того как он говорил, любопытство разгоралось; смолкли разговоры за соседними столами, и все лица обратились в сторону группы у кресла Казота. Несколько знатных дам, встав со своих мест, чтобы лучше видеть и слышать, устремились туда же.

— Но господин прорицатель, надеюсь, пощадит хотя бы наш слабый пол, не правда ли? — смеясь, воскликнула герцогиня Граммон.

— Ваш пол?.. Вы, сударыня, и много других дам вместе с вами, будете отвезены в телеге на площадь казни, со связанными руками.

Казот поднялся. Его глаза в упор смотрели на герцогиню; его убеленная сединами голова, его физиономия патриарха придавали словам печальную важность. Гостям становилось несколько не по себе.

— Вы увидите, — заметила герцогиня с явно принужденной веселостью, — он не позволит мне даже исповедаться перед казнью.

— Нет, сударыня. Последний осужденный, которому сделают это снисхождение, будет... — Казот запнулся на мгновение, — это будет... король Франции.

Охваченные неопределенным волнением, все гости встали из-за стола. Как-то вдруг сразу улетучилось легкое опьянение, исчезла веселость. Тщетны были попытки хозяина дома как-либо замять досадный инцидент; вечер был испорчен. И в то время, как угрюмый старик, отвесив церемонные поклоны дамам и кавалерам, спокойно вышел из зала, над обществом, еще несколько минут назад таким веселым и беззаботным, нависла роковая тяжесть молчания...

* *
*

...Точно ли так произошло все в этот вечер 1788 года, как здесь рассказано? Поручиться за достоверность в деталях нельзя, ибо описан был этот случай одним из его очевидцев после Великой революции, когда Байи, Малерб и герцогиня Граммон давно уже погибли под ножом гильотины, когда все знали, что маркиз Кондорсе отравился, спасаясь от карающего меча революционного закона, когда, наконец, не менее хорошо было известно, что Людовик XVI последним пользовался перед казнью услугами священника, не присягнувшего конституции».

Казот

Инстинкт революции

По ту сторону добра и зла

«Революционер — человек обреченный», — так начинается знаменитый нечаевский «Катехизис революционера», и уже за одну эту фразу автора стоит запомнить.

Пренебрегая правилами жанра, я сразу же приведу полностью этот эпохальный текст.

С.Г.Нечаев

Катехизис революционера

Написан и отпечатан летом 1869 г. в Женеве

Отношение революционера к самому себе

§1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

§2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

§3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй медицину. Для этого изучает он денно и ночью живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна —

наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

§4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех его побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§5. Революционер — человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционерная страсть, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

Отношение революционера к товарищам по революции

§8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционерным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно сте-

пенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

§9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционного дела. Товарищи-революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом решенного плана, каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§10. У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела. Только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества вполне посвященных, распоряжаться не может.

§11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос спасти его или нет, революционер должен соображаться не с какиминибудь личными чувствами, но только с пользою революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем — с одной стороны, а с другой — трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

Отношение революционера к обществу

§12. Принятие нового члена, заявившего себя не на словах, а на деле, товариществом не может быть решено иначе, как единодушно.

§13. Революционер вступает в государственный, словесный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чегонибудь жаль

в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором — все и все должны быть ему равно ненавистны.

Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§14. С целью беспощадного разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду, во все сле (?) высшие и средние (сословия), в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократский, военный, в литературу, в третье отделение и даже в зимний дворец.

§15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.

§16. При составлении такого списка и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе.

Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и крмего (?) полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.

§17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличаю-

щихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями; опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом неистощимой сокровищницею и сильною помощью для разных революционных предприятий.

§19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их до нельзя, так чтоб возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

§20. Пятая категория — доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно-глаголющих кружках и на бумаге.

Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§21. Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главных разряда.

Одне — пустые, бессмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться, как третьею и четвертою категориею мужчин.

Другия — горячия, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего безфразного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять, как мужчин пятой категории.

Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них, как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно.

Отношение товарищества к народу

§22. У товарищества ведь (нет) другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть

чернорабочего люда. Но, убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

§23. Под революцию народную товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образу — движение, которое, всегда отстаиваясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низложением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России.

§24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация без сомнения вырабатывается из народного движения и жизни. Но это — дело будущих поколений. Наше дело — страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гилдейского мира и против кулака мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу — вот вся наша организация, конспирация, задача.

Произведение, легко умещающееся на четырех печатных листах, является одним из самых сильных документов русской ли-

тературы девятнадцатого века — а мы хорошо знаем, что это далеко не бедная литература! Отрывистый, афористически мрачный, явно поспешно писанный текст характеризует, как никакой другой литературный памятник, начало *новой эпохи*.

Очень легко использовать вызывающе человеконенавистнический манускрипт для компрометации революции и тех, кто ее вершит, — чем и занимаются, более или менее успешно, многочисленные комментаторы и интерпретаторы вплоть до наших дней. Разумеется, «Катехизис революционера» написан явно неприятным человеком и явно для неприятных людей. Но если мы не увидим за «Катехизисом» нечто большее, чем цинические инструкции для взявшихся своими и чужими руками «мутить государство», мы ничего не поймем ни в самом документе, ни в эпохе, его породившей.

Мы пойдем другим путем. Мы не будем скатываться в совершенно неуместное морализаторство над заведомо аморальным текстом. Автор «Катехизиса» исчерпывающе определил свое отношение к нравственности в четвертом параграфе: «нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему». В другом месте он так характеризовал себя и таких, как он: «Мы, из народа, со шкурой, перехваченной зубами современного устройства, руководимые ненавистью ко всему ненародному, не имеющие понятия о нравственности и чести по отношению к тому миру, который ненавидим и от которого ничего не ждем, кроме зла». Шкура, перехваченная зубами современного устройства! Каков слог!

Можно сколько угодно сокрушаться и осуждающе качать головой по поводу слов Нечаева, и такое возмущение будет совершенно оправданным. Но *для понимания* оно не даст нам ровным счетом ничего. Как бы предчувствуя нашу реакцию, автор прямо заявляет, кто он такой и каковы его цели, уже в самом начале, в параграфе два. Такая откровенность делает излишними всякие обвинения его в том, в чем он с готовностью признался.

С. Г. Нечаев

Ключ к пониманию нечаевского писания — в его названии. «Катехизис» есть понятие религиозное; это священный текст, излагающий основные концепции вероучения. О каком вероучении, о какой религии может идти речь у Нечаева? Только об одной — о религии революции, понимаемой в первую голову как *«страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение»*. Общественная организация после революции мало заботит автора, это — «дело будущих поколений»: когда в другое время и в другом месте Нечаеву пришлось изложить свои взгляды на устройство общества после революции, вышло нечто антигуманное и тоталитарное до такой степени, что царская сатрапия оказалась в сравнении с обществом нового типа старомодной и безобидной. А ведь проектор этого общества позиционировал себя как борец с тиранией, и, кстати говоря, позиционировал абсолютно обоснованно — ибо единственное, что интересовало его по-настоящему, была борьба. Но борцы с тиранией также есть порождения тирании — а потому не всегда уходят от нее далеко.

«Разрушение — это созидание», — гласит знаменитый бакунинский афоризм. Этот афоризм пришелся как нельзя кстати девятнадцатому веку, веку повсеместной и глобальной «переоценки ценностей», — переоценки, которая затянулась до сих пор. Фридрих Ницше, философ и пророк этого века, провозгласив «сумерки идолов», констатировал также неспособность со-

временников утвердить новый полноценный этический идеал. В своих посмертно изданных под названием «Воля к власти» заметках, он разделил утверждающийся нигилизм на пассивный, цинически-декадентски-созерцательный, и активный — достигающий «*максимума* относительной силы как насилие, направленное на *разрушение*». Там же возникает великая и страшная догадка: «такой нигилизм, как *отрицание* истинного мира, бытия, мог бы быть *божественным образом мысли*».

Совершенно ясно, что Сергей Нечаев был ярчайшим представителем фазы активного нигилизма, предшествовавшей эпохе нигилизма пассивного, в которую нам выпал удел существовать. Мироззрение активного нигилизма враждебно и пугающе для нашей эпохи, тем более что его реванш не кажется таким уж невозможным. Каким был потаенный смысл, тайная изнанка этого мироззрения? История жизни и деятельности Сергея Нечаева может дать нам понять если не все, то многое.

Раскрашивая дуги

Родился Сергей Геннадиевич Нечаев в 1847 году в Иваново-Вознесенске, в семье бедного мещанина, сына вольноотпущенной. Юность его была сурова, но уже тогда Сергей был несгибаем и упрям.

«Сергей помогал дедушке раскрашивать дуги. Отец у нас писал вывески, а дедушка не мог. Затем С. Г. играл на флейте, не очень хорошо. Из-за этого ссорился с дедушкой. Дедушке надоедала игра, и он кричал: “Сережа, да ты перестанешь ли? Перестанешь?!”» — из воспоминаний сестры Нечаева, Фаины Геннадиевны Постниковой. Очень характерная зарисовка, любителям психоанализа на заметку; отлично представляется непокорный, со сросшимися бровями малец Сергунька, мрачно и целеустремленно дудящий во флейту, это орудие великого бога Пана, и старый раздражительный дедушка, грозящий ему морщинистым пальцем.

С четырнадцати лет Сергей начинает помогать в работе отцу, большому мастеру сервировки барских столов¹⁸. Нечаев-старший, судя по всему, был человек слабовольный и большой любитель выпить. Можно представить, каково было гордому и строптивому парню наблюдать пьяное унижение отца перед вальяжными, разомлевшими от водки и грибочков баричами, — и *унижаться* — человек с таким характером не мог в этом случае не почувствовать себя униженным — перед ними самому, может быть даже прилюдно получать от подвыпившего папеньки подзатыльники... Это не могло на него не повлиять. Впрочем, психоанализ Сергея Нечаева — вовсе не та цель, которую мы здесь ставим перед собой. Нечаев интересует нас не столько как личность, сколько как явление — хотя, конечно, личностью он был исключительно сильной.

Гимназический курс Сергей Геннадиевич освоил самостоятельно, ибо семья его не имела средств даже для того, чтобы обеспечить ему начальное образование. Уже в самые нежные годы он был человеком жестким и волевым.

Заключительный штрих к беглому описанию молодого Нечаева: существует письмо от его бывшего репетитора, педагога Дементьева, отправленное Сергеем в 1865 году. «Ты будешь моим наставником в вопросах нравственности», — пишет Нечаеву педагог. Это знаменательно вдвойне: во-первых, потому, что во время написания письма Дементьеву было *целых* тридцать шесть, а Нечаеву *всего* восемнадцать, и это говорит о большой личной силе последнего; во-вторых, потому, что Нечаев призывается педагогом быть наставником не в вопросах раскрашивания дуг, например, но в *нравственных* вопросах, т.е. человек, который напишет позднее, что он *«презирает и ненавидит во всех ея побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность»*, что *«нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему»*, в самые молодые годы обладал большим *нравственным авторитетом*, по крайней мере, в глазах своего учителя.

¹⁸ Основной профессией Геннадия Нечаева была профессия маляра.

Имеющий право

Письмо Дементьева было получено Нечаевым вскоре после переезда в Москву. А потом Сергей Геннадиевич переехал в столицу, в Санкт-Петербург, где сдал, наконец, экзамен на звание учителя приходской школы (в Москве это ему не удалось¹⁹) и промышлял преподаванием Закона Божьего (sic!). Здесь же он стал вольнослушателем университета и завел знакомства во всех подпольных студенческих кружках. Таковых в те времена было великое множество: неуклюжее, закрепощенное до идиотизма жандармское государство настраивало против себя пылких молодых людей, иные его действия были столь грубы и нелепы, что казалось, что это сознательная, направленная на конфронтацию политика. Обиженные молодые люди собирались друг у друга на квартирах, жаловались друг другу на государственный идиотизм и несправедливые притеснения и, помечтав о лучшей жизни, как правило, просто расходились.

Идя на жестокие драконовские меры в отношении этих кружков, государство помогало им оформиться в настоящие ради-

¹⁹ Совершенно неверным было бы, как это делают многие биографы Нечаева, объявлять его поэтому полуграмотным недоучившимся маньяком. Об одном из таких биографов, Феликсе Лурье, Сергей Крючков пишет в сетевом еженедельнике «Левая Россия»:

«Печальное впечатление производит и упорное желание автора представить народников какими-то недоучками, неспособными на обширную интеллектуальную деятельность. Очевидная это ложь господина Лурье, против исторической правды в очередной раз идет автор книги. Что там говорить, недоучившийся Нечаев изъяснялся на русском, немецком и французском языках, а “бесконечно” интеллектуальный Лурье не сослался ни на один европейский исторический источник в своей книге».

Нечего говорить и о философских познаниях Нечаева, свободно цитировавшего Канта и Гегеля. Возможно, относительно выдающихся людей его времени они были действительно скромными, но такой уровень познаний трудно, если не невозможно, отыскать среди его всезнающих биографов, господ Лурье... Нечаев был великим фанатиком самообразования и преуспел, далеко не в комнатных условиях, на этой стезе феноменально. Скорее на провале в Москве сказалось пресловутое упрямство Сергея Геннадиевича, желавшего решать самому, что ему изучать полезно, а что бесполезно.

кальные организации. Нечаев и другие сознательные революционеры способствовали этому процессу со своей стороны.

Сам Сергей Геннадиевич был сделан из другого теста, нежели играющие в революцию мальчишки-мажоры. Революция была для него не просто красивым словом, но жестокой религией, вождением №1, победой и отмщением, единственным выходом для миллионов страждущих, — и для таких как он... «Нечаев, — писала Вера Засулич — не был продуктом нашего мира, он не был продуктом интеллигенции, среди нас он был чужим».

Чужой, он не очень высоко ставил студенческое прекраснодушие. Нередко Нечаев довольно откровенно высказывался в том смысле, что студенчество, радикальное лишь постольку, поскольку оно оторвано от жизни, в дальнейшем, перебесившись, обрастает жирком и благополучно занимает места тех самых «сатрапов» и «угнетателей», против которых было преисполнено праведного гнева.

Бороться с перерождением, по Нечаеву, следовало, направляя молодого человека на путь, поворот с которого был бы невозможен, даже если бы этого поворота возжелал сам идущий. Если в результате какого-либо взаимодействия с Нечаевым человек оказывался в тюрьме, тот не испытывал по этому поводу никаких угрызений совести, зная, что подготовил еще одного рекрута для революции. «Тюрьма петербургская, справки, допросы, жандармов любезности» — вот one way ticket от Сергея Нечаева. Лишь поставленный раз и навсегда вне общества и против общества закалится в своей ненависти к нему. Чем более жестокими будут меры тиранического государства по отношению к дерзнувшему человеку, тем более совершенный боец из него получится.

В деле подготовки молодых кадров к революционной борьбе важнейшим из подручных Нечаева было государство, против которого эта борьба должна была быть направлена.

Революционеры XIX века, а вслед за ними и советско-постсоветские историки революционного движения любили говорить о том, что нечаевщина преподала серьезнейший урок радикальным освободительным силам. Не менее, но гораздо более серьезный урок она преподала предержавшим власть в России. Но выучить этот урок они не смогли или не захотели. По-

этому удушливая атмосфера несвободы будет рождать все новых и новых мальчиков с бомбами или чем-то вроде того²⁰.

В 1880 году, после неудавшегося покушения на царя Александра, «Народная воля» напишет в своей прокламации:

«Ещё раз напоминаем всей России, что мы начали вооружённую борьбу, будучи вынуждены к этому самим правительством, его тираническим и насильственным подавлением всякой деятельности, направленной к народному благу».

Как видим, Нечаев относился к студентикам скептически, не представляя их сознательной и самостоятельной силой. Радикальное студенчество должно было послужить человеческим материалом в руках вождей, в руках таких, как он, для создания революционного авангарда; серая и неповоротливая народная масса вообще не воспринималась им как нечто самостоятельное. Это было довольно циничское осмысление идей Огюста Бланки, создавшего теорию захвата власти революционным меньшинством во имя народного большинства. Бланки первый принципиально разделил революционера и народ, всегда нерешительный и консервативный, обозначив революцию как результат интеллектуальных и организационных усилий сознательного меньшинства. Мизантропический бланкизм Нечаева, разумеется, имел мало общего с героическим коммунарком; это было развитие теорий Бланки на весьма специфический лад.

Что давало право Сергею Нечаеву считать себя *авангардом авангарда*, имеющим право распоряжаться человеческими жизнями во имя революции? Здесь снова неправильно ставится вопрос. Нужно учитывать, о ком идет речь. «Тварь я дрожащая,

²⁰ Как всегда, это лучше всего чувствуют поэты.

*Нам ничего не нужно,
Нам не х.я терять.
Поэтому нам хочется
Когой-то повзрывать.
А мамой нам Перовская,
Нечаев папа наш,
На ваших сидя трупах
Мы выпьем русский квас.*

или право имею?» — это вопрос не Нечаева, а Раскольникова. «Раз я способен к действию, то я и имею на него право» — вот как ставился вопрос Нечаевым.

Окружающих он видел на действие неспособными. В общем, так оно и было: несколько шенячий студенческий «революционный восторг»²¹ имел очень мало общего с «единою холодной страстью революционного дела», одновременно пожирающей и питающей нашего героя. Революция была одним из самых сильных и могущественных инстинктов Нечаева, он считался с нею как с данностью и не нуждался в осмыслении своих отношений с ней.

Мы воспринимаем как данность желание скушать пирожок, когда нам голодно, или другого рода желание, возникающее у нас при виде красивой женщины; мы не очень-то рассуждаем о том, *почему* у нас возникают такие желания, находя их совершенно естественными. Таким же естественным был революционный инстинкт для Нечаева, его мощная, концентрированная агрессия по отношению к окружающему обществу, и точно так же он не нуждался в его оправдании.

С. Г. Нечаев

²¹ Достоевский писал об «административном восторге», как раз в романе «Бесы», посвященном нечаевскому делу. И об этом деле, и о романе Федора Михайловича мы скажем позднее.

Иное дело, что этот инстинкт он ощущал как нечто *праведное*, как нечто более высокое, нежели общепринятая мораль и нравственность — тем более что общепринятые мораль и нравственность как бы созданы для того, чтобы растворяться в воздухе в нужный момент сжатия фиги в кармане. Революционный инстинкт Нечаева был не таков, он ставился превыше людских интересов — в том числе превыше интересов самого Нечаева — не на словах, а на деле.

Не следует думать, будто *революционный инстинкт* был присущ одному лишь Сергею Нечаеву, явившись своеобразным извращением его угрюмой натуры. Нет, страсть к революции поглотила многих и многих молодых (и не только молодых) людей того времени — причем людей самых отборных, людей, способных на великие душевные порывы. Революционный инстинкт Нечаева был гипертрофирован и аномален — а, как известно, часто на аномалиях всего удобнее наблюдать закономерности. Стремление к справедливости заложено в лучших представителях человеческого рода изначально; *уже* при столкновении с тотально несправедливой и жестокой действительностью оно может принимать самые разные, в том числе и самые уродливые, формы.

Создать легенду

Каким образом нуждающийся, не имеющий никаких связей в свете, экстремистски и мизантропически настроенный молодой человек мог стать в центре протестного студенческого движения, мог заставить окружающих признавать за ним особое значение, особую роль? Преподаватель Закона Божьего, Нечаев знал, какой огромной силой может обладать хорошо организованный миф. Одинокий, бедный, двадцатидвухлетний, он имел единственный материал для такого мифа: себя самого.

С присущей ему энергией Нечаев принялся творить из себя легенду. Он окутывал себя таинственностью и мглой, давая понять окружающей молодежи, что является не радикальным джентльменом «самим по себе», но законспирированным эмиссаром серьезной революционной организации. Мифотворчество

Нечаева оказалось довольно успешным, но одним лишь мифотворчеством он не ограничивался, и когда его революционной работой всерьез заинтересовалась полиция, Сергей Геннадиевич бежал за границу. Побег произошел в 1869 году и явился отличным подспорьем для очередного мифа: Нечаев сочинил, что бежать из России ему удалось во время отправки в Сибирь из Петропавловской крепости.

Новый миф предназначался не только для желторотых студентов, но и для столпов эмиграции — Бакунина, Герцена, Огарева, с которыми Нечаев встретился в Женеве. И этот миф сработал²²!

Лев, запертый в клетке, вынужденно оторванный от родины, Бакунин страстно желал еще при своей жизни увидеть революционную зарю над Россией. Это желание разделяли, с той или иной степенью страсти, все политические эмигранты. И большинство из них поверило Нечаеву, потому что хотело ему верить.

Впрочем, вне зависимости от степени доверия к Нечаеву, они не могли не отдать должное силе его личности. Упомянувшийся в сносках Лурье приводит любопытный отрывок из воспоминаний М. П. Негрескул (Лавровой) (мы, в свою очередь, не имея доступа к оригинальному изданию, вынуждены их цитировать именно по труду Лурье, не питая особого пиетета к трудам этого автора):

«Вошел молодой человек, представившийся мужу (я не слышала фамилии), издали поклонился мне и сел на стул у окна, спиной к свету. Муж присел против него, и они стали разговаривать. Молодой человек мне показался некрасивым и неинте-

²² Интересно, что уверовали в него и в благонадежной части российского общества. «Мы, быть может, ошибаемся в некоторых подробностях, — писал позже редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков, — но верно то, что этот поджигатель молодежи, выказывавшийся уже слишком заметно, был арестован. Но он не погиб и ничего не потерял. Он ухитрился бежать из-под стражи, чуть ли не из Петропавловской крепости». Как видим, отсутствие гласности и табу на все, что было связано с революционным движением, когда даже в близких к монархии кругах лишь немногие были осведомлены о том, что происходит в лагере ее противников, не только не мешали, но и помогали Нечаеву в распространении его легенд.

ресным — сухощавый, широкоплечий, с коротко остриженными волосами, почти круглым лицом. Я села в стороне на диван, но так как разговор они вели вполголоса, из скромности взяла книгу и перестала обращать на него внимание. Через несколько времени муж вышел зачем-то из комнаты. Я опустила книгу, подняла глаза и встретилась с глазами незнакомца. Небольшие темные глаза смотрели на меня с таким выражением холодного изучения, с такой неумолимой властностью, что я почувствовала, что бледнею, не могу опустить век, и страх, животный страх охватил меня, как железными клещами. Никогда, ни раньше, ни после в своей жизни я не испытывала ничего подобного. Должно быть, вошел мой муж, потому что он отвел глаза, и я овладела собой. Сколько времени он у нас пробыл, я не знаю. Я машинально перевертывала страницы и чувствовала себя слабой и разбитой. Когда он ушел, я спросила у мужа: кто это? — Нечаев... Ни разу я не говорила с этим необыкновенным человеком, видела всего три раза в жизни почти мельком, но и теперь, через сорок лет, я помню его глаза, я понимаю, что люди могли рабски подчиняться ему».

Подобно тому, как перед российскими студентами Нечаев выдавал себя за члена могущественной международной организации, перед эмигрантами он начал представляться членом могущественной организации из России. Ближе всех он сошелся с Бакуниным, который даже выдал ему знаменитый мандат:

12 мая 1869 года.

Податель сего есть один из доверенных представителей русского отдела всемирного революционного союза.

Печать: 2271

Alliance revolutionnaire europeenne

Comite general

Подпись: Бакунин.

Как видим, документ имел даже печать для удостоверения подлинности. Между тем, *всемирный революционный союз* был организацией совершенно по-нечаевски вымышленной. Революционер со стажем, Михаил Александрович Бакунин не меньше Нечаева понимал значение блефа в работе того, кто задумал «мутить государство». Очень может быть, что Михаил Александрович в глубине души не слишком верил геройским леген-

дам Нечаева, сознательно или бессознательно закрывая глаза на их сомнительную правдоподобность²³. Рожденный, чтоб *сказку сделать былью*, он знал, что реальность существует для того, чтобы изменять ее; в Нечаеве он чувствовал недюжинную *силу* духа и воли, с помощью которой такие изменения можно было осуществить.

Михаил Александрович Бакунин

«Помните, как Вы сердились на меня, когда я называл Вас абреком, а Ваш катехизис — катехизисом абреков, — напишет позднее Бакунин Нечаеву, — ...Да, мой милый друг, Вы не материалист, как мы грешные, а идеалист, пророк, как монах Революции, и Вашим героем должен быть не Бабеф и даже не Марат, а какой-нибудь Савонарола, Вы по образу мыслей подходите больше к иезуитам, чем к нам». В этом письме Бакунин будет отечески указывать Нечаеву на гибельность его нигилизма, но что такое гибельность для Савонаролы?

²³ «Верил ли я по слабости, по слепоте или по глупости? — напишет Бакунин Нечаеву позднее. — Вы сами знаете, что нет. Вы знаете очень хорошо, что во мне слепой веры никогда не было и что еще в прошедшем году в одиноких разговорах с вами и раз у Ога[рева] и при Огареве, я вам сказал ясно, что мы вам верить не должны, потому что для вас ничего не стоит солгать, когда вы полагаете, что ложь может быть полезна для дела, что, следовательно, мы другого залога истины ваших слов не имели, кроме вашей несомненной серьезности и безусловной преданности делу».

Разумеется, гораздо более эффективным было бы наделить Нечаева мандатом от имени реально существующего Интернационала, но с отношения Бакунина с Интернационалом были далеко не безоблачны. Легендарный бунтарь, дающий путевку в жизнь молодому авантюристу, был так же одинок.

Далеко не с таким энтузиазмом отнесся к Нечаеву Герцен, привыкший мыслить гораздо более трезво. «Все эмиграции, отрезанные от живой среды, к которой принадлежали, — писал он в «Былом и думах», не по поводу Нечаева, — закрывают глаза, чтоб не видеть горьких истин, и вживаются больше в фантастический, замкнутый круг, состоящий из косных воспоминаний и несбыточных надежд. Если прибавим к тому отчуждение от не эмигрантов, что-то озлобленное, подозревающее, исключительное, ревнивое, то новый, упрямый Израиль будет совершенно понятен». При этом Александр Иванович отдавал должное личности революционного неофита. «Нечаев, как абсент, крепко бьет в голову», — не без уважения говаривал он.

Н. П. Огарев и А. И. Герцен

На пару с Огаревым Герцен был наделен правом распоряжаться так называемым Бахметьевским фондом. Это была внушительная сумма, пожертвованная помещиком Бахметьевым на нужды русской революции, перед тем, как тот навсегда уехал из

России на Маркизские острова. До появления Нечаева фонд сохранился в неприкосновенности, несмотря на аппетиты многих и многих «революционных групп». Очарованный Нечаевым так же, как и Бакунин, Огарев решил, что пришло время пустить, наконец, в дело деньги фонда. Когда Герцен воспротивился этому, Огарев настоял на разделении фонда и отдал свою половину денег Нечаеву.

Этот факт заслуживает того, чтобы его подчеркнуть. На Бахметьевские сокровища претендовали самые разные, порой весьма авторитетные, люди и организации, но их получил неизвестный молодой человек, да что там, юноша двадцати двух лет отроду. Какой же внутренней силой должен был обладать этот юноша?

Помимо материальной поддержки, Огарев с Бакуниным решили оказать Нечаеву поддержку идейную. На Россию накатила волна листовок и брошюр, предвещавших скорую революцию, в их создании принимали участие все трое — Нечаев, Бакунин, Огарев. «Будьте же глухи и немые ко всему, что не дело, ко всему, что не мы, не народ», — призывал Сергей Геннадиевич.

Теперь Нечаев мог возвращаться домой в совсем другой, так сказать, весовой категории. В ход пошла и поэзия. Огарев посвятил своему молодому другу типическое народвольческое стихотворение, блистательно и злобно высмеянное впоследствии Достоевским. Стихотворение носило название «Студент», в нем привычно рифмовались «народу» и «свободу», а в конце и вовсе для поднятия пафоса было написано:

*Жизнь он кончил в этом мире
В снежных каторгах Сибири,
Но дотла не лицемерен,
Он борьбе остался верен
До последнего дыханья... и т.д.*

«Да что же ты Нечаева заживо хоронишь? — недоумевал не без скепсиса Герцен. — Стихи, разумеется, благородны, но того звучного порыва, как бывали твои стихи, саго тіо, нет».

Стихи в самом деле были не то чтобы очень хороши; однако они оказались пророческими²⁴, а это само по себе многого стоит для стихотворения.

Общество спектакля

Нечаев вернулся в Россию все в том же 1869 году; за границей он пробыл меньше половины года, однако, как видим, успел сделать весьма много. В Москве, где он остановился, Сергей Геннадиевич приступил к «афиляции» революционных пятерок по методу Н. А. Спешнева, одного из самых радикальных деятелей времен Петрашевского. Сам Спешнев составил в свое время такой черновик «обязательной подписки»:

«Я, нижеподписавшийся, добровольно, по здравом размышлении и по собственному желанию поступаю в Русское общество и беру на себя следующие обязанности, которые в точности исполнять буду:

1. Когда Распорядительный комитет общества, сообразив силы общества, обстоятельства и представляющийся случай, решит, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участие в восстании и драке, т. е. что по извещению от Комитета обязываюсь быть в назначенный день, в назначенный час в назначенном мне месте, обязываюсь явиться туда и там, вооружившись огнестрельным или холодным оружием или тем и другим, не щадя себя, принять участие в драке и как только могу споспешествовать успеху восстания.

2. Я беру на себя обязанность увеличивать силу общества приобретением обществу новых членов. Впрочем, согласно с правилом Русского общества обязываюсь сам лично больше пятерых не афилировать.

3. Афилировать, т. е. присоединять к обществу новых членов, обязываюсь не наобум, а по строгом соображении, и только

²⁴ Впрочем, смерти на Сибирской каторге не было. Ее Сергей Геннадиевич так и не увидел. Все закончилось еще страшнее. Застенок, в котором окончил свои дни Сергей Нечаев, был одним из самых ужасных застенков Российской Империи.

таких, в которых я твердо уверен, что они меня не выдадут, если б даже и отступились после от меня; что они исполнят первый пункт и что они действительно желают участвовать в этом тайном обществе. Вследствие чего и обязываюсь с каждого, мною афилированного, взять письменное обязательство, состоящее в том, что он перепишет от слова до слова сии самые условия, которые и я здесь даю, все с первого до последнего слова, и подпишет их. Я же, запечатав оное его письменное обязательство, передаю его своему афилятору для доставления в Комитет, тот — своему и так далее. Для сего я и переписываю для себя один экземпляр сих условий и храню его у себя как форму для афиляции других».

Общество, которое строил, афилируя направо и налево, Сергей Нечаев, носило красноречивое название «Народная расправа». Символом движения был топор.

Сергей Геннадиевич сколотил «Народную расправу» в одиночку, действуя в своем излюбленном стиле и проявляя чудеса изобретательности. Один из членов общества позднее вспоминал: «Нечаев устраивал вербовку в члены общества разными средствами, и тех, кто не поддавался на его желание, обставлял таким образом: окружал их незаметно для них самих такими людьми, которые все старались уговорить не желавших. <...> Старания эти вели к тому, что не желавший поддавался сначала только на пожертвование в пользу дела деньгами, потом, связавши уже себя этим пожертвованием, вступал в дело и лично. Вообще Нечаев обладал удивительною ловкостью к тому, чтобы склонить к участию в обществе; он умел представить это дело в таких, придать ему такой характер общего дела, что силою этих доводов увлекал за собою». Все это очень похоже на вербовку в религиозную секту; Нечаев и сколачивал не партию, но секту, право быть духовным отцом которой оставлял за собой.

Разумеется, все члены тайного общества, видевшие бумагу за подписью самого Бакунина, думали, что Сергей Геннадиевич не замыкает их организацию на себе, но является связующим звеном между ними и «Комитетом». Нечаев по-прежнему не ставил ни в грош ни в денежку ни своих соратников, вернее сказать, своих солдат, ни их убежденность и крепость духа, предпочитая, чтобы их связывал воедино страх, одна из самых сильных эмо-

ций. Как известно, самые низменные эмоции очень часто являются самыми сильными. Нечаев предпочитал действовать наперняка и потому предпочитал опираться именно на низменные эмоции. Широко известны показания в суде уже цитированного нами нечаевца Кузнецова, их обыгрывает в своем романе Достоевский:

«...Один раз Нечаев пришел к нам и сказал, что сделалось Комитету известно, что будто кто-то из нас проговорился о существовании тайного общества. Мы не понимали, каким образом могло это случиться. Он сказал: “Вы не надейтесь, что вы можете проговориться, и Комитет не узнает истины: у Комитета есть полиция, которая очень зорко следит за каждым членом”. При этом он прибавил, что если кто из членов как-нибудь проговорится или изменит своему слову, и будет поступать вопреки распоряжениям тех, кто стоит выше нашего кружка, то Комитет будет мстить за это».

«Вечеринка». Картина В. Н. Маковского

Все это выглядит довольно зловеще, но вместе с тем немного напоминает детский сад. Не следует недооценивать «несерьезных» людей и «несерьезные» организации. История показывает, что именно они берут в руки ситуацию по-настоящему «серьезные» моменты. Впрочем, для Нечаева такой *момент истины* так и не наступил.

Жизнь часто припирала Сергея Геннадиевича к стенке; он знал, что именно будучи припертым к стенке, можно действовать замечательно, просто великолепно; вся история создания его организации есть, в той или иной степени и в той или иной форме, история «припираания» к стенке тех, кто ее составлял. Свой собственный опыт он обобщал на подвластных ему людей; но такое обобщение оказывалось не всегда продуктивным. Слабаками для него были все; равных себе по степени фанатизма, жестокости и самоотречения вокруг себя он не видел.

Страх будущих членов организации перед карательными органами государства помогал Нечаеву в их вербовке; страх уже завербованных перед Комитетом обеспечивал их управляемость. До определенного момента страх был действенным орудием; но, заиклившись на этом орудии, Нечаев сам готовил своему предприятию катастрофу.

Катастрофа Нечаева носила характерное русское имя Иван Иванович Иванов. Иванов был один из наиболее независимых и авторитетных членов «Народной расправы». На одном из собраний, речь шла о расклейке написанного Нечаевым воззвания²⁵, он категорически отказался повиноваться посланцу «Комитета».

Это был бунт. Сергей Геннадиевич решил обратиться к последнему аргументу, пригрозив, что дело пойдет на рассмотрение Комитета. Иванов ответил, что это ничего не изменит. Нечаев был потрясен. «Как, вы выступаете против Комитета?!» — «Комитет всегда решает так, как выгодно вам».

Корабль дал течь. С собрания кружка Нечаев ушел ни с чем. Уладить ситуацию было уже невозможно. Иванов сознательно шел на конфликт, давая волю раздражению, накопившемуся за

²⁵ Воззвание было озаглавлено «От сплотившихся к разрозненным» и проникнуто не только вождедующим предчувствием бунта, но и призывами к нему. «Признаки того, что заря желанных дней займется, — говорилось в нем, — ясны для каждого, кто не подличает своим умом и не отворачивается от бьющих в глаза фактов озлобления, и сознательное негодование прямо высказывается мужиком при встрече со всякой честно высматривающей личностью. Не видят и не слышат только те из нас, которых от народа отделяет пропасть, только те, которые продали дорогое будущее за милую минуту настоящего. Тем хуже для них. Во дни расправы масса раздавит их вместе со своими палатами».

время пребывания в нечаевской секте. Он заявил, что не верит ни в какой комитет и не станет подчиняться Нечаеву, не отдаст ему деньги, собранные для общества, а устроит на них свой собственный кружок. Угрожал он и сдачей членов общества в руки полиции.

И тогда «Комитет», то есть сам Нечаев, принял решение: убить. Верный своему принципу извлекать из любого события пользу, глава «Народной расправы» решил использовать убийство Иванова для сплочения членов своей организации. Все члены нечаевской пятерки были обязаны присутствовать при убийстве, все они должны были быть повязаны кровью жертвенного студента.

Кружковцы согласились не сразу, но магнетизм Нечаева, страх перед возможным доносом Иванова и невидимым Комитетом сделали свое дело: Иванова заманили в западню и убили. Убивали страшно непрофессионально и истерично; один лишь Нечаев был как всегда хладнокровен, несмотря на то, что несчастный, сопротивляясь, изгрыз его большой палец.

Полиция напала на след довольно быстро и безо всяких усилий переловила всех соучастников, пребывающих в жестоком смятении духа; ускользнул лишь организатор и идейный вдохновитель. В описании его примет, разосланном полицией, фраза: «вместо усов еще пух». Такой вот человек, *с пухом еще вместо усов*, скрутил в бараний рог — да что там, вил веревки из своих подельников, так сильно отличающихся друг от друга... А ведь они, в самом начале пути, по крайней мере, шли за ним *добровольно!* История Нечаева, как ничья другая, буквально *изобилует*, это не преувеличение, *зачарованными* людьми, безоговорочно шедшими за ним, причем людьми самыми разными — от изнеженных баричей и восторженных курсисток до грубых солдат из равелина. Людям свойственно быть зачарованными чьим-нибудь статусом, удачливостью, положением — но ведь ничем этим реально не обладал бедный и бледный юноша *с пухом еще* вместо усов! «Сам худенький, безбородый, как мальчик, лицо серое, ногти обгрызены, а рот у него сводила судорога. И подумать только, что у этакой невзрачности — сила воли гигантская, гипнотическая!» — живописал молодого человека Ф. Волховский.

Разумеется, пытаться *объяснять* Нечаева, как и всякую крупную историческую фигуру, можно только будучи человеком весьма ограниченным. Наметить возможные пути ее осмысления, ибо *осмыслять* ее, хотим мы того или нет, придется — вот единственно посильная для исследователя задача.

С. Г. Нечаев

В чем самые очевидные, лежащие на поверхности, причины гипнотического влияния Сергея Нечаева на окружающих его людей?

Во-первых, это безоговорочная, фанатическая, абсолютная преданность тому делу, работы на которое он требовал от всех остальных. Благодаря беспрецедентной преданности революции отождествление Нечаевым собственных интересов с ее интересами не вызывало у других активного отторжения. Он сам посвятил себя всего этому делу — и потому *имеет право* требовать того же от нас — так рассуждали, вернее сказать, это ощущали люди, оказавшиеся в сфере его влияния. «Привычно он, ночуя у нас, спал на голых досках, — вспоминал А. К. Кузнецов, член нечаевской организации, — довольствовался куском хлеба и стаканом молока, отдавая работе все свое время. Такие мелочи на нас, живших в хороших условиях, производили неотразимое впечатление и вызывали удивление». Эта гигантская *воронка*, водоворот, образующийся вокруг сильной, непокорной и целеустремленной личности в случае Нечаева выглядит особенно эффектно.

Во-вторых, Нечаев явился пионером и мэтром нового политического искусства, *искусства провокации*. Рассказывают, что в первую свою эмиграцию он специально рассылал «зажигательные письма» российским адресатам, желая, чтобы их схватила полиция: таким способом он пополнял ряды революционеров и недовольных.

Провокация как основа политики характерна для двадцатого и еще более для двадцать первого века, вся политика новейшего времени построена на провокации — от Тимишоары до российско-грузинской войны. Нечаев первый возвел провокацию в *принцип*, значительно опередив свое время, первым *обществом спектакля*, быть может, было общество «Народная расправа»²⁶... И здесь мы снова сталкиваемся с той же историей, что и

²⁶ На портале русских правых rustrana.ru, в статье Ирины Лебедевой под характерным названием «Демократическая революция как провокация» (www.rustrana.ru/print.php?nid=7025) читаем любопытное:

«"Достоевский — знамя пламенного Буша" — так назвал свою статью в "Гардиан" Джеймс Мик, уверенный в том, что пафос революции-провокации, прозвучавший в речи американского президента, заимствован у героя (антигероя) "Бесов" Достоевского Петра Верховенского. С англичанином согласился редактор американского "Antiwar.com" Джастин Раймондо в статье с подзаголовком "George W. Bush is a man possessed". (Английское "possessed", в принципе, может нести нейтральный и даже положительный смысл, но этим же термином — "одержимые бесами" — традиционно переводят в Америке название романа Достоевского).

Когда в своей речи Дж. Буш объявил, что конечной целью США является "покончить с тиранией во всем мире", возник вопрос, пишет Дж. Раймондо, понимают ли он и его спичрайтеры, насколько чуждой эта ультрареволюционная риторика должна казаться консерваторам старой школы. "Благодаря тому, что мы действовали в великих традициях этой нации, — говорил Буш, — десятки миллионов получили свободу... Нашими усилиями был разожжен огонь, пожар в умах людей... И настанет день, когда этот огонь свободы достигнет самых темных уголков нашего мира..."

Наверняка, пишет Джастин Раймондо, спичрайтеры Буша, включая фразу о "пожаре в умах" в президентскую речь, не могли не знать ее литературного источника. "Цитата взята из романа Достоевского «Бесы», прототипом одного из главных персонажей которого явился мерзавец и нигилист Сергей Нечаев..., чьей стратегией было спровоцировать великую смуту, которая распространится пожаром революционной жестокости...", — поясняет Дж. Раймондо». И далее: «В настоящее время архетип "нелинейного" провокатора определяет динамику всех бархатных и розово-оранжевых революций. Недаром "Катехи-

в случае Лютера, что и в случае Марата: система берет на вооружение методы, изобретенные ее самыми непримиримыми противниками — и побеждает²⁷...

Спектакль продолжается

Ускользнув из лап полиции, безжалостный убийца и великий комбинатор вновь скрылся за границу, где был принят в распростертые объятия Огарева и Бакунина. Герцен умирал в Париже, физически и духовно он уже был далек от причуд старых друзей. А старики, худо осведомленные об истории с Ивановым, были искренне рады своему «Бою».

Бой продолжил их мистифицировать с удвоенной энергией. Он требовал, чтобы все их силы отныне были отданы революционной работе с Россией. Нуждающийся Бакунин заявил, что не может посвятить себя этой работе без определенных материальных гарантий. Пообещать их старику для Нечаева ничего не стоило; по такому случаю он придумал легенду о том, что в распоряжении Комитета имеются необходимые средства, обещанные неким помещиком, продающим собственное имение для помощи социальным борцам. Помещика и его имения, само собой, не существовало и в помине.

Для того чтобы обеспечить свое существование, Бакунин еще до приезда Нечаева взялся за перевод «Капитала» Маркса, и теперь был связан известными обязательствами. Сергей Геннадиевич пообещал Михаилу Александровичу избавить его от этих

зис революционера” Сергея Нечаева сегодня так востребован и переведен на многие языки мира».

Автор (проверить данные им ссылки мне так и не удалось) определяет провokацию как метод, присущий исключительно революциям, в то время как из его же статьи следует, что в новейшие времена этот метод является не только революционным, но и *политическим*.

²⁷ Не только Марат и Лютер, но и герой нашего следующего очерка, вождь непокорных индейцев-апачей Херонимо не избежал этой участи. В наши дни всем известен американский военный вертолет «апач», один из лучших в своем классе; а американские командос идут в атаку, выкрикивая имя Херонимо для поднятия боевого духа.

обязательств, и вскоре студент Любавин, которому Бакунин обещал перевод, получил письмо от «Бюро иностранных агентов русского революционного общества “Народная расправа”». В письме, в частности, говорилось:

«...М. Г., вполне уверенные что вы, понимая с кем имеете дело, будете так обязательны, что избавите нас от печальной необходимости обращаться к вам вторично путем менее цивилизованным. Мы предлагаем вам:

1) Тотчас по получении сего послания, телеграфировать Б[акуни]ну о том, что вы снимаете с него нравственную обязанность продолжения перевода.

2) Тотчас же послать к нему подробное письмо с приложением сего документа и конверта, в котором он получен.

3) Тотчас послать письмо к ближайшим нашим агентам (хотя на известный вам женеvский адрес), в котором известить что предложение Бюро за № таким-то вами получено и выполнено.

Строго аккуратные по отношению к другим, мы рассчитываем в который день вы получите это письмо; предлагаем в свою очередь и вам быть не менее аккуратным и не замедлить выполнением, чтобы не заставить прибегать к мерам экстренным и потому немного шероховатым.

Смеем уверить вас, м. г., что наше внимание к вам и вашим поступкам с этого времени будет несравненно более правильным. И от вас самих зависит, чтоб дружественные отношения наши росли и крепили, а не обращались в неприязненные».

Помноженная на полнейшую аморальность, бешеная энергия Нечаева была направлена теперь на освоение эмигрантского пространства: он понимал, что в России окажется не скоро. Огарев и Бакунин сделались окончательно фигурами в игре молодого прохвоста. Он пользовался их авторитетом безо всякого почтения и безо всяких сомнений обманывал их, когда ему это было выгодно, рылся тайком в их бумагах, стравливал их друг с другом и с остальными, предусмотрительно крал компрометирующие их письма, короче, мутил воду так, как только он умел ее мутить. Совершенно очевидно, что этих кумиров социалистической мысли и столпов освободительного движения Нечаев воспринимал, в терминах «Катехизиса», как *«революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных»*, как

«часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение». Не в последнюю очередь распоряжаться этим «капиталом» столь долгое время удавалось потому, что и на себя Нечаев смотрел, *«как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела».* Лживость, основанную на фанатизме, всегда особенно трудно распознать. Но далее он поступал уже не по собственному «Катехизису», в котором было сказано, что революционер обязан смотреть на себя *«только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества вполне посвященных, распоряжаться не может».* Сергей Геннадиевич распоряжался собой в одиночку, пайщиков, которые бы устраивали его, достойных посвящения хотя бы вполне, он так и не нашел.

Помещик, продавший имение во имя свободы, равенства и братства, существовал лишь в истории, придуманной для Бакунина; пришла пора озаботиться материальными средствами. Сергей Геннадиевич нацелился на вторую половину фонда Бахметьева; мудрый и трезвый Герцен к тому времени уже умер, и с помощью Огарева Нечаев смог получить опосредованный доступ к деньгам. На эти деньги Нечаев замыслил продолжить издание «Колокола». Этот журнал, основанный Герценом, был престижнейшим, как мы бы сейчас сказали, брэндом русского освободительного движения, и Нечаев намеревался использовать этот брэнд по максимуму.

Издание «Колокола» явилось одним из самых знаменательных этапов второй информационной войны, развернутой Нечаевым из заграницы против самодержавия. Всего при Нечаеве вышло шесть номеров журнала.

Именно в этот период в его жизни появилась Наталья Александровна Герцен.

Историки до сих пор ломают головы над тем, любил ли он ее на самом деле или желал эффективно использовать, как использовал всех остальных; нечего говорить, что Тата, как называли ее близкие, с ее славной фамилией и доступом к бахметьевским деньгам была бы Нечаеву очень полезна. Ну а что если это было и то и другое? Сохранились трогательные письма железного человека к дочери VIP'а революции. «Не много у меня светлых минут в жизни, — писал Нечаев, — прошлое мое бедно радо-

стями. Не отравляйте же и теперь подозрением самое чистое, высокое, человеческое чувство». И все же весь характер его деятельности был таков, что подозрения не могли не возникнуть, и сегодня уже никто не скажет наверняка, что в действительности скрывалось за признаниями в любви — настоящее чувство или холодный расчет?

Подозрения возникали не у одной Таты. Бакунин и Огарев также чувствовали, что не могут более не только закрывать глаза на проделки «Боя», но и просто смотреть на эти проделки сквозь пальцы. Многие люди в русской эмиграции смотрели на кипучую деятельность, развитую Нечаевым, более чем недружелюбно. В своем революционном строительстве он явно и очевидно перегибал палку — не перегибать палку Сергей Геннадиевич не умел. И когда в Женеву приехал революционер Лопатин, специально с целью развенчания нечаевских мистификаций, «общественное мнение» уже было готово к этому.

Разрыв Нечаева с Бакуниным был неизбежен, и разоблачения Лопатина только ускорили его.

«Последний замысел его, — писал Бакунин в частном письме, — был ни больше, ни меньше, как образовать банду воров и разбойников в Швейцарии, натурально с целью составить революционный капитал. Я его спас, заставивши его покинуть Швейцарию, так как он непременно был бы открыт, он и его банда в продолжение нескольких недель; он бы пропал, — погубил с собою и нас. Его товарищ и сообщник Серебренников открытый мерзавец, лгун с медным лбом, без извинения, без прощения фанатизмом. Передо мною свершились многочисленные покражи бумаг и писем, которые он сделал».

Архив Нечаева, который он захватил с собой, доставил еще немало хлопот Бакунину, Огареву и Тате Герцен. Их личностями архив не ограничивался; судя по описаниям, это было нечто грандиозное, одних только фотографий различных попавших в его поле деятельности революционеров было более двухсот, снабженных характеристиками в духе дурацкого советского телесериала «Семнадцать мгновений весны». Архив был уничтожен по наводке самого Сергея Геннадиевича после его ареста.

Замучен тяжелой неволей

Арестовали Нечаева в 1872 году, после скитаний по границам. Швейцарское правительство согласилось передать его России как уголовного преступника, как уголовного преступника его и судили. С арестом начинается новый период жизни Нечаева — период безусловно героический и достойный восхищения. Человек, придерживающийся христианской веры, сказал бы, наверное, что эти годы для Нечаева стали годами искупления былых грехов²⁸. Сбылось предсказание Бакунина, который, узнав об его аресте, написал Огареву:

«...Нечаев, который погиб безвозвратно и без сомнения знает, что он погиб, на этот раз вызовет из глубины своего существования, запутавшегося, загрязнившегося, но далеко не пошлого, всю свою первобытную энергию и доблесть. Он погибнет героем, и на этот раз ничему и никому не изменит. Такова моя вера. Увидим скоро, прав ли я. Не знаю, как тебе, а мне страшно жаль его. Никто не сделал мне, и сделал намеренно, столько зла, как он, а все-таки мне его жаль».

«Арест пропагандиста».
Картина И. Е. Репина

²⁸ Особое знамение усмотрели бы в том, что Нечаев умер ровно через тринадцать лет после убийства Иванова.

Бакунин и Огарев действительно «увидели скоро», что Михаил Александрович оказался прав. На суде Нечаев сделал все, чтобы превратить процесс уголовный в процесс политический, что, само собой, не прибавило снисхождения к нему со стороны судей. Его слова после оглашения приговора были: «Да здравствует Земский собор! Долой деспотию!»

«...В последнее время — написал по этому поводу Достоевский, — удивил меня процесс Нечаева. Вот уж, кажется, следил за делом, ведь даже писал о нем и вдруг — удивился. Никогда я не мог представить себе, чтобы это было так несложно, так однолинейно глупо. Нет, признаюсь, я до самого последнего момента думал, что все-таки есть что-нибудь между строчками, и вдруг — какая казенщина! Ничего не мог я себе представить неожиданнее. Какие восклицания, какой маленький-маленький гимназистик. Да здравствует Земский собор, долой деспотизм! Да неужели же он ничего не мог умнее придумать в своем положении!»

Федор Михайлович лукавил. Человек весьма религиозный, по крайней мере, представляющий себя таковым²⁹, он не мог не понимать, какое значение для *веры* имеют ее символы. Вряд ли ему пришло бы в голову обозвать «казенщиной» «Отче наш». Между тем, *Земский собор* и крах *деспотизма* были для Нечаева самыми настоящими *символами веры*, веры земной, в жертву которой он с одинаковым фанатизмом готов был принести и себя, и других. Судя по всему, Достоевский *заведомо* не хотел понять этого, — так же, как *заведомо* не желал Бакунин видеть в Нечаеве обманщика. Цинизм, замешанный на религии, и религия, замешанная на повседневности, приводят в недоумение, если не страшат.

Суд приговорил Нечаева к двадцати годам работы на рудниках. Однако государь император остался недоволен такой снис-

²⁹ «Моя мечта — это воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит», — говорит карамазовский черт. Может быть, эту фразу он подслушал у черта, который терзал Достоевского? Показательно обратившийся в «толстое семипудовое», официальное православие, Федор Михайлович не мог не вспоминать о верованиях купчих.

ходительностью. «Осторожнее заключить его навсегда в крепость», — начертала августейшая рука. Слово «крепость» было действительно для верности подчеркнуто.

Так Нечаев оказался в Петропавловской крепости, побег из которой он когда-то имитировал для поддержания своего революционного авторитета, в Секретном доме Алексеевского рavelина оной. Случилось это в 1873 году.

Во всех жандармских бумагах Нечаев фигурировал как «известный преступник»; даже имя его боялись называть.

Одиночка Нечаева была страшным местом; многие, оказавшиеся в гораздо более мягких условиях, ломались или сходили с ума³⁰. Условия содержания в рavelине были, по признанию находившихся там, «невозможными». Но Нечаев и здесь продолжил свою борьбу, так и не склонив голову. А ведь в соответствии со своим «Катехизисом» он имел на это полное право, если это приблизило бы его к освобождению. Отрицающий честь на словах, он оказался на деле не просто щепетилен, но несгибаем в вопросах чести, — чести революционной, которую, как нам

³⁰ Бакунин во время пребывания в рavelине написал покаянную «Исповедь», предназначенную для императора.

«Граф Орлов объявил мне от имени Вашего императорского величества, — писал смиренный узник, — что Вы желаете, государь, чтоб я Вам написал полную исповедь всех своих прегрешений. Государь! Я не заслужил такой милости и краснею, вспомнив все, что дерзал говорить и писать о неумолимой строгости Вашего императорского величества.

Как же я буду писать? Что скажу я страшному русскому царю, грозному блюстителю и ревнителю законов? Исповедь моя Вам как моему государю заключалась бы в следующих немногих словах: государь! я кругом виноват перед Вашим императорским величеством и перед законами отечества. Вы знаете мои преступления, и то, что Вам известно, достаточно для осуждения меня по законам на тяжчайшую казнь, существующую в России. Я был в явном бунте против Вас, государь, и против Вашего правительства; дерзал противостать Вам как враг, писал, говорил, возмущал умы против Вас, где и сколько мог. Чего же более? Велите судить и казнить меня, государь; и суд Ваш и казнь Ваша будут законны и справедливы. Что же более мог бы я написать своему государю?»

Заканчивалась «Исповедь» так:

«Потеряв право называть себя верноподданным Вашего императорского величества, подписываюсь от искреннего сердца

Кающийся грешник

Михаил Бакунин».

уже известно, понимал, мягко говоря, очень своеобразно. Когда главноуправляющий отделением предложил узнику сотрудничество с полицией, тот влепил ему пощечину.

В заключении Нечаев активно занялся самообразованием; здесь он прочел более двух тысяч книг на самых разных европейских языках, причем право читать и писать давалось ему нелегко: то и дело он вынужден был бороться за это право самым отчаянным образом, вплоть до голодовок. Даже конформистский историк Лурье, в своем демонстративном «неприятии» Нечаева переходящий все разумные границы, говоря об этом, не может сдержать удивления.

Через восемь лет начальству через предателя из числа узников стало известно, что Сергей Геннадьевич Нечаев *в одиночку* пропагандировал охрану рavelина, связался с революционными организациями на воле и готовит свой побег. Аналогов этому случаю в мировой истории нет.

Солдаты оставались верны Нечаеву до последнего. Уже на каотрге, вспоминая своего пленника, они называли его «наш орел»³¹.

Более терпеть неистового революционера начальство не могло. Оно буквально замуровало его в каменный мешок, отрезав даже от того «внешнего мира» который предполагал «формат» крепости. О том, где Нечаев находится в крепости, не знал никто из арестантов, всякие связи с ними в той камере, куда его

³¹ Из воспоминаний Ю. М. Стеклова: «Несмотря на злоключения ссыльной жизни, несмотря на то, что некоторые из них не обладали достаточной политической устойчивостью, впоследствии несколько опустились, все же они сохранили революционное настроение и в особенности, горячую преданность Нечаеву. Какого бы мнения ни быть о приемах, которые пускал в ход во время своей революционной деятельности Нечаев, как бы ни относиться даже к его личности, но его жизнь в крепости и, в частности, то обстоятельство, что он, будучи бесправным, лишенным всех прав узником, сумел приобрести такое поразительное влияние на солдат, показывает, что он был незаурядным человеком и чрезвычайно крупной революционной силой».

Из воспоминаний О. К. Булановой: «Помню двоих из них: средних лет, добродушные, они с удивительной любовью говорили о Нечаеве. Он точно околдовал их, так беззаветно преданы были они ему. Ни одни из них не горевал о своей участи, напротив, они говорили, что и сейчас готовы за него идти в огонь и воду»

перевели, были абсолютно исключены. Теперь ни о каких книгах не могло идти и речи; Нечаева лишили не только чтения, но и прогулок, ему выдали лохмотья вместо одежды и в четыре раза уменьшили паек, чтобы уморить голодом. Фактически речь шла о медленном убийстве.

В этих нечеловеческих условиях Нечаев прожил еще год. Двадцать первого ноября 1882 года совершенно истощенный Сергей Геннадиевич скончался. Причиной смерти была названа цинга, осложненная общей водянкой. Месяц назад ему исполнилось тридцать пять лет.

Его уничтожили, но так и не сломали.

Приложение. Роман «Бесы»

Говоря о Нечаеве, нельзя не вспомнить великий роман Ф. М. Достоевского. Мы уже говорили об этом романе не раз. Остановимся теперь на нем отдельно.

Конечно же, это пасквиль, но пасквиль гениальный, пасквиль, поднявшийся до уровня пророчества. Фигура Петра Степановича Верховенского, прототипом которого явился Нечаев, омерзительна полностью, в ней нет ни одной положительной черты; никакому другому писателю, кроме Достоевского, такая без меры отрицательная фигура не удалась бы, получилось бы нечто примитивное и ходульное до смешного, лубочная страшилка для невзыскательных. Только Федор Михайлович обладал невозможным ни для кого другого талантом рисовать своих отрицательных персонажей одной лишь черной краской, но так, чтобы эти фигуры вместе с тем смотрелись *живыми* и правдоподобными — хотя в жизни не бывает фигур не только полностью черных или белых, но и черно-белых даже...

Не стоит искать особого соответствия между героями романа и реальными лицами; Герман Лопатин, тот самый, что приезжал в Женеву с разоблачениями Нечаева, писал о «Бесах»: «Внешняя сторона совершенно совпадает с известными событиями... Ну а внутренняя, психологическая, совпадает ли с действительной психологией действующих лиц? Я знал лично Нечаева, знал многих из его кружка и могу сказать: никакого, ни малейшего сходства».

И если фигуры кружка Верховенского все же узнаются, представляя собой типические типы провинциальных оппозиционеров (кто бывал когда-либо на сходках такого рода групп любого направления, оценит по достоинству главу «У наших»), если эти фигуры, обозначенные одним-двумя штрихами, кажется, абсолютно осязаемы, то образ Петра Степановича относится уже к области демонологии.

Если воспринимать роман в прямой связи с нечаевским делом, нужно признать этот образ несправедливой карикатурой,

внешнее сходство в которой потеряно по причине чрезмерного и даже постыдного озлобления художника. Собственно говоря, так и было; но гениальность Достоевского проявлялась и в том, что даже вкус и меру он терял гениально. «Бесы» есть в первую очередь роман-прозрение, роман, превзошедший свое время, как и всякое великое произведение, хотя автор задумал его как памфлет на злобу дня.

Зададимся школьным вопросом: а кто *положительный* герой в романе Достоевского? Лиза? Хромоножка? Но ведь их назначение в романе чисто декоративное, кто из настоящих героев романа является положительным? Получается, что никто. При всем своем охранительном пафосе Достоевский так и не смог показать, что может остановить «бесов», зато отлично продемонстрировал, что их порождает и почему они с такой легкостью побеждают.

Ситуация, замечательно выпукло обрисованная Достоевским, — великое ленинское «верхи не могут, низы не хотят»:

Стареющий, прогнивший режим, пытающийся подавить все мало-мальски активные общественные силы. Повальный «административный восторг»; хотя Достоевский, произнеся эту фразу устами Степана Трофимовича Верховенского, пытается тотчас же иронизировать над ним, она оказалась воистину бессмертной. Глупые губернаторы и губернаторши, которым *уже* стыдно за свое охранительство: конформисты у власти, они не оказались бы там, если бы рабски не следовали за общепринятым мнением; а общепринятое мнение мало-помалу ориентируется на то, что эта душная, заскорузлая власть никуда не годится. Таким образом, сама власть не верит в то, что она делает, и гигантский «административный ресурс» в ее руках оказывается бессильным перед кучкой проходимцев, противостоять всерьез которым она уже не чувствует себя ни *вправе*, ни в силах.

Петр Степанович это понимает, он единственный в романе, кто *знает*, чего он хочет, и кто *может* действовать во имя своих целей. «Мы пустим пожары... Мы пустим легенды...» — восклицает в запале молодой Верховенский. И вот — знаменательнейшие его слова (курсив мой):

«Я вас посмешу: первое, что ужасно действует, — это мундир. Нет ничего сильнее мундира. Я нарочно и выдумываю чи-

ны и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, их товарищи — очень нравятся и отлично принялось. Затем следующая сила, разумеется, сентиментальность. Знаете, социализм у нас распространяется преимущественно из сентиментальности. Но тут беда, вот эти кусающиеся подпоручики; нет-нет да и нарвешься. Затем следуют чистые мошенники; ну эти, пожалуй, хороший народ, иной раз выгодны очень, но на них много времени идет, неусыпный надзор требуется. *Ну и наконец, самая главная сила — цемент, всё связующий, — это стыд собственного мнения. Вот это так сила! И кто это работал, кто этот “миленький” трудился, что ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого в голове! За стыд почитают».*

Итак, в своей деятельности Верховенский опирается не на профессиональных революционеров, но на профессиональных конформистов, людей со «стыдом собственного мнения». В этом действительно есть нечаевское — и дьявольски опасное, — то, что отлично почувствовал Достоевский, что грызло его и не давало ему покоя. Издатель А. С. Суворин записал в своем дневнике 1887 года:

«В день покушения Млодецкого на Лорис-Меликова я сидел у Ф. М. Достоевского.

Он занимал бедную квартирку. Я застал его за круглым столиком его гостиной набивающим папиросы. Лицо его походило на лицо человека, только что вышедшего из бани, с полка, где он парился. Оно как будто носило на себе печать пота. Я, вероятно, не мог скрыть своего удивления, потому что он, взглянув на меня и поздоровавшись, сказал:

— А у меня только что прошел припадок. Я рад, очень рад.

И он продолжал набивать папиросы.

О покушении ни он, ни я еще не знали. Но разговор скоро перешел на политические преступления вообще и на взрыв в Зимнем дворце в особенности. Обсуждая это событие, Достоевский остановился на странном отношении общества к преступлениям этим. Общество как будто сочувствовало им или, ближе к истине, не знало хорошенько, как к ним относиться.

Ф. М. Достоевский

— Представьте себе, — говорил он, — что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: «Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину». Мы это слышим. Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соразмеряют обстоятельств и своего голоса. Как бы мы с вами поступили? Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились ли к полиции, к городовому, чтобы он арестовал этих людей? Вы пошли бы?

— Нет, не пошел бы...

— И я бы не пошел. Почему? Ведь это ужас. Это — преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить. Я вот об этом думал до вашего прихода, набивая папиросы. Я перебрал все причины, которые заставили бы меня это сделать, — причины основательные, солидные, и затем обдумал причины, которые мне не позволяли бы это сделать. Эти причины — прямо ничтожные. Просто — боязнь прослыть доносчиком. Я представлял себе, как я приду, как на меня посмотрят, как меня станут расспрашивать, делать очные ставки, пожалуй, предложат награду, а то заподозрят в сообщничестве. Напечатают: Достоевский указал на преступников. Разве это мое дело? Это дело по-

лиции. Она на это назначена, она за это деньги получает. Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально? У нас все ненормально, оттого все это происходит, и никто не знает, как ему поступить не только в самых трудных обстоятельствах, но и в самых простых. Я бы написал об этом. Я бы мог сказать много хорошего и скверного и для общества и для правительства, а это нельзя. У нас о самом важном нельзя говорить.

Он долго говорил на эту тему и говорил одушевленно. Тут же он сказал, что пишет роман, где героем будет Алеша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером...»

Как видим, великий писатель сам не был свободен от «стыда собственного мнения». Проблема Достоевского — это проблема типично интеллигентская, проблема человека, у которого «собственное мнение» имеется, но он боится выразить это мнение, боясь осуждения толпы; это — проблема все-таки второстепенная, решаемая, пусть не без неприятностей, порой крупных, но все-таки решаемая при наличии целеустремленной воли. Но как быть с теми, кто вообще не способен на собственное мнение, с теми, кто напрямую черпает свое мнение из общественного котла?

Здесь Достоевский наиболее выпукло и честно среди всех своих русских современников обрисовывает проблему, к которой мы подошли лицом к лицу только сейчас: историю, пусть даже революционную, делают руками конформистов, не ведающих, что и во имя чего они творят, но слепо подчиняющихся «стадному чувству» — термин, часто встречающийся в работах Фридриха Ницше, поставившего этот вопрос напрямую со свойственной ему интеллектуальной смелостью.

В наши дни повального господства «общечеловеческих ценностей», «симулякров», жупелов вроде «политкорректности», беспощадного информационного террора и др. эту проблему способен уже заметить всякий мало-мальски разумный человек. И смута, творимая Петром Верховенским, предугадывает в куда большей степени события года 1991 года, нежели года 1917, с

которым так любят сопоставлять роман многочисленные литературные и околослитературные толкователи. Тогдашнее советское общество было насквозь обществом конформистов, курируемым такими же малопонимающими конформистами, среди которых быть советским уже стало немодно.

Можно вспомнить, с каким смаком население поносило «колхозников». При этом само оно в большинстве своем представляло из себя именно что «колхозников», незамысловатых, неповоротливых, добродушных людей самых простых профессий. Непосредственно профессиональные колхозники друг друга колхозниками обзывали, бывало и так! В те годы стартовала, а через десяток лет была осуществлена блестящая операция подмены консервативного повседневного смысла на маргинально-диссидентское мироощущение. Почему же она была осуществлена? А потому, что здравый *повседневный* смысл — это абсурд. Смысл может быть только *высшим*, это понимал Достоевский, это понимал Нечаев...

Пример с колхозниками вообще весьма любопытен: «колхозников» и «быдло» традиционно ненавидели лишь в небольшой и слабосильной диссидентско-интеллигентской среде. Официальная советская идеология, напротив, относилась с величайшим пиететом к «трудящимся». Сами они, будучи «колхозниками» тоже вряд ли готовы были себя возненавидеть. Однако кучка малахольных интеллигентов, опираясь на определенные силы в обществе, совершенно по-нечаевски смогла заставить их сделать это, совершить противоестественный и вредный для них самих поступок!

Разумеется, одной лишь *малахольной интеллигенцией* дело не ограничилось. За ее спиной стояли и использовали ее совсем другие персоны. Если речь идет об этих *характерах*, то их прозорливее Достоевского изобразил другой великий писатель, Н. С. Лесков, чей «антинигилистический» роман «На ножах» вышел чуть раньше «Бесов».

Николай Семенович Лесков

Со свойственной ему литературной ревностью Достоевский писал об этом романе: «нигилисты искажены до бездельничества». Сегодня видно, что лесковские дельцы Горданов и Ропшин гораздо более походят на настоящих бесов будущего, нежели инфернальные до неправдоподобия психопат Верховенский и педофил Ставрогин (а роль, сыгранная интеллигенцией, замечательно схожа с ролью Иосафа Висленева — предугадано даже желание самого себя посадить на цепь).

Роман «На ножах» заканчивается такими словами (курсив мой):

«Да, да, нелегко разобрать, куда мы подвигаемся, идучи эдак на ножах, которыми кому-то все путное в клочья хочется порезать; но одно только покуда во всем этом ясно: *все это пролог чего-то большого, что неотвратно должно наступить*».

Природу этого «чего-то большого», наступление которого предрекали Лесков с Достоевским, Николай Семенович постиг гораздо глубже последнего. Если Достоевский по старой привычке вешал всех собак на нигилистов, Лесков понимал, что настоящие бесы будут представлять из себя нечто совершенно новое, *постнигилистическое*, вплоть до холодной насмешки чуждом жарким идейным спорам XIX века и всяческим идеям вообще.

«Я не думаю, — писал он А. С. Суворину в 1871 году, — что мошенничество “непосредственно вытекло из нигилизма”, и этого нет и не будет в моем романе. Я думаю и убежден, что

мошенничество примкнуло к нигилизму, и именно в той самой мере, как оно примыкало и примыкает “к идеализму, к богословию” и к патриотизму».

«Вы нас победили, больше чем хотели: — говорит в эпилоге «На ножах» майор Форов, нигилист старой закалки, — и установляйте свои порядки, да посчитайтесь-ка теперь с мерзавцами, которые в наш след пришли. Вы нас вытравили, да-с; голодом шаршавых нигилистов выморили, но не переделали на свой лад, да-с. <...> А вон новизна... сволочь, как есть сволочь! Эти покладливее: они какую хотите ливрею на себя взденут и любым манером готовы во что хотите креститься и с чем попало венчаться». Это слова совершенно пророческие; читая их, так и представляется экс-комсомольский работник, торгующий узурпированной нефтью, или бывший партийный секретарь, ныне губернатор, стоящий в церкви со свечкой в толстых пальцах.

Следует отметить, что Лесков, один из самых независимых и глубоких писателей, крупнейший литературный неконформист своего времени, как замалчивался при жизни, так и продолжает замалчиваться до сих пор.

Итак, главнейшую опасность будущего Лесков видит не в нигилизме или каком-либо другом идейном движении, но в «мошенничестве», образе существования людей, органически чуждых какой бы то ни было идее, который особенно опасен в России с ее сложной, неустойчивой природой.

В этом он переключается с Достоевским, который усматривает таких людей в «нигилистах» — усматривает ошибочно, потому что нигилисты его времени, напротив, в своем пафосе отрицания, вплоть до самых его странных, чудовищных и омерзительных проявлений, представляют собой самую идейную часть общества.

Однако Достоевский прекрасно чувствует саму опасность грядущей «бездуховности». Не зря он придавал огромное значение этому месту из Откровения апостола Иоанна:

...Ангелу Лаодикийской церкви напиши: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.

Сегодня это — ситуация уже общемировая: общественным мнением руководят вовсе не какие-нибудь масоны, не гений зла Гитлер или еще кто-либо экстраординарный. У рычагов созданной и налаженной некогда очень умными людьми машины по оплодотворению мозгов находятся такие же обыватели, как те, на кого она воздействует, только более преуспевающие. Говоря образно, телепузики управляют покемонами. Различие между оплодотворяющими и оплодотворяемыми не качественное, а количественное; это значит, что *человек оплодотворяемый* воспроизводит сам себя.

И Достоевский видел из своего времени эту ситуацию в *будущем*, пусть заблуждаясь относительно *настоящих* ее причин. То, как далеко видел Федор Михайлович, подтверждает такой, например, отрывок из «Бесов»:

«...— Значит, всё дело в отчаянии Шигалева, — заключил Лямшин, — а насущный вопрос в том: быть или не быть ему в отчаянии?»

— Близость Шигалева к отчаянию есть вопрос личный, — заявил гимназист.

— Я предлагаю вотировать, насколько отчаяние Шигалева касается общего дела, а с тем вместе, стоит ли слушать его, или нет? — весело решил офицер.

— Тут не то-с, — ввязался, наконец, хромой. Вообще он говорил с некоторой как бы насмешливою улыбкой, так что, пожалуй, трудно было и разобрать, искренно он говорит или шутит. — Тут, господа, не то-с. Господин Шигалев слишком серьезно предан своей задаче и притом слишком скромн. Мне книга его известна. Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса, — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать. Меры, предлагаемые автором для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо, посредством перевоспитания целых поколений, — весьма замечательны, основаны на естественных данных и очень логичны. Можно не

согласиться с иными выводами, но в уме и в знаниях автора усумниться трудно. Жаль, что условие десяти вечеров совершенно несовместимо с обстоятельствами, а то бы мы могли услышать много любопытного.

— Неужели вы серьезно? — обратилась к хромому madame Виргинская, в некоторой даже тревоге. — Если этот человек, не зная, куда деваться с людьми, обращает их девять десятых в рабство? Я давно подозревала его.

— То есть вы про вашего братца? — спросил хромой.

— Родство? Вы смеетесь надо мною или нет?

— И, кроме того, работать на аристократов и повиноваться им, как богам, — это подлость! — яростно заметила студентка.

— Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай, и другого на земле быть не может, — властно заключил Шигалев.

— А я бы вместо рая, — вскричал Лямшин, — взял бы этих девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и взорвал их на воздух, а оставил бы только кучку людей образованных, которые и начали бы жить-поживать по-ученому.

— Так может говорить только шут! — вспыхнула студентка.

— Он шут, но полезен, — шепнула ей madame Виргинская.

— И, может быть, это было бы самым лучшим разрешением задачи! — горячо оборотился Шигалев к Лямшину. — Вы, конечно, и не знаете, какую глубокую вещь удалось вам сказать, господин веселый человек. Но так как ваша идея почти невыполнима, то и надо ограничиться земным раем, если уж так это назвали».

Совершенно очевидно, что в своих помыслах Шигалев и Лямшин находятся гораздо ближе не к Троцкому, но к какому-нибудь Чубайсу. Достоевский писал свою книгу тогда, когда среди интеллигенции, западнической ли, славянофильской, была в моде крайняя любовь к народу, доходящая порой до самоистязания. Западники сокрушались и били в набат по поводу его угнетения; славянофилы восторгались его мудростью и терпеливостью. «В семидесятых годах... — напишет третий упоминаемый нами здесь великий писатель, Максим Горький, кстати, в очерке, посвященном Лескову, — голоса почти всех писателей и журналистов сливались в хоровую песнь славословия разуму и сердцу народа. Интеллигенция ожидала, что народ, ос-

вобождённый от цепей физического рабства, расправит мощные крылья и орлиным взлётом вознесётся дальше — к свободе гражданской и духовной... Искренно верили, что деревня жаждет знаний, молитвенно несли ей свои лучшие мысли, чувства и всё, что было наскоро высосано из книг; молодёжь десятками уходила “в народ”, а журналисты и писатели провожали уходящих “без страха и сомненья на подвиг доблестный” пламенными напутствиями в стихах и прозе». А тут — девять десятых народа обратить в стадо! Идеи Шигалева и Лямшина — увы, идеи нашего времени, которые Достоевский предвосхитил, и которые имеют мало общего с ненавистными ему социализмом и нигилизмом девятнадцатого века. Замечательно предвосхищены и послесоветские пляски на коммунистических костях, — это сцена, когда Лямшин играет на пианино у губернаторши:

«Штучка на самом деле оказалась забавною, под смешным названием: “Франко-прусская война”. Начиналась она грозными звуками *Марсельезы*:

“Qu'un sang impur abreuve nos sillons!”

Слышался напыщенный вызов, упоение будущими победами. Но вдруг, вместе с мастерски варьированными тактами гимна, где-то сбоку, внизу, в уголку, но очень близко, послышались гаденькие звуки *Mein lieber Augustin*. Марсельеза не замечает их, Марсельеза на высшей точке упоения своим величием; но Augustin укрепляется, Augustin всё нахальнее, и вот такты Augustin как-то неожиданно начинают совпадать с тактами Марсельезы. Та начинает как бы сердиться; она замечает наконец Augustin, она хочет сбросить ее, отогнать как навязчивую ничтожную муху, но *Mein lieber Augustin* уцепилась крепко; она весела и самоуверенна; она радостна и нахальна; и Марсельеза как-то вдруг ужасно глупеет: она уже не скрывает, что раздражена и обижена; это вопли негодования, это слезы и клятвы с простертыми к провидению руками:

Pas un pouce de notre terrain, pas une pierre de nos forteresses!

Но она уже принуждена петь с *Mein lieber Augustin* в один такт. Ее звуки как-то глупейшим образом переходят в Augustin, она склоняется, погасает. Изредка лишь, прорывом, послышится опять: “qu'un sang impur...”, но тотчас же преобидно перескочит

в гаденький вальс. Она смиряется совершенно: это Жюль Фавр, рыдающий на груди Бисмарка и отдающий всё, всё... Но тут уже свирепеет и Augustin: слышатся сильные звуки, чувствуется безмерно выпитое пиво, бешенство самохвальства, требования миллиардов, тонких сигар, шампанского и заложников; Augustin переходит в неистовый рев... Франко-прусская война оканчивается. Наши аплодируют, Юлия Михайловна улыбается и говорит: “ну как его прогнать?” Мир заключен. У мерзавца действительно был талантик».

Рисунок Товарища У

Это упрямое слово «свобода»

Ответственность Апостольского служения побуждает Нас представить вам его чудесный пример для подражания.

Папа Бенедикт XV — о Святом Иерониме

Как начиналась Америка

В 1492 году Христофор Колумб открыл Америку — не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле. Но коренные американцы еще не открыли для себя, что везут им из-за океана корабли Колумба.

Сам Христофор писал тогда испанской монаршей чете: «Эти люди столь послушны, столь миролюбивы, и я мог бы поклясться Вашим Величествам, что нет на свете лучшего народа. Каждый из них любит ближнего, как самого себя. Их речь всегда приятна и спокойна, с приветливой улыбкой, и хотя это верно, что они наги, их нравы пристойны и заслуживают похвалы». Чтобы не показаться голословным, мореплаватель похитил человек десять гостеприимных хозяев и привез их на Родину в качестве наглядного пособия. Большинство из них живыми до Испании не доехало³².

³² «Я везу экспонаты индейцев, которые можно будет использовать с большой пользой для Королевства, — писал Колумб королю и королеве. — Индейцы настолько наивны и настолько свободны, что не придадут никакого значения собственности. Они готовы подарить Вам всё, что у них имеется. Тем, кто не был свидетелем этого, поверить в это немыслимо. Но это так. Я также везу Вашему Величеству экземпляры золота, которое они вкрапляют в свои украшения. Такого золота мы сможем иметь сколько нам угодно. И таких рабов мы сможем иметь тоже столько, сколько нам понадобится. В связи с чрезвычайным успехом моего морского похода я не премину попросить Ваше Величество о небольшом одолжении для меня лично». Племя тайнов, столь радушно встретившее мореплавателя, было впоследствии уничтожено полностью.

Терпимый и толерантный, знающий, как всякий истинный европеец, толк в общечеловеческих ценностях, Колумб так итожил свои наблюдения за аборигенами: «их надобно заставить работать, сеять хлеб, делать все, что положено, а также перенять наши обычаи». Однако такой подход не был еще вершиной гуманизма. Когда к ограблению индейцев присоединилась Англия, родился знаменитый афоризм «Хороший индеец — мертвый индеец».

Как известно, ни у джентльменов, ни у сеньоров слова с делами не расходятся. «Всего за 21 год после высадки Колумба на островах Карибского моря, — пишет известный публицист А. Баумгартен, — самый большой из них, переименованный Адмиралом в Испаньолу (нынешние Гаити и Доминиканская республика), потерял практически все свое коренное население — около 8 миллионов человек, убитых, погибших от болезней, голода, рабского труда и отчаяния. Опустошительная сила этой испанской “ядерной бомбы” на Испаньоле была эквивалентна более чем 50 атомным бомбам типа хиросимской. И это было только началом». В результате проводимой политики беспрецедентного в истории геноцида к концу девятнадцатого века число всех коренных жителей Северной Америки сократилось до двухсот тысяч человек. По самым скромным оценкам ученых, это в пятнадцать раз меньше количества проживавших на этой же территории к моменту появления Колумба³³. Индейский вопрос решался теми же методами, которыми германские национал-социалисты будут впоследствии решать вопросы еврейский и славянский — концентрационные лагеря, массовые казни, выжженная земля.

12 октября 2003 года, в день национального праздника США, именуемого Днем Колумба, президент Венесуэлы Уго Чавес призвал латиноамериканцев бойкотировать празднование годовщины открытия Америки. «Христофор Колумб был застрельщиком самых масштабных оккупации и геноцида во всей истории человечества», — заявил Чавес на встрече с латиноамериканскими индейцами, отметив, что, проводя геноцид коренного населения, последователи Колумба вели себя хуже, чем приспешники Гитлера. «Испанские, португальские и прочие колонизаторы уничтожали коренное население Южной Америки с частотой один человек за 10 минут», — сказал Чавес.

³³ В наши дни индейцы составляют менее одного процента населения Соединенных Штатов. По разным подсчетам, уничтожено от шестидесяти до восьмидесяти миллионов коренного населения Америки.

Были у новоиспеченных американцев и свои ноу-хау — вроде дарения аборигенам зараженных оспой одеял. Иногда одеяла не дарили, а продавали, убивая, так сказать, одним выстрелом двух зайцев³⁴.

Вопреки мифу о природной кровожадности и агрессивности индейцев, уникальная индейская культура была мало приспособлена для того, чтобы отразить вторжение европейца. На протяжении веков индеец ощущал себя полноценной частью окружающего мира, а мир для него, даже в своей опасности, был велик, божественен и полон загадок; в непрерывном ощущении *сопричастности* заключалась для индейца великая радость бытия. Ему был смешон и непонятен лозунг «бери от жизни все»: он брал от жизни ровно столько, сколько ему было нужно, он был *не хозяином, но другом* своей жизни, сколь неуклюжим ни кажется такой речевой оборот.

Совсем другим мир виделся доброму христианину — чуждым, враждебным и полным мрака. Европейец находился *вне* этого мира, он находился с ним в состоянии войны, он *страшился* этого мира — и жаждал *подчинить* его. Задолго до Дарвина он почувствовал себя ни с того ни с сего вставшей на задние лапы обезьяной, одним из отчужденных, грызущих друг друга пауков в банке естественного отбора; откуда-то извне, из-за стекла банки, на него, ханжески поджав губы, взирал исполненный брезгливого отвращения жестокий, мстительный и страшный бог. Европейец знал, что выжить и преуспеть можно, лишь заняв заветное *место под солнцем*, и изо всех сил стремился к этому. Для индейца место под солнцем не имело границ, оно было дос-

³⁴ Из интервью советского эпидемиолога и иммунолога, доктора биологических наук, профессора, академика АМН СССР и Российской академии медико-технологических наук генерала П.Н. Бургасова в еженедельнике «Мир новостей», № 7 за 2005 г.:

«Американцы, как я уже сказал, начали разработку бактериологического оружия с японских материалов — первопроходцами считаются японцы. Хотя если историю глубже копнуть... Знаете, как так называемые американские переселенцы истребляли коренное население — индейские племена?

— Строили спиртовые заводы и спаивали?

— Отчасти да. Но самое главное, они начали уничтожать их через простыни и подушки, зараженные вирусом оспы. Именно оспа косила племена под корень».

тупно каждому — великого солнца хватало на всех. Местом под солнцем была земля, на которой он проживал³⁵.

Этой земли ему предстояло лишиться.

Последним значительным восстанием индейцев, в котором объединились почти все племена Северной Америки, было восстание под предводительством великого вождя Текумсе (Летящей Стрелы). Многие исследователи сходятся на том, что оно вполне могло увенчаться успехом и даже изменить ход истории; однако этого не произошло. Зато оккупанты, столкнувшись с серьезной угрозой, хорошо усвоили правило «разделяй и властвуй»: никогда более не удавалось индейцам выступить столь организованно и сплоченно. С 1830 года началась политика «Indian removal». Часть индейских племен была насильственно переселена на запад от реки Миссисипи, другая часть — в мир иной. Тогда западные территории еще не казались американцам привлекательными, но очень скоро колонизаторы осознали, какой лакомый кусок они отдали «дикарям». Последовал новый виток геноцида. В нарушение договора³⁶ с индейцами в 1862 году правительство издало указ о заселении запада: всякий белый человек, переселявшийся за Миссисипи, получал безо всяких условий 160 акров земли — индейской земли! — в постоян-

³⁵ Известно изречение вождя Сизгла: «Земля — наша мать. Все, что происходит с землей, происходит с сыновьями и дочерьми земли... Земля не принадлежит нам. Мы принадлежим земле. Мы это знаем. Все вещи связаны — как кровью, которая соединяет семью... Мы не плетем паутину жизни — мы просто вплетены в нее. Что бы мы ни делали паутине, мы делаем себе».

«Как раз в тот момент, когда европейцы проповедовали безграничность богатств природы и теорию прогресса, — пишет великий русский историк Л. Н. Гумилев, — согласно которой надо было уничтожать вредных животных и сохранять полезных (как будто кто-то знает, кто вреден, а кто полезен), индейцы исходили из убеждения, что Великий Дух не создал ничего плохого. Все, что он создал, все должно существовать. И убивать просто так, не для еды, может только сумасшедший. Мы сейчас, с наших позиций охраны природы, вполне разделяем точку зрения индейцев сиу, но в то время они эту истину доказать никому не могли. И поскольку они протестовали против бессмысленного убийства бизонов, убийства не ради мяса, а ради шкур, кож, которые вывозили промышленники, то их самих истребили. Это и была в 70-х годах XIX века так называемая “индейская война”».

³⁶ В общей сложности американцы заключили с индейцами свыше четырехсот договоров — и не выполнили ни одного.

ную собственность. В 1867 году был принят закон о резервациях — индейских гетто, которые очень быстро превратились в концентрационные лагеря. Резервации строили на самых худших и бесплодных землях, обрекая проживающие в них племена на голод и вымирание³⁷. Последовавшее сопротивление индейцев было разрозненным и нескоординированным; теперь игра велась всецело по правилам захватчиков, а, как известно, сумевший навязать свои правила всегда выигрывает. Однако это сопротивление было исключительно богато героями, об одном из которых здесь и пойдет речь.

³⁷ «Когда белый человек идет по моей земле, он оставляет за собой кровавый след», — говорил Махпиуа Лута (Красное Облако), прославленный вождь племени сиу. Безопаснее всего было проводить истребление индейцев *опосредованно*, лишая их источников существования; всюду, где ступала нога белого человека, немедленно начиналось уничтожение природы, так много значившей в жизни индейцев. Для того, чтобы индейцы не взбунтовались, бедствие должно было носить характер «вялотекущей катастрофы», и им время от времени бросали подачки.

«Индейцы убивали ровно столько бизонов, сколько им нужно было для поддержания своей жизни... — вспоминал вождь племени сиу Мато Нажин (Стоящий Медведь). — С тех пор как пришлые охотники варварски уничтожили бизонов на наших охотничьих участках, мы жестоко голодали.

Случайно я услышал, как несколько индейцев, беседуя друг с другом, сказали, что нужно отправиться в агентство, чтобы получить “пятнистых бизонов” — так называли индейцы американских коров, потому что на языке Сиу не было соответствующего слова, индейцы знали только диких бизонов. Нам, мальчикам, очень захотелось посмотреть на этих неизвестных еще нам животных, и мы решили поехать в агентство вместе со взрослыми индейцами.

Какое страшное зловоние вдруг донеслось до нас! Нужно было зажимать носы, иначе становилось дурно. Я спросил отца, в чем дело, почему здесь невозможно дышать. Отец ответил, что это отвратительное зловоние распространяется от пятнистых бизонов. Тогда я спросил его:

— Неужели же нас заставят есть их мясо?

— Бледнолицые питаются им, — ответил мне отец. — Вот они и прислали нам этих животных вместо бизонов, которых они перебили.

Скоро мы встретили нескольких бледнолицых, и все они были лысыми. Я призадумался: “Не оттого ли они лысые, что питаются мясом таких зловонных животных?” Тут же я вспомнил, что у орла-стервятника тоже лысая голова и что он питается падалью».

Самое непокорное племя

Херонимо

Херонимо, последний вождь апачей, родился где-то между 1823 и 1829 годами на территории нынешнего Нью-Мексико, принадлежавшего тогда мексиканцам. Настоящее имя его было весьма прозаично: один из самых грозных индейских вождей звался Гойатлай, что означает «Тот, Кто Зевает». Кто, когда и почему назвал его Херонимо, остается тайной. Наиболее распространенная версия гласит, что испуганные мексиканцы часто вспоминали святого Иеронима, заметив на горизонте конницу апачей Гойатлая. Однако и она весьма сомнительна, хотя бы потому, что не дает объяснения, почему при виде апачского вождя мексиканцы кричали именно «Sancto Heronimo!» а не «Sancto Jago Compostello!», допустим. Как бы там ни было, мексиканцам действительно было страшно, и действительно, под именем Херонимо вождь апачей Гойатлай вошел в историю.

Апачи были одним из самых воинственных, если не самым воинственным индейским племенем и весьма отличались этим от остальных индейцев. Апач на языке Юма и означает «человек, который сражается». Поэтому бледнолицему завоевателю было не так просто подавить апачей своими агрессией и жесто-

костью, как он это сделал с другими племенами. Апачи представляли собой своеобразный индейский спецназ: они в совершенстве владели искусством войны и умели выживать в самых трудных условиях, буквально сливаясь с природой. Кроме того, они обладали важной способностью учиться у своих бледнолицых врагов, быстро заимствуя у них приемы и методы ведения боя. За весь период колонизации испанцам так и не удалось распространить свою власть на апачские территории; именно апачи остановили их экспансию на север. Позднее американские военные назовут их «лучшими бойцами, которых знала история». Среди американцев будет ходить пословица: «Замечаешь признаки присутствия апачей — будь настороже. Не замечаешь их вовсе — будь настороже вдвойне».

Апачи

Херонимо был апачем до мозга костей. «Светило солнышко, ветер раскачивал мою колыбель, а над головой шелестела листва — так начиналась жизнь у всех индейских детей, — рассказывал он о своем младенчестве. — Когда я подрос, мать поведала мне легенды нашего народа. Я услышал о небе и солнце, луне и звездах, тучах и бурях. Она научила меня опускаться на колени и молиться Усену³⁸, чтобы он даровал мне силу, здоровье, мудрость и свое покровительство. Мы никогда не просили Усена наказать наших обидчиков, предпочитая расправляться с ни-

³⁸ Усен в религии апачей — великий дух, дающий жизнь.

ми самостоятельно. Нам внушали, что Усену нет дела до людских ссор».

Отец Херонимо Таклишим (Серый) умер, когда тот был еще ребенком. Мать никогда более не вышла замуж, хотя по законам племени это ей не возбранялось; заботу о ней юный Гойатлай принял на себя.

В 1846 году Херонимо был впервые допущен на совет воинов. Теперь он официально мог выходить на тропу войны вместе с другими мужчинами племени и был счастлив этим. «Но самой главной радостью, — вспоминает Херонимо, — было то, что теперь я мог жениться на прекрасной Элоуп, дочери Нопосо. Я давно был влюблен в эту стройную и нежную девушку. Поэтому, лишь только совет пожаловал мне это право, я сразу же отправился к ее отцу, чтобы поговорить о своих намерениях. Но, вероятно, ему не было дела до нашей любви, а может быть, он просто не хотел отпускать от себя Элоуп, ибо она была послушной и любящей дочерью, — так или иначе, он запросил за нее очень много лошадей. Я ничего не ответил, но через несколько дней появился перед его вигвамом с целым табуном лошадей и забрал Элоуп с собой. В нашем племени этого было достаточно, чтобы считаться мужем и женой». Лошади, скорее всего, были угнаны у ненавистных мексиканцев — такое было в порядке вещей.

В эти же годы происходили другие знаковые для жизни Херонимо и его народа события, над которыми тогда он, видимо, не очень сильно задумывался. Шла война 1846—1848 гг. между Мексикой и Соединенными Штатами Америки. В результате этой войны север Мексики отошел к американцам. Теперь апачи стали проживать по обе стороны американо-мексиканской границы.

Знакомство с американцами произошло не сразу. Главными врагами по-прежнему оставались мексиканцы; в те времена они платили сто долларов за скальп взрослого мужчины-апача,

пятьдесят — за скальп женщины и двадцать пять — за скальп ребенка³⁹.

Летом 1858 года мексиканцы предложили апачам перемирие. «Находясь в состоянии мира со всеми мексиканскими поселениями и соседними индейскими племенами, мы отправились на юг, в Старую Мексику, чтобы заняться торговлей, — вспоминал Херонимо. — Все племя Бедонкое двинулось через Сонору по направлению к Каса-Гранде, но, не дойдя немного до места, остановилось в другом мексиканском городе, который индейцы называли Каскийе. Здесь мы задержались на несколько дней, раскинув лагерь за городом. Каждый день, уходя в город торговать, мы оставляли в лагере небольшой караул, чтобы никто не тронул женщин и детей и не позарился на наши запасы и оружие.

Однажды, возвратившись в лагерь после полудня, мы обнаружили там лишь нескольких женщин и детей, которые рассказали нам, что здесь побывали мексиканцы из другого селения. Они перебили караул, захватили лошадей и оружие, уничтожили все наши запасы и убили множество женщин и детей. Мы быстро разошлись и скрывались поодиночке до наступления ночи, чтобы позже собраться вместе в условленном месте — в чаще леса на берегу реки. В молчании появлялись один за другим индейцы. Мы выставили часовых и пересчитали оставшихся в живых. И тут я узнал, что вся моя семья погибла: и престарелая мать, и молодая жена, и трое детишек. Было темно, и никем незамеченный, я молча пошел к реке. Не знаю, сколько времени простоял я там в одиночестве, но когда воины стали собираться на совет, я занял среди них свое место.

Той ночью я не проронил ни слова, когда обсуждались наши дальнейшие действия. Положение было слишком безнадежно. Лишенные оружия и припасов, мы находились на чужой земле, окруженные со всех сторон мексиканцами. У нас осталось всего восемьдесят воинов, и рассчитывать на успешное ведение войны было нельзя. Поэтому наш вождь Мангас-Колорадо приказал

³⁹ Немногим позднее американцы проявят большую щедрость: американский округ Аризона будет предлагать двести пятьдесят долларов за скальп апача.

всем возвращаться домой, в Аризону, оставив убитых непогребенными.

Я стоял неподвижно, пока все не ушли, не зная, что предпринять: оружия у меня не было, да и сражаться я был тогда не в силах. Даже похоронить своих родных мне не было дозволено. Я не стал молиться и так ни на что и не решился — жизнь потеряла для меня всякий смысл. В конце концов, я молча побрел вслед за своим племенем, и шум шагов отступающих апачей указывал мне путь.

На следующее утро индейцы подстрелили немного дичи и мы остановились, чтобы подкрепиться. Я не охотился и ничего не ел. Никто не заговаривал со мной, и я тоже хранил молчание — любые слова здесь были бы излишни.

Два дня и три ночи мы шли без передышки, останавливаясь только для еды. У мексиканской границы мы разбили лагерь и два дня отдыхали. Здесь я впервые принял пищу и заговорил с теми, кто тоже потерял родных. Однако никто в нашем племени не понес столь большой утраты, какая постигла меня, ибо я потерял все.

Через несколько дней мы вернулись в свое селение. В нашем типе по-прежнему висели украшения, сделанные Элоуп, и везде были разбросаны игрушки наших малышей. Я сжег все это вместе с типом. Типы моей матери я тоже предал огню, а ее вещи уничтожил».

Рассказывают, что вскоре после этого Херонимо получил свое первое знамение. Он сидел, горюя, в одиночестве, когда голос Силы назвал его по имени четыре раза — число четыре священно для апачей, — и сказал: «Ни одно ружье не убьет тебя. Я отведу пули из ружей мексиканцев, в них останется лишь порох. Я направлю твои стрелы». Сам Херонимо об этом никаких свидетельств не оставил, хотя известно, что он преуспел в магических практиках и был впоследствии не только вождем, но и шаманом, верховным жрецом племени. Молчание Херонимо неудивительно, поскольку такого рода искусства всегда были весьма секретными и не подлежали огласке, тем более среди бледнолицых врагов. Господин, посетивший Херонимо в начале двадцатого века, вспоминал, что торс старика был испещрен шрамами от пуль. Прикладывая к ране камешек, этот воинст-

венный индеец воспроизводил губами звук выстрела, а потом выбрасывал камешек, крича: «Пули не могут убить меня!»⁴⁰

После резни в Каскийе, американцы называют этот город Джаносом, на совете племени было решено отомстить мексиканцам. Херонимо поручили обратиться за помощью к племенам чирикахауа и недни, призвав их вступить на тропу войны.

«Сородичи, — говорил Херонимо, выступая перед этими племенами, — вы уже знаете, что сделали с нами мексиканцы без всякой причины и повода. Мы с вами связаны узами родства, и все мы такие же люди, как мексиканцы. Мы можем вернуть им то зло, которое они причинили нам. Поднимемся и нападём на них в их же собственных домах — я поведу вас на их селения и сам буду сражаться в первых рядах. Прошу вас, последуйте за мной, и мы отомстим мексиканцам за их злодеяния. Откликнитесь ли вы на мой призыв? Да, теперь я вижу, вы все готовы идти с нами».

В первой же битве с мексиканцами Херонимо, как больше всех пострадавшему от них, предоставили честь возглавить индейские войска. Неуязвимый для пуль, он сражался как лев, вселяя ужас в своих врагов. Исход битвы Херонимо описывает так: «Над полем сражения, залитым кровью и усеянным трупами мексиканцев, раздался мощный боевой клич. Залитый кровью врагов, с завоеванным оружием в руках, я стоял на поле брани, упиваясь радостью победы и справедливого возмездия. Воины окружили меня и провозгласили вождем апачей. Я отдал приказ снять с убитых скальпы».

Многие годы апачи продолжали свои набеги. Достаточно было нескольких мужчин племени, чтобы держать в страхе целые города. Так, например, летом 1862 года Херонимо выступил против мексиканцев с двенадцатью, а год спустя — только с тремя воинами. Летом 1865 года он предпринял вылазку на мексиканскую территорию в сопровождении четырех человек. В своих деяниях он не знал больше ни жалости, ни сострадания. Большинство его маленьких блицкригов увенчалось успехом.

⁴⁰ Не исключено, что Херонимо попросту издевался над этим впечатлительным господином.

Апачи на тропе войны. Крайний справа, с самым длинным ружьем — Херонимо

«В своих многочисленных столкновениях с мексиканцами, — говорил Херонимо, — я получил восемь ран: в правой ноге над коленом до сих пор сидит пуля, прострелено левое предплечье, на правой ноге под коленом шрам от сабельного удара, на голове рана от удара прикладом, след пули в углу левого глаза, пулевые раны в боку и в спине. Сам я убил множество мексиканцев. Не знаю сколько, ибо я часто не считал их. Среди них были такие, которых и не стоило считать».

Приходят белые

Находясь в состоянии непрерывной войны с мексиканцами, апачи поначалу не обращали особого внимания на белых (мексиканцев белыми они не считали), мало-помалу вторгавшихся в их жизнь. «Каждый день эти люди мерили землю какими-то странными приспособлениями и расставляли знаки, значения которых мы не понимали. Нам они пришлось по душе, и мы были весьма огорчены, когда они ушли на запад», — вспоминал Херонимо. Ему еще не было известно, зачем эти добрые люди так усердно измеряют его землю.

Херонимо не кривил душой, говоря о дружелюбии индейцев к «Белым Глазам» (так апачи называли американцев). Вождь чирикахуа-апачей Кочиз даже разрешил им строить дороги через

апачские территории, более того, часть апачей помогала им в этом.

Кочиз с детьми (по другим сведениям, Кочиз никогда не фотографировался, дорожа Личной Силой, и на фотографии снят вождь апачей-аравайпа Эскиминзин)

В феврале 1861 года лейтенант Джордж Баском вызвал Кочиза на станцию в Ущелье Апачей на юго-востоке Аризоны, построенную не без содействия последнего. Не думая ни о чем плохом, Кочиз пришел к нему в сопровождении пяти членов своей семьи. Едва они зашли в лейтенантскую палатку, как ее окружила дюжина солдат, и Баском обвинил Кочиза в похищении некоего мальчика-метиса с ранчо, находившегося в восьмидесяти милях от лагеря апачей. «А был ли мальчик-то?» — можем спросить мы сегодня, зная, что последовало за этим. Кочиз сказал, что ни о каком мальчике ему неизвестно, но он готов помочь белоглазым в его поисках. Тогда Баском объявил, что он арестован. Выхватив нож, Кочиз разрезал палатку и бежал; все двенадцать солдат стреляли в него, ранили, но не убили. Апачи объяснили это действием магической защиты от пуль, которую Кочиз, как и Херонимо, получил от Силы. Родственники вождя остались в заложниках у американцев, и апачи решили предпринять ответные меры, захватив в плен на дороге неподалеку троих бледнолицых. Кочиз пытался обменять их на своих близких несколько раз, но переговоры провалились из-за якобы ир-

рационального упрямства Баскома (насколько иррациональным оно было — вопрос весьма спорный). Поняв, что переговоры ни к чему не приведут, вождь казнил своих заложников, изуродовав их по испанскому методу (как видим, язычники были все же небезнадежны и сумели таки впитать некоторые принципы цивилизации). В ответ Баском повесил мужчин-родственников Кочиза. Так началась война между апачами и войсками Соединенных Штатов. Объединившись с уже упоминавшимся выше Мангасом-Колорадо (Красными Рукавами), самым авторитетным из вождей апачских племен, Кочиз вышвырнул со своей территории вражеских солдат и бледнолицых старателей, копошившихся в его земле. В 1862 на помощь американцам прибыли отборные, прекрасно экипированные войска из Калифорнии, возглавляемые известным палачом генералом Карлтоном, однако апачи и не думали сдаваться.

Американцы тоже были настроены решительно. Они жаждали окончательного решения апачского вопроса. В 1862 году губернатор Аризоны Джон Бейлор направил такую директиву начальнику аризонской национальной гвардии:

«Вам надлежит употребить все средства, чтобы убедить апачей или другое племя прийти к нам для заключения мира. А когда вы их соберете, перебейте всех взрослых индейцев, захватите детей и продайте их, *чтобы возместить расходы по уничтожению взрослых индейцев*»⁴¹. Я не удержался и выделил последнюю фразу курсивом, чтобы обратить внимание читателя на то, каким рачительным хозяином, прирожденным экономистом, крепким, как говорят в России, хозяйственником был губернатор.

17 января 1863 года к лагерю Мангаса-Колорадо подошел парламентар с белым флагом, заявив, что его прислал генерал Джозеф Уэст для того, чтобы говорить о мире. Парламентар раздавал самые щедрые обещания, и старый вождь согласился на переговоры. Херонимо, памятуя и об истории с Кочизом, и о многих других похожих историях, пытался отговорить его от

⁴¹ Подход по американским меркам вполне гуманный. Немногим позже полковник Чивингтон рекомендовал убивать всех индейцев, включая детей, мотивируя это тем, что «из гниды вырастет вошь».

21 апреля 1865 года один из вождей апачей, Викторио, личный друг Херонимо, отправился «держатъ совет с бледнолицы-ми». Единственным условием мира было заключение апачей в печально известную резервацию в Боск-Редондо. Это была засушливая и бесплодная песчаная равнина, совершенно непригодная к проживанию. Индейцы называли ее гиблым местом: обитатели Боск-Редондо вымирали с невероятной скоростью. Переговоры Викторио не дали никакого результата.

В 1871 году Эскиминзин, вождь апачей-аравайпа, вместе со своим немногочисленным племенем пришел к посту Кэмп-Гранд близ реки Аравайпа-Крик. Эскиминзин предложил лейтенанту этого поста Ройелу Уитмену мир и попросил разрешения поселиться близ форта. Все свое оружие индейцы сдали Уитмену, и он согласился оставить их в Кэмп-Гранд, формально в статусе военнопленных, запросив о том, как быть дальше с миролюбивыми апачами, вышестоящие инстанции. Услышав о мирной жизни в Кэмп-Гранд, к людям Эскиминзина начали присоединяться другие индейцы.

Ответа вышестоящих инстанций на запрос лейтенанта не понадобилось. Ночью 30 апреля 1871 года «отряд самообороны» жителей близлежащего города Таскона напал на лагерь аравайпа и убил почти всех его обитателей, в основном женщин и детей. Все трупы были ужасно изуродованы. Двадцать девять детей постарше уцелело — их продали в рабство, в точном соответствии с инструкциями губернатора Аризоны.

Вскоре после этого инцидента в Аризону прибыла «миссия мира» во главе с генералом Говардом. «Если в армии США есть хоть один честный и порядочный человек, то это генерал Говард», — говорил о нем Херонимо. Основной задачей миссии Говарда было создание резерваций на более приемлемых для апачей условиях. В 1872 году Кочиз, ранее отказывавшийся от всяких переговоров с врагом, наконец согласился принять генерала. Они сошлись на компромиссном решении: апачи будут заключены в резервацию, но эта резервация будет находиться на их родине, в Ущелье Апачей. Агентом резервации был Том Джеффордс, личный друг Кочиза. Херонимо также принял условия генерала.

Загнанные

Согнав апачей в резервацию, Белые Глаза не успокоились на этом. Все-таки это было *слишком хорошее место*, чтобы оставить его за краснокожими. Вначале их хотели переместить в Хот-Спрингское агентство в Нью-Мексико; разговоры об этом велись еще при жизни Кочиза, однако память об отчаянном сопротивлении апачей была еще слишком свежа, и дальше разговоров дело не пошло. В 1874 году Кочиз умер, и вождем апачей резервации стал его сын. Он не обладал авторитетом отца, и среди индейцев, истомившихся в непривычных условиях, начались самые настоящие разброд и шатание. Некоторые из групп, на которые раскололись апачи, взялись за старое и стали совершать набеги на мексиканскую территорию (вряд ли Херонимо мог остаться от этого в стороне). Анархия в резервации послужила дополнительным аргументом в отстаивании давно лелеемого правительством плана; теперь апачей предполагалось переместить в резервацию в Сан-Карлосе, представлявшую из себя буквально пустыню. К тому времени свободолюбивому Херонимо надоели и навязанные границы, и бледнолицые управляющие, и стремительно деградирующие в резервации индейцы. И Херонимо ушел из резервации, а вместе с ним ушли семьсот человек апачей-чирикахуа, таких же отчаянных, как он.

Он привел свое племя к старому другу Виктории, обосновавшемуся в агентстве Ойо Калиенте близ священных для апачей Горячих Ключей и тоже не горевшему желанием переезжать по указке белоглазых в какой-то Сан Карлос. Здесь Херонимо снова ощутил вкус жизни. Как в старые добрые времена, он устраивал вылазки на мексиканцев, угонял у них лошадей, а на вырученные за продажу лошадей деньги покупал оружие, продовольствие и огненную воду, до которой был большой охотник.

Весной 1877 года агент резервации Сан-Карлос Джон Клам прибыл в Горячие Ключи в сопровождении двух военных отрядов. Херонимо и Викторию позвали на переговоры, а дальше поступили по хорошо обкатанной схеме, устроив засаду и арестовав их. Викторию вскоре отпустили, милостиво разрешив доби-

Херонимо освободили после того, как Клам ушел в отставку. Клам считается одним из самых либеральных и добросердечных агентов в истории резерваций, причем, судя по всему, это действительно так.

«В течение двух лет все шло хорошо, но мы были недовольны». Так описывает Херонимо время, проведенное после этого в резервации. Особый экзистенциальный пафос, пафос человека, рожденного быть свободным, слышится в этой фразе. Свидетельства белых людей, имевших отношение к резервации в Сан-Карлосе, показывают, насколько неприхотливым был вождь чирикахуа. Так, например, паек всем индейцам резервации стараниями нового агента выдавали исключительно в помещении главного агентства; некоторым несчастным приходилось идти за пайком за двадцать миль, а старики и дети, которые были не в состоянии делать это, пайка попросту не получали. Голодая, индейцы ели кроликов и крыс. В резервации свирепствовали оспа и малярия. Могучее некогда племя стремительно вымирало, а те, кто приобщал его к благам цивилизации, не скрывали своего удовлетворения по этому поводу. «Все шло хорошо». «Не стреляют — уже неплохо», — рассуждал, наверное, Херонимо. Но сам он готов был еще пострелять.

Друг Херонимо Викторио вместе со своим племенем пробыв в резервации недолго. Не выдержав заведенных там порядков, он вместе со своим племенем самовольно ушел назад, к священным Горячим Ключам. Это послужило началом локальной войны с апачами. Как и всякая партизанская война, она оказалась долгой и кровопролитной. Викторио убили в 1880 году, но война продолжалась. По резервации ходили слухи, что Белые Глаза убьют или посадят в тюрьму всех когда-либо бывших нелояльными к ним вождей, чтобы истребить до корня их племена. В 1882 году Херонимо, с ним около семидесяти индейцев, бежал из резервации в горы Сьерра-Мадре. В конечном итоге, речь шла о судьбе его народа, и лозунг «Свобода или смерть!» в этом случае вовсе не был всего лишь броской фразой. «Именно здесь, далеко в горах, — пишет Дэвид Робертс, один из биографов Херонимо, — Юх, друг Херонимо и один из лучших военных стратегов Чирикахуа, получил видение, посланное Усеном. Из голубого облака выходили тысячи солдат в голубой форме и теря-

лись в глубокой расщелине. Его воины тоже получили это видение. Шаман объяснил его так: “Усен предупреждает нас, что мы потерпим поражение, и, возможно, всех нас убьют войска правительства. **Их сила — в их числе, в их оружии, и эта сила, конечно, сделает нас... мертвыми. В конечном счете, они истребят наш народ**”». Юх погиб, защищая свой лагерь во время одной из американских атак.

В ту пору наводить порядок среди апачей было поручено генералу Джорджу Круку, который, подобно агенту Кламу, слыл большим либералом. Все тот же Робертс весьма тепло пишет о генерале, с одобрением упоминая, например, такой предложенный им «компромисс: апачи должны были носить латунные ярлычки и ежедневно отмечаться, а заодно, получать государственный паек, но вместе с тем им позволялось более-менее свободно выбирать места для стоянки и охоты». Похожий «компромисс», как известно, был предложен евреям в Третьем Рейхе; только там они носили на груди не латунные ярлычки, а желтые звезды Давида, и ежедневно отмечаться от них не требовалось, зато они не получали паек (паек им стали выдавать позже, в концентрационных лагерях). Впрочем, сомнения в сторону, на фоне прочих своих коллег, тех же Шеридана — автора поговорки про хорошего мертвого индейца, и Чивингтона — автора поговорки про гниду и вошь, смотри примечания, читатель, — на фоне прочих своих коллег генерал действительно был душкой. Недаром в Вашингтоне считали, что ему не хватает характера и редко бывали им довольны.

Генерал Крук

С отрядом из трехсот примерно человек, состоящим по преимуществу из апачей-коллорабационистов, он сознательно собрал именно такой состав отряда, ведь только апачи могли отыскать в горах своих соплеменников, генерал прочесывал горы, побуждая где уговорами, где резней вернуться в резервации блудных сыновей апачского народа. Однажды, когда Херонимо был занят очередной военной кампанией далеко в Мексике, отряд Крука напал на его лагерь, в котором оставались лишь женщины, дети и старики, убил с десятков человек и всех остальных взял в заложники⁴².

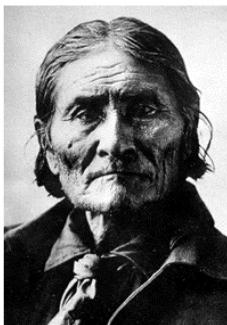
Вернувшись из своей военной экспедиции Херонимо ничего не осталось, как сдаться. Произошло это 25 марта 1886 года. Генерал был весьма учтив и обещал пленным чирикахуа полное снисхождение. В резервацию вместе с собой хозяйственный Херонимо пригнал целый табун скота, экспроприированного у мексиканцев. «Этот скот теперь наш, и мы собираемся здесь его разводить», — сообщил он генералу. Идея не показалась Круку удачной: цивилизованные люди признают только крупные ограбления. Скот отобрали и продали; выручку, блистая благородством, отдали мексиканцам. Херонимо не роптал.

Более года он спокойно жил в резервации, казалось, и не помышляя ни о чем запретном. «Все шло хорошо, но мы были недовольны». Нет, все шло нехорошо. Генерал Крук когда-то не без уважения назвал апачей «тиграми рода человеческого» (сами индейцы называли его Серым Волком; белых людей часто уподобляли стаям саранчи). Хорошо ли тигру в клетке? Давно сделавшись излюбленным отрицательным героем газет, чем-то вроде индейского Фантомаса, Херонимо часто просил переводчика почитать, что о нем пишут. «Такое не следует писать о человеке, который стал на правильный путь», — заметил как-то он. Был ли Херонимо уверен, что стал на правильный путь? Вся

⁴² Робертс цитирует воспоминания Джеймса Кайвайкла, одного из апачей, находившихся в этом лагере: «В том месте несколько недель мы жили подобно тем, кто ушел в Счастлирое Место. Мы снова охотились, пировали и танцевали у костров... Так впервые на моей памяти мы жили, подобно апачам до прихода Белых Глаз».

его история говорит о том, что он попросту не мог рассматривать этот путь серьезно. Он и не становился на него; тигра нельзя сделать травоядным. Он, как и любой человек его племени, выживал в окружающем мире; старый охотник всегда знал, когда следует затаиться. Но теперь окружающий мир больше не был его миром, и, похоже, затаиться нужно было на всю жизнь. А вот на это пойти охотник не мог. Какой же он был бы тогда охотник?

Конечно же, вы уже догадались, что в конце концов произошло. Когда Херонимо, хорошенько хлебнув напоследок огненной воды, бежал в последний раз, вместе с ним ушли тридцать четыре воина и около сотни женщин, детей и юношей⁴³. Произошло это в 1885 году, 17 мая, поводом, как считается, послужили слухи о грядущем аресте Херонимо. Прогрессивная общественность была в шоке и требовала его крови, а сам он остерегался кого-либо трогать, желая одного — пересечь границу и достичь заветных гор Сьерра-Мадре.

Херонимо

Однако в горах его уже поджидали мексиканцы. А по пятам шел усталый и недовольный генерал Крук. Херонимо буквально оказался в тисках.

После долгих переговоров с Круком Херонимо сказал:

⁴³ Состав отряда Херонимо весьма красноречиво опровергает американскую легенду о «кровавой банде убийц», бежавшей из резервации, чтобы грабить дилижансы. По дороге большая часть отряда откололась, решив все-таки вернуться в резервацию.

«Я предаю себя в ваши руки, — делайте со мной, что хотите. Я сдаюсь. Было время, когда я носился с места на место подобно ветру. Теперь я сдаюсь, и это все».

Успокоенный, Крук отбыл в форт. Колонна пленных индейцев двинулась в резервацию. Херонимо прошел вместе с ними несколько миль, а потом, захватив с три десятка своих сторонников, убежал назад. «Опасаясь очередного предательства, я решил остаться в Мексике. Нас никто не охранял: американские войска шли впереди, а индейцы следовали за ними. Когда же у нас закралось подозрение, мы просто повернули назад». Имелись ли у него реальные причины для опасения и если да, то в какой степени он ими руководствовался? Причины безусловно имелись: почти все благородные вожди индейских племен, которые, в отличие от Херонимо, пытались неукоснительно соблюдать договоры, заключенные с бледнолицыми, были убиты самым вероломным образом. Херонимо изучил все повадки бледнолицых, как изучает охотник повадки медведя, как изучает шаман движение ветра. Он знал, что со стихийным бедствием нельзя договориться: с ним можно бороться или каким-то образом уходить от него.

Так Херонимо вместе с несколькими апачами погубил военную карьеру генерала Крука. Тот подал в отставку, и его место занял генерал Нельсон Миллс, ревностный служака и амбициозный карьерист.

Армия Миллса, которую он собрал для войны с Херонимо, состояла более чем из пяти тысяч солдат; кроме того, сообщает Ди Браун, в его распоряжении находилось 500 разведчиков-апачей и несколько тысяч человек из нерегулярного гражданского ополчения. И это было еще не все: со стороны Мексики апачей преследовала трехтысячная армия. Группа Херонимо, против которой ополчились самые отборные силы победоносной цивилизации, состояла из *двадцати четырех воинов*.

Херонимо был великий воин, и даже с несколькими соратниками представлял для американцев серьезную угрозу. «Апачи как ветер проносились по Мексике и юго-западу США, — пишет известный в нашей стране летописец индейской истории Милослав Стингл, — а американские войска просто не могли их догнать! Последняя маленькая индейская боевая часть Северной

Америки нередко разбивалась на еще более мелкие отряды, своего рода индейские “коммандос”, которые совершали дерзкие набеги на врага. Известно о таком подвиге соратников Херонимо. Одиннадцать апачей — только одиннадцать! — как вихрь промчались по двум огромным штатам — Нью-Мексико и Аризона. Многократно вступая в стычки с американскими солдатами, они убили около сотни их, похитили триста лошадей, а сами при этом потеряли лишь одного воина!

Впрочем, мексиканские американисты сообщают о еще более невероятном случае. Мексиканцы ранили выстрелом одного из апачей Херонимо, проезжавших через какое-то поселение. Восемьдесят мексиканцев окружили легко раненного апача. Апач укрылся за большим камнем и одного за другим убил одиннадцать мексиканцев, после чего остальные обратились в бегство. А потом, ночью, когда группа Херонимо устроила привал, он присоединился к ней, несмотря на то, что конь его был убит и ему пришлось догонять товарищей пешком!»

Эта последняя война Херонимо шла в те годы, когда все индейцы — все, не только апачи — были поработаны и заперты в резервациях, в которых их методично истребляли. Он один с горсткой единомышленников сподобился хотя бы на короткое время прорваться наружу, чтобы в последний раз посмотреть на родные горы взглядом свободного человека.

«Мы не слишком дорожили своей жизнью, сознавая, что у нас нет выбора, — вспоминал позднее Херонимо дни своего героического сопротивления. — В резервации нас ждет неволя и гибель, в Мексике — постоянное преследование солдат. Поэтому мы никого не щадили и сами не ждали пощады». Потери апачей в их последней войне за независимость составили девять человек; некоторые авторы утверждают, что за все это время они уничтожили около тысячи солдат Миллса, однако это представляется явным преувеличением.

Процитированная выше фраза Херонимо свидетельствует о том, что вовсе не страх смерти подвиг его на бегство. Этот человек слишком часто заглядывал смерти в лицо, чтобы трепетать перед нею. Если то и был страх, то страх *несвободы*. Впрочем, та несвобода, которую навязывали его народу Белые Глаза, была абсолютно равносильна смерти. «Гораздо достойнее по-

гибнуть на тропе войны, чем быть убитым в неволе», — говорил он.

«Вскоре после этих событий, — читаем дальше в воспоминаниях Херонимо, — мы заключили с мексиканцами договор. Они уверяли, что во всех войнах виноваты американцы, и обещали больше не воевать с нами, если мы вернемся в Соединенные Штаты. Приняв их условия, мы продолжили свой поход, надеясь заключить такой же договор и с американцами, а потом вернуться в Аризону. Других намерений у нас не было».

Плен

Последнее пленение Херонимо произошло 4 сентября 1886 г. На этот момент его группа состояла только из 16 воинов, 12 женщин и 6 детей. Американцы послали для переговоров со строптивым вождем некоего лейтенанта, но Херонимо желал говорить только с генералом Миллсом. Разумеется, генерал согласился. Вот как описывает сам Херонимо то, что произошло дальше:

Генерал Миллс

«Я сразу же направился к генералу и рассказал ему, как несправедливо со мной поступили. Я также заявил ему, что все мы хотели бы вернуться в Соединенные Штаты, чтобы увидеть свои семьи, с которыми нас разлучили.

В ответ генерал Миллс произнес такие слова:

— Президент Соединенных Штатов послал меня поговорить с тобой. Он слышал о твоих стычках с бледнолицыми и считает, что если ты заключишь с нами договор, все твои неприятности кончатся. Херонимо, соглашайся на договор, и все устроится лучшим образом.

Потом генерал Миллс сказал, что отныне мы должны стать братьями. Воздев руки к небу, мы провозгласили, что договор наш нерушим. Мы также поклялись не причинять друг другу зла и не замышлять ничего плохого. После этого генерал долго говорил со мной, обещая всяческие блага, если я подпишу договор. Я не слишком доверял генералу Миллсу, но все же решил заключить договор, поскольку таково было желание президента Соединенных Штатов. Когда я спросил генерала об условиях договора, он сказал:

— Ты будешь взят под защиту правительства. Я построю тебе дом, и ты получишь много земли. Я дам тебе лошадей, коров, мулов и все необходимое в хозяйстве. У тебя будет много работников, и тебе не придется трудиться самому. Осенью я пришлю тебе одеяла и одежду, чтобы ты не страдал от холода зимой. Я приведу тебя туда, где много листьев, воды и травы. Ты будешь жить там со своей семьей среди людей твоего племени. Если ты согласишься подписать договор, то не пройдет и пяти дней, как ты вновь увидишь свою семью.

На это я возразил генералу Миллсу:

— Так говорят все военачальники. Это знакомая песня, и я не верю тебе.

— На этот раз я говорю правду, — сказал генерал Миллс.

Тогда я сказал:

— Генерал Миллс, я не знаю законов бледнолицых и обычаев тех мест, куда ты собираешься послать меня, и могу ненароком нарушить их.

— Пока я жив, никто тебя не тронет, — пообещал мне генерал Миллс.

И тогда я согласился подписать этот договор (С тех пор, как я стал пленником, меня уже дважды сажали в тюрьму за то, что я пил виски).

Мы вышли и стали посередине между солдатами генерала и моими воинами. На расстеленное одеяло мы положили большой

камень. Наш договор скреплялся этим камнем и должен был сохранять свою силу, пока тот камень не рассыплется в пыль. Мы заключили договор и связали друг друга клятвой.

Этот договор не был нарушен мной ни разу, но генерал Миллс так и не выполнил своих обещаний.

Когда договор был заключен, генерал Миллс сказал мне:

— Брат мой, твои мысли по-прежнему направлены к войне, и ты думаешь, как убить меня. Я хочу, чтобы ты оставил эти помыслы, и душа твоя обратилась бы к миру.

Тогда в знак мира я сложил свое оружие, произнеся при этом:

— Я покидаю тропу войны и возвращаюсь к мирной жизни.

Генерал Миллс провел рукой по земле и сказал:

— Твои прошлые деяния будут стерты в нашей памяти, как эти следы на земле, и отныне для тебя начинается новая жизнь».

Либо генерал солгал, либо камень рассыпался. Вместе с людьми Херонимо *всех* чирикахауа, в том числе тех, кто спокойно жил в резервации (к тому времени их осталось всего 498 человек) погрузили в товарные вагоны и отправили в лагерь для военнопленных во Флориде. Перед этим в Вашингтоне президент принял тех соплеменников Херонимо из числа разведчиков-апачей, которые способствовали поимке строптивого вождя. Одного из них он даже наградил серебряной медалью. История умалчивает, успели они на тот же самый товарный поезд, или удостоились чести ехать отдельно, но их отправили в заключение вместе со всеми остальными.

То, что произошло, лишний раз подтвердило справедливость подозрений Херонимо относительно Белых Глаз и их намерений. Индейцы чирикахауа пробыли в заточении двадцать восемь лет. Когда в 1913 году, через четыре года после смерти Херонимо, их переселили в резервацию Мескалеро на юге Нью-Мексико, их количество насчитывало 265 человек, считая вместе с детьми, родившимися в заключении.

Заклученный, Херонимо продолжал оставаться вождем, пекущимся о благе своего народа. Желая смягчить своих мучителей, он объявил, что принимает христианство⁴⁴. Разумеется, для

⁴⁴ «Я принял христианство в надежде, что хождение в церковь и общение с христианами принесет мне пользу и позволит исправить характер» — смирен-

но писал, а точнее, диктовал Херонимо. Многие индейцы в те роковые для их народа времена принимали христианство в надежде, что это хоть ненамного изменит в лучшую сторону отношение к ним со стороны воцарившихся на их земле бледнолицых. При этом сама доктрина казенного христианства воспринималась ими настолько несерьезно, что принятие христианства в их глазах не означало даже отречения от былых верований. Духовный мир бледнолицых, ставший для индейцев роковым, по-прежнему воспринимался ими как всего лишь жестокий курьез, в этом смысле их совершенно не заботили их действия в этом мире. В своей уже упоминавшейся книге Ди Браун, один из наиболее добросовестных и компетентных историков, пишет: «В конце XIX в., когда белые люди стали проявлять крайнее любопытство к жизни индейцев, уцелевших во время войн, предприимчивые газетные репортеры часто интервьюировали воинов и вождей, давая им возможность выразить свое мнение о том, что произошло на Западе. Эти интервью были весьма различны по своим достоинствам, что зависело от способностей переводчика или от склонности индейцев к откровенным высказываниям. Одни боялись наказания за высказанную правду, другим доставляло удовольствие морочить голову репортерам невероятными и бессмысленно длинными историями, забавлявшими главным образом рассказчика. Так что к высказываниям индейцев, опубликованным в газетах того времени, следует относиться скептически, хотя иные из них являют собой шедевры иронии, а другие обжигают вспышками поэтической ярости». Он же упоминает такой эпизод из жизни Тотанка Йотанка (Сидящего Быка), величайшего из индейских вождей XIX века, боровшихся за независимость своего народа:

«Летом 1883 г., когда строители Северной тихоокеанской железной дороги праздновали завершение последнего прогона ее трансконтинентальной колеи, один из чиновников, ответственных за проведение торжеств, решил, что будет очень кстати, если какой-нибудь индейский вождь будет присутствовать на них и произнесет речь, приветствуя Великого Отца и других видных деятелей. Выбор пал на Сидящего Быка — ни один другой индеец даже не обсуждался, — и вот одному офицеру, понимавшему язык сиу, поручили подготовить вождя к произнесению речи. Было решено, что вождь произнесет ее на языке сиу, а затем этот офицер переведет ее.

8 сентября Сидящий Бык и молодой “синий мундир” прибыли в Бисмарк на большой праздник. Они скакали во главе парада, а потом заняли места на помосте для ораторов. После того как Сидящего Быка представили публике, он поднялся и начал произносить свою речь на языке сиу. Молодой офицер слушал в смятении. Сидящий Бык изменил цветистый текст приветствия. “Мне ненавистны все белые люди, — говорил он, — вы лгуны и грабители. Вы забрали нашу землю, а нас превратили в изгнанников”. Зная, что только офицер мог понять его слова, Сидящий Бык время от времени делал паузу для аплодисментов; раскланивался, улыбался, а затем произносил еще несколько оскорблений. Наконец он сел, и его место занял озадаченный переводчик. У офицера была только краткая запись перевода, всего несколько фраз, выдержанных в дружественном тоне, но, когда он прибавил от себя несколько изби-

апачского шамана христианство представляло из себя не более чем унылый и тошнотворно умозрительный философский анекдот. В его мемуарах читаем: «Мы верили, что после нашей земной жизни наступит какая-то другая, но никто не говорил мне, что остается от человека после смерти. Много раз я видел, как умирают люди, как разлагаются их тела, но никогда мне не случилось видеть ту часть человека, которая называется душой. Я не представляю, что это такое, и никак не могу понять эту часть христианского учения». В этих же мемуарах он рассказывает, как «Усен повелел, чтобы Апач и его потомки навсегда поселились на западных землях».

«Когда я пришел в этот римский Вавилон, один из придворных старой блудницы в багрянице заставлял меня принять догмы ее, которые являются сплошными заблуждениями. И тогда я написал свой труд, посвятив его самому Папе. Я оставил этот проклятый город и вернулся в Иерусалим, покинул эти гнусные места, кишасщие кабанами Ромула, бежал от этих бесчестных людей; я предпочитаю им обитель Марии, пещеру младенца Иисуса...»

Херонимо в старости

Так писал за полторы тысячи лет до истории Херонимо его метафизический тезка, святой Иероним Стридонский. У них действительно было что-то общее в этом стремлении во что бы то ни стало *уйти из Вавилона*; свой единственный письменный

тых индейских метафор, публика повскакивала со своих мест и стоя устроила Сидящему Быку овацию. Вождь хункпапов стал таким популярным, что железнодорожные чиновники взяли его в Сен-Пол еще на одну торжественную церемонию».

труд — обильно цитированные ранее мемуары — Херонимо тоже посвятил Папе, Папе Американскому (индейцы называли президента Соединенных Штатов Великим Отцом). «Я верю в его честность и надеюсь, что он будет справедлив к моему народу», — говорит в своем посвящении Херонимо. Папой Американским был тогда Теодор Рузвельт. В 1905 году Херонимо обратился к нему, прося, чтобы его племя перевели на родину в Аризону. «Это моя земля, — говорилось в письме Херонимо, — мой дом, земля моего отца, на которую я теперь прошу позволить мне вернуться. Я хочу провести последние дни там и быть похороненным в горах. Если бы так случилось, я мог бы умереть в мире, чувствуя, что мои люди, возвращенные на родину, множатся, а не умирают, как сейчас, и что наше имя не исчезнет».

Ему отказали.

До конца своих дней он жалел, что сдался *тогда*. Этим он так и не смог спасти свой народ. «Нужно было остаться в горах и сопротивляться до конца», — то и дело повторял старик.

Херонимо диктует свои мемуары

Херонимо надиктовывал свою биографию в 1907 году, все еще не оставив надежды добиться у Рузвельта свободы для своего племени. «Мы исчезаем с лица земли, и все же я не думаю, что существование наше было напрасным, иначе Усен не сотворил бы нас. Он создатель всех людских племен, и каждое из них появилось не случайно», — не без горечи диктовал Херонимо. Повествование вождя переводилось на английский и записывалось суперинтендантом Барретом, так что, увы, в полной мере первоисточником оно все-таки не является. Херонимо излагал только те эпизоды своей жизни, которые представлялись ему

важными. В этом смысле самой трогательной в мемуарах была глава о Всемирной Выставке 1905 года в Сент-Луисе, куда его выпустили с высочайшего соизволения в качестве «экспоната индейца» (как видите, много веков спустя открытия Колумбом Америки его лексика ничуть не устаревала). Американцы уже тогда обладали великим талантом делать из всего шоу. Старый джентльмен пользовался большой популярностью и нередко зарабатывал на своих автографах «до двух долларов в день, так что домой я вернулся богатым — никогда раньше у меня не было таких денег».

Херонимо (в цилиндре) на Всемирной Выставке

«В одном из представлений люди весьма странного вида в красных шапках и с какими-то особенными саблями все время рвались в бой. Наконец их хозяин разрешил им сразиться друг с другом. Размахивая саблями, они пытались ударить противника по голове, и я ожидал, что оба будут ранены и, может быть, даже убиты, однако бойцы остались невредимы. С такими нелегко сражаться врукопашную.

В другом представлении можно было видеть необыкновенного негра. Его хозяин крепко связывал ему руки, а потом привязывал к стулу. Он был опутан так надежно, что, казалось, ему никогда не освободиться. Однако хозяин дал ему именно такое приказание.

Покрутившись немного на стуле, негр встал на ноги. Веревки по-прежнему были завязаны, однако сам он был свободен. Непонятно, как ему это удалось. Наверное, он обладал какой-то

чудодейственной силой — ведь ни один человек не смог бы освободиться от таких пут своими собственными силами.

В другом месте был установлен помост, на котором стоял человек и что-то говорил зрителям. Потом на краю помоста поставили корзину, покрытую красной материей, и в нее забралась какая-то женщина. Человек, говоривший с публикой, взял длинную саблю и несколько раз проткнул корзину сбоку и сверху через материю. Я слышал, как сабля пронзает тело женщины, и сам хозяин сказал, что она мертва. Но когда с корзины сняли материю, женщина вышла из нее целая и невредимая, и улыбаясь сошла с помоста. Интересно, как ей удалось так быстро опраться и почему она не умерла от ран?

Медведи никогда не казались мне особо сообразительными, вероятно, потому, что мне раньше не доводилось видеть их белых собратьев. В одном из представлений выступал белый медведь, умный, как человек. Он делал все, что ему приказывали: носил бревно на плече, как это делают люди, а потом опускал его на землю. Медведь проделывал множество всяких штук и, казалось, понимал все, что ему говорит его хозяин. Наверное, ни одного гризли не удалось бы научить ничему подобному.

Однажды мои сторожа привели меня в маленький домик с четырьмя окошками. Когда мы уселись, домик сдвинулся с места и поехал по земле. Сторожа стали показывать мне всякие любопытные вещицы, которые были у них в карманах, а потом попросили посмотреть в окно. Выглянув наружу, я со страхом увидел, что наш домик висит высоко в воздухе, а люди внизу кажутся не больше муравьев. Посмеявшись над моим испугом, мои спутники дали мне стеклянную трубку, через которую я мог видеть горы, реки и озера (раньше у меня часто бывали такие трубки — я забирал их у убитых офицеров). Так высоко в воздух мне еще не приходилось забираться, и я решил посмотреть на небо. Однако звезд не было видно, а на солнце было больно смотреть. В конце концов я отложил эту трубку. Надо мной посмеивались, и я тоже стал смеяться вместе со всеми. Потом мне велели выходить и, посмотрев в окно, я увидел, что мы вновь оказались на земле. Уже снизу я наблюдал, как множество таких домиков снует вверх и вниз, но никак не мог понять, каким образом они передвигаются.

В другой раз, когда мы были на представлении, вокруг стало темнеть. Спустилась ночь — я почувствовал, что воздух стал влажным. Вскоре раздался гром и засверкали самые настоящие молнии, они вспыхивали прямо над нами. Я вскочил и хотел было бежать, да только не знал, где там выход. Мои спутники остановили меня, и мне пришлось остаться. На помост вышли какие-то странные маленькие люди. Взглянув наверх, я увидел, что тучи рассеялись и на небе горят звезды. Маленькие люди на помосте вели себя как-то не по-настоящему и вызывали во мне только смех. А все, кто сидел вокруг нас, почему-то смеялись надо мной».

...«Наверное, здесь не обходится без колдовства»...

Конец рассказа о выставке трогателен особо:

«Я рад, что побывал на выставке. Там я увидел много интересного и хорошо узнал белых людей. Они очень добры и миролюбивы. За все это время никто ни разу не тронул меня. Будь я среди мексиканцев, мне постоянно пришлось бы защищаться.

Жаль, что люди моего племени не смогли побывать там».

Ближе к концу жизни Херонимо режим заключения живой легенды значительно ослабили. В одну из ночей зимы 1909 года, возвращаясь домой (как утверждают некоторые источники, после хорошей попойки), он упал с лошади и довольно долго пролежал в канаве с холодной водой. Это привело к воспалению легких, и через несколько дней он скончался.

Умирая, он называл имена своих воинов.

Могилы Херонимо в Форте Апачей

Последний из апачей

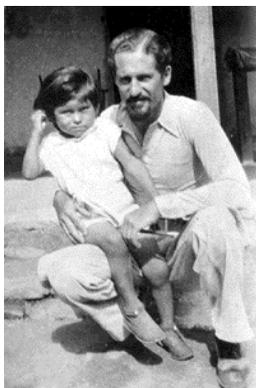
Наконец Гойатлай обрел покой. Удалось ли обрести покой его останкам? Говорят, что в 1918 году один из членов тайного студенческого общества «Череп и кости» Йельского университета осквернил могилу Херонимо, разрыв ее и похитив череп вождя апачей. Череп гробокопатель передал этому обществу для проведения его идиотских церемоний, оправдывая это тем, что сам Херонимо в свои лучшие времена только и делал, что снимал скальпы с бледнолицых. Тогда, в лучшие времена, янки в страхе бежали от вождя, живого; теперь, над мертвым, можно было надругаться безо всякой опасности.

«Череп и кости» — привилегированное тайное общество студентов, преимущественно отпрысков элитных американских семейств — тех самых семейств, что считают себя вправе навязывать свою волю всему миру. Якобы, укравшего череп Херонимо звали Сэмюэль Прескотт Буш, и он приходится прадедушкой экс-президенту Соединенных Штатов, который, кстати, тоже состоит в этом «братстве» (членство в обществе считается пожизненным и не прекращается с окончанием университета). Совет племени апачей предпринял по этому поводу свое собственное расследование, но эксгумировать останки своего вождя не стал. История с черепом — скорее всего, анекдот, придуманный недоразвитыми VIP'ами с целью придания большей загадочности своей закрытой тусовке, но анекдот весьма характерный.

А вот совсем другая история. В альманахе «Первые американцы» читаем перепечатку статьи Линды А. Санчес «Последние апачи» из «Arizona Highways», September 1986, pp. 25-26.: «Со времени пленения Херонимо партизанское существование стало обычным; тогда оставшиеся непокорные индейцы чирикахуа разбились на маленькие группы и скрылись в глубине безмолвных ущелий Сьерра Мадре — матери горной цепи Мексики»... «Несколько раз люди находили брошенные лагеря в таких местах как Хуарез и Чиуауа в период 1855-1980 гг. Позже сообщались и множество более зловещих свидетельств их существования, они публиковались в недавних выпусках “Ганг Дай-

джест” (это 1985-86 гг.), где писатель сообщал, что левые партизанские экстремисты и наркоконтрабандисты снабжали апачей Сьерра Мадре АК-47 и легкими скорострельными винтовками...» Статью иллюстрирует фотография Кармины, «маленькой апачской девочки», плененной в 1932 году и удочеренной фермером Джеком Роу.

Эти две истории, такие разные, возможно, вымышленные, говорят об одном: пусть Херонимо мертв — дух его пребывает с нами, по-прежнему не давая покоя врагам и по-прежнему вдохновляя последователей. Урок Херонимо: никогда не сдаваться. «Само имя Херонимо стало вызовом надвигающейся цивилизации», — пишет некто С. Waldman в «Атласе североамериканских индейцев». Кто знает, когда майор Гевара с группой единомышленников уходил в свой последний поход в Боливию, не витала ли над ними тень мятежного вождя апачей?

Та самая Кармина; тот самый Джек Роу

Вполне возможно, что в своем рассказе я так и не перечислил всех подвигов Херонимо. Историки сильно путаются в них и очень сильно противоречат друг другу, хотя, казалось бы, восстановить фактическую канву довольно просто, а воспоминания самого вождя часто противоречат им всем; биография Херонимо известна очень слабо и изобилует недосказанностями. Может быть, подобно дону Хуану, учителю Карлоса Кастанеды, он просто умело и сознательно стирал личную историю, создавая

вокруг себя туман? «Мир ловил меня, но не поймал», — написано на могиле украинского философа Сковороды. Мир ловил вождя апачей, и поймал его; но никого другого мир не ловил так усердно.

Штрихи к недорисованному портрету

Видишь этого человека? Это Ленин. Обрати внимание на его упрямый, своевольный череп.

Роза Люксембург — Кларе Цеткин

После смерти великий человек всегда превращается в миф. Ленин начал превращаться в миф еще при жизни. При подавляющем избытии работ, ему посвященных, он не стал ни понятнее, ни доступнее — скорее наоборот, с каждым «историческим исследованием» вождь коммунистической революции становился все более недоступен... Фигура и историческая роль Ленина столь велики, что для мало-мальски адекватного ответа на вопрос поэта «что он сделал, кто он и откуда, этот самый человечный человек?» понадобились бы тома. В этих довольно сумбурных и разрозненных заметках я не претендую на такой ответ; как и обозначено заглавием, это — штрихи к *недорисованному портрету*, не более того...

Эти заметки — сознательная апология Ильича, я даже пользовался для них особым литературным стилем; совсем не коммунисту, мне надоели ничтожества и карлики, вякающие на него со всей возможной крикливостью. Посмотрите, на кого вы вякаете, какой исторической фигурой пренебрегаете! И заткнитесь, наконец.

Самый человечный человек

В. И. Ленин, 1920 г.

Эта характеристика Ленина, данная Маяковским, обретает особую глубину, если вспомнить другого титана советской литературы, Максима Горького, сказавшего устами одного из своих героев:

«Человек и люди — не одно и то же, нет. Человек — враг действительности, утверждаемой людьми; вот почему он всегда ненавистен людям».

Крах попыток классификации

В. И. Ленин, 1917 г.

Преимущество Ленина как исторической личности состоит в том, что по сей день его так и не удалось *классифицировать*. Сам по себе акт классификации означает победу системы. Классифицирован — значит не страшен. Поэтому система всегда стремится классифицировать своих противников. Сначала убить, потом пожрать — такова тактика системы по отношению ко всему, опасному ей. Скажем, наследник ленинской власти Иосиф Виссарионович Сталин благополучно классифицирован и пребывает в качестве экспоната в музее XX века. Классифицирован всеми — либералами, консерваторами, монархистами и анархистами: в каждой из этих групп существует какой-то устойчивый консенсус мнений относительно его исторической роли. А ведь эпоха Сталина *уже* наследовала эпохе Ленина. Ленин же и созданный им стиль до сих пор продолжают вызывать у классификаторов недоумение и смятение. Скоро уже сто лет, как они примеряют на Ленина всевозможные мифы разных степеней пошлости, но несоответствие всегда выходит чересчур очевидным.

Интересно проследить эволюцию мифа о Ленине на его родине. Еще при Сталине страну заполнили черно-белые фильмы, в которых роль Ленина исполняли совершенно на него не похо-

жие актеры с внешностью и ужимками клоунов. Вдова Ленина Крупская явно переживала по этому поводу. «Владимир Ильич никогда не был таким суетливым», — писала она. С малых лет советского человека буквально всюду преследовал сусальный образ доброго *дедушки*,⁴⁵ прямо-таки ужасающий своей вымученностью и неестественностью. Один из самых крутых нонконформистов в истории, Ленин, наверное, был бы немало поражен, узнай он о том, во что его попытаются превратить. Впрочем, именно Владимир Ильич сказал в свое время, что лучший способ умертвить политического деятеля — сотворить из него икону.

«С учением Маркса, — писал он в самом начале «Государства и революции», — происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их *имени* для “утешения” угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая *содержание* революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его»⁴⁶. Справедливость этих слов подтверждает совсем

⁴⁵ Ленин умер, не дожив и до пятидесяти четырех лет, но ему усиленно приклеивался ярлык *Дедушки Папой* должен был быть Иосиф Виссарионович.

⁴⁶ Тот факт, что Владимира Ильича не миновала чаша сия, подтверждает интересная история, которую в журнале «Иностранная литература» рассказывает А. Блюм. В 1939 году этот журнал, тогда еще называвшийся «Интернациональной литературой», обратился к известным людям Запада с просьбой написать о Ленине в связи с пятнадцатилетием со дня его смерти (*смерть* Ленина отмечалась почти так же пышно, как день его рождения). Об этом попросили даже вульгарного комика Чаплина, известного своими социалистическими симпатиями, но он оказался «занят новым фильмом». В числе прочих откликнулся Генрих Манн. «Ленин, — писал он, — подобен великим воспитателям человечества всех времен. Все они учили народы властвовать, учили их познанию, всегда выбирая прогрессивнейший класс. Послушайте, что говорит об этом философ Фридрих Ницше, чья деятельность оборвалась в 1888 году. Вот его высказывание о рабочих. Оно предвосхищает большевизм: “*О буду-*

недавняя история Эрнесто Че Гевары, отчаянного, самоотверженного и бескомпромиссного революционера, чье лицо сегодня помещают на пивные бутылки, сигаретные пачки и коврики для компьютерных мышек. «Кондотьер двадцатого века» превращен даже не в икону, но в *брэнд*.

Когда Советский Союз рухнул, поверженного кумира принялись поливать грязью с небывалой интенсивностью; искусственный образ Дедушки глумливо осмеивался. Но это был всего лишь искусственный образ... Потерявшая всякое чувство меры антиленинская кампания, которую вели, как правило, бывшие «верные ленинцы»⁴⁷, парадоксальным образом открыла думающим людям глаза на подлинное величие вождя мирового пролетариата, величие страшное, жестокое, вничеловеческое, нищенское, *мало удобное* для нас. Только теперь Ленин стал принадлежать тем, кому он должен был принадлежать по праву.

щем рабочего. Рабочие должны чувствовать себя как солдаты. Гонорар, оклад, но не заработная плата! Никакой зависимости между оплатой и производительностью! Вместо этого нужно поставить индивидуум, в зависимости от его особенностей, в такие условия, чтобы он мог давать наивысшую производительность для своих возможностей. Рабочие должны жить когда-нибудь так, как сейчас живут буржуа; и при этом быть выше их, отличаться отсутствием потребностей. Быть высшей кастой значит быть беднее, но зато обладать властью". Ленин, конечно, согласился бы с этими словами. Он признал бы, что сам начал воплощать их в жизнь и что их осуществление продолжается». Цитата из «реакционера» Ницше повергла в шок чиновников от литературы. «Редакция оказалась в затруднительном положении: — пишет Блюм, — с одной стороны — Генрих Манн, сотрудничеством с которым очень дорожил журнал, а с другой — сравнение Ленина с Ницше, который, в глазах тогдашнего агитпропа, являлся "идейным предшественником фашизма", фигурой вообще табуированной». «Сейчас перед редакцией встал вопрос о необходимости в какой-то форме разъяснить Генриху Манну ошибочность его высказывания, написанного им к 15-летию со дня смерти В. И. Ленина», — отчитывался главный редактор журнала перед Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). История умалчивает о том, как воспринял писатель письмо с «разъяснениями», написанное в кондовом советском стиле.

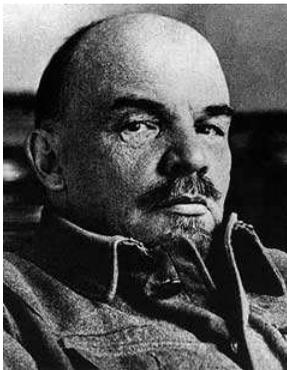
⁴⁷ Классический пример такого «верного ленинца» — хорошо известный в середине девяностых генерал Волкогинов. Всю свою жизнь этот человек паразитировал на Ленине. До «перестройки» он писал сомнительного качества хвалебные оды Вождю, а с «перестройкой» перестроился и сам, заполонив рынок не менее сомнительными книжонками, в которых обвинял Ленина во всех возможных грехах.

Осквернение памяти Ленина не давало нужных плодов. Но Ленина, или хотя бы советского идола «Ленина», нужно было повалить во что бы то ни стало — в эпоху первоначального накопления, как стали ее называть, пользуясь старой марксистской терминологией. Советский идол напоминал о милой сердцу многих советской эпохе, сам Ленин был символом упрямого стремления к справедливости, символом грозного союза угнетенного народа и одержимых интеллектуалов, он был опасен, он мозолил глаза... Оставалось одно — вычеркнуть Ленина из памяти народной. Российское телевидение по сей день со странной, на первый взгляд, гордостью любит демонстрировать несчастных тинэйджеров, которые в 15 лет не могут ответить на вопрос журналиста о том, кто такой Владимир Ильич Ленин. Но это явно тупиковый ход⁴⁸. Именно сегодня Ленин возвращается к нам. Все указывает на то, что двадцать первый век даст нам новый виток осмысления ленинизма⁴⁹.

⁴⁸ Сокровенную мечту новых хозяев жизни великолепно демонстрируют их шуты. В конце девяностых по российскому телевидению прошел примечательный сюжет. Сборище «художников» пожирало торт в виде тела Ленина в гробу, в натуральную величину. Художественная акция называлась «В XXI век без Ленина». Все это делалось с таким остервенением, что не оставалось сомнений: они были готовы сожрать и мавзолейную мумию, если бы им только позволили это сделать.

⁴⁹ Великолепная работа Гейдара Джемалы так и называется: «Неоленинизм в XXI веке». Эта небольшая, газетного формата, статья стоит иных книг о Ленине.

Создать прецедент

В. И. Ленин на отдыхе в Горках, 1922 г.

В одной из бесчисленных антиленинских книжек Ленин, в компании соратников узнавший об удачном исходе штурма Зимнего, заливаясь истерическим смехом, восклицает что-то вроде:

— Теперь держитесь! Теперь нас всех перевешают на фонарях!

С каким настроением, на самом деле, Ленин взваливал на себя бремя власти? Оставим истерический смех писателям романов, но согласимся с тем, что перспектива фонарей была вполне осязаема. Ухватиться за власть в совершенно разрегулированном, фактически разрушенном, государстве, отстоять ее в жестокой войне, в полностью враждебном окружении, заново отстроить — по новому, доселе невиданному, принципу — государственный аппарат, находясь буквально под прицельным огнем — и при этом ни разу не задуматься о возможности краха? Вряд ли такое было возможно. Как известно, сразу после прихода к власти Ленин издал ряд совершенно декларативных декретов. Значение их, на текущий момент, было скорее агитационное, чем практическое. Причем обращалась новая власть не только к настоящим, но и к будущим поколениям. К чести мыслящих современников Ленина нужно сказать, что они понимали всю

серьезность этого обращения. «Вы не должны думать, что значение Ленина — дело прошлого, потому что Ленин умер, — писал Бернард Шоу. — Мы должны думать о будущем, о значении Ленина для будущего, а значение его для будущего таково, что если опыт, который Ленин предпринял, — опыт социализма — не удастся, то современная цивилизация погибнет, как уже много цивилизаций погибло в прошлом. Мы знаем теперь из истории, что существовало очень много цивилизаций и что они, достигнув той точки развития, до которой дошел теперь западный капитализм, гибли и вырождались».

«Капиталистическое варварство сильнее всякой цивилизации», — сказал сам Ленин. Владимир Ильич в любой момент готов был «слететь» и старался оставить как можно более глубокий след в народном сознании и в народном бессознательном. Этим обусловлен был и знаменитый план «монументальной пропаганды». Большевицкий прорыв поначалу представлялся Ленину чем-то вроде прорыва парижских коммунаров, «штурмовавших небо» и уничтоженных при штурме⁵⁰. «В период

⁵⁰ Полковник Раймонд Роббинс, глава Американской миссии Красного Креста в России, оставил свои воспоминания о Ленине, к которым, вообще говоря, как и ко всяким воспоминаниям, следует относиться с некоторой долей настороженности — термины, в которых изъясняется его Ленин, совсем не ленинские. Но пафос, в общем-то, все тот же. Полковник вспоминает такие слова Владимира Ильича:

«Вы можете уничтожить нас в России. Вы можете уничтожить русскую революцию в России. Вы можете меня свергнуть. Это ничего не изменит. Сто лет назад монархии Великобритании, Пруссии, Австрии и России свергли правительство революционной Франции. Они реставрировали монархию, посадили на трон монарха, назвав его законным монархом, чтобы он правил в Париже. Но они не могли остановить и не остановили политическую революцию, демократическую революцию средних слоев, которая была начата в Париже народом во время революции 1789 года. Они не смогли спасти феодализм.

Каждая система феодально-аристократического социального строя в Европе была обречена на уничтожение политическим демократическим социальным строем, который создала Французская революция. И теперь каждая система политического демократического социального строя в мире обречена на уничтожение социальным строем экономических производителей, созданного в процессе русской революции.

Вы, полковник Роббинс, этому не верите. Придется подождать дальнейших событий, чтобы доказать вам, что я прав. Может быть, вы увидите, как по России пройдут парадом с иностранными штыками. Вы, может быть, увидите, как

Смольного, — пишет в своих воспоминаниях Троцкий, — Ленин с жадной нетерпеливостью стремился ответить декретами на все стороны хозяйственной, политической, административной и культурной жизни. Им руководила отнюдь не страсть к бюрократической регламентации, а стремление развернуть программу партии на языке власти. Он знал, что революционные декреты выполняются пока лишь на очень небольшую долю. Но обеспечение исполнения и проверки предполагало правильно действующий аппарат, опыт и время. Между тем, никто не мог сказать, сколько времени нам будет предоставлено. Декреты имели в первый период более пропагандистское, чем административное значение. Ленин торопился сказать народу, что такое новая власть, чего она хочет, и как собирается осуществлять свои цели. Он переходил от вопроса к вопросу, с великолепной неутомимостью, созывал небольшие совещания, заказывал справки специалистам и рылся в книгах сам. Я ему помогал.

В Ленине было очень могуче чувство преемственности того дела, которое он выполнял. Как великий революционер, он понимал, что значит историческая традиция. Останемся ли у власти или будем сброшены, предвидеть нельзя. Надо при всех условиях внести как можно больше ясности в революционный опыт человечества. Придут другие и, опираясь на намеченное и начатое нами, сделают новый шаг вперед. Таков был смысл законодательной работы первого периода. Движимый той же мыслью, Ленин нетерпеливо требовал скорейшего издания классиков социализма и материализма на русском языке. Он добивался, чтоб как можно больше поставлено было революционных памятников, хотя бы самых простых, бюстов, мемориальных досок, во всех городах, а если можно, то и в селах; закрепить в воображении масс то, что произошло; оставить как можно более глубокую борозду в памяти народа».

будут уничтожены Советы и все руководители их убиты. Может быть, вы увидите Россию снова во мраке, в каком она была до сих пор. Но молния, сверкнувшая из этого мрака, уже уничтожает политическую демократию повсюду. Она уничтожила ее не физически, ударив по ней, а тем, что просто одной вспышкой осветила будущее».

По мере того, как большевики начинали упрочиваться во власти, опасения Ленина за будущее социалистического советского проекта вовсе не исчезали, а скорее даже обострялись. «Наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение — именно, в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное. Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаться», — говорил Ленин на своем юбилее в 1920 году, отказавшись выслушивать восторженные славословия соратников. В 1922 году, когда враг, кажется, окончательно разбит и в стране начинается строительство нового социалистического порядка, на XI съезде РКП(б) в одной из своих последних значительных речей Ленин изъясняется еще более тревожно:

«Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, “комвранья”, кажинный день, и тошнехонько от этого бывает иногда убийственно. И вот вместо этого комвранья приходит номер “Смены вех” и говорит напрямик: “У вас это вовсе не так, это вы только воображаете, а на самом деле вы скатываетесь в обычное буржуазное болото, и там будут коммунистические флажки болтаться со всякими словечками.” <...> Такую вещь очень полезно посмотреть, которая пишется не потому, что в коммунистическом государстве принято так писать или запрещено иначе писать, а потому, что это действительно есть классовая правда, грубо, открыто высказанная классовым врагом».

«Отступать после победоносного великого наступления страшно трудно, — пророчески замечает Ленин, он имеет в виду «Новую экономическую политику», но его размышления применимы и к последующей истории Советского государства. — Тут имеются совершенно иные отношения; там дисциплину если и не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед; тут и дисциплина должна быть сознательной и в сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление, — тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали». Побежали даже не в 91-м, но гораздо раньше, когда коммунистический режим потерял даже остатки бывшего пафоса. Ленин

предвидел и это, сказав как будто для тех, кто будет жить после него: «Никакая сила в мире не может взять назад того, что Советское государство было создано. Это — всемирно-историческая победа. Сотни лет государства строились по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства не буржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно, работала ли она. Но не в этом дело, а дело в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была непригодна, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано».

Вечное преодоление

В. И. Ленин выступает на II конгрессе Коминтерна, 1920 г.

Идеалист и прагматик одновременно, Ленин понимал, что целиком реализовать грандиозный замысел вселенского коммунизма здесь и теперь не удастся. Ленин не обольщался. «Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, что дорога показана». Тотальной победы не будет, не будет никогда; важно движение к победе, покорение новых и новых горизонтов, преодоление новых и новых преград — в войне ли, в политике ли, в науке ли. Социализм, по Ленину, «не готовая система, которой будет облагодетельствовано человечество. Социализм есть классовая борьба теперешнего пролетариата, идущего от одной цели к другой во имя своей коренной цели, приближаясь к ней с каждым днем». Ему случалось высказываться по этому поводу и более жестко. «Таких революций, которые, завоевав, можно положить в карман и почтить на лаврах, — говорил Ленин, — в истории не бывало. Кто думает, что такие революции мыслимы, тот не только не революционер, а самый худший враг рабочего класса». В каждодневном и упорном *преодолении* Ленин видел главнейшее преимущество молодого советского строя перед капитализмом, куда более могущественным исторически, географически и политически, который несмотря на это виделся ему погрязшим в самодовольной порочности. *Потребность* в пре-

одолении как *инстинкт победителя*, как инстинкт полнокровной, здоровой природы — вот на чем базировал и чем оправдывал свою деятельность Ленин, не боясь, если надо, совершать «маленькое отступление для большого прыжка». Отрицая на словах роль личности в истории, он собственным примером продемонстрировал исключительную важность этой роли.

Именно этот важнейший урок Ленина оказался забытым боготворившими его преемниками. Стремление почтить на лаврах, особенно во второй половине двадцатого века, поддерживаемое и разделяемое малограмотными и простонародными коммунистическими лидерами и отягощенное усталостью от выпавших на долю советского народа многочисленных и чудовищных потрясений, оказалось неодолимым. На ум приходит история из детской книжки «Волшебник Изумрудного Города» о маковом поле, задремав на котором, никто уже никогда не просыпался.

Воля и разум

В. И. Ленин на закладке памятника
Карлу Марксу, 1 мая 1920 г.

Типическая черта русского интеллигента, многократно описанная классиками русской литературы середины-конца XIX века — его нерешительность, неспособность к действию. В рассказе Чехова «Мститель» интеллигентный рогоносец, придя в оружейную лавку с тем, чтобы купить пистолет и застрелить из него неверную жену вместе с любовником, после длительных размышлений и колебаний (сколько страшных картин пронесется в его воображении) покупает в конце концов сетку для ловли перепелов. Можно объяснять паралич воли, как это всегда со свойственным ему едким сарказмом делал Ленин, трусостью и безволием вечно колеблющейся интеллигенции, и в ряде случаев такое объяснение будет справедливым. Однако стоит учесть еще, что переразвитой, утонченный мозг всегда располагает более к созерцанию, нежели к действию: когда приходит время действовать, он ощущает себя опутанным самыми разными доводами, всевозможными «за» и «против», возникающими отовсюду, куда только он может заглянуть — а кругозор его так широк! Есть отличная русская поговорка «заплутать в трех со-

снах»; оказавшись в трех соснах, такой ум видит перед собой тысячи возможных путей — и даже не плутает, но остается в нерешительности на одном и том же месте. К формуле Ленина «пролетариат борется, буржуазия крадется к власти» можно было бы добавить «интеллигенция колеблется». Сомнения и топтание на месте среди интеллигенции всегда были распространены даже в среде революционных радикалов. Ленин принадлежал, безусловно, к умам самого высокого уровня, — к умам, способным просчитывать последствия своих действий надолго вперед и видеть самые разные пути, по которым можно было направить эти действия. В конце концов, это был первый и последний интеллектуал на российском троне. Уникальность Ленина, особенно хорошо заметная на русской почве, состояла в том, что *при этом* он был способен молниеносно принимать решение и проводить его в жизнь с железной последовательностью и нечеловеческой энергией. «Крайности ни в чем не хороши, но если бы пришлось выбирать — мы бы предпочли узкую и нетерпимую определенность мягкой и уступчивой расплывчатости», — сказал вождь еще в 1905-м. И позже, уже в семнадцатом: «*Кто хочет помочь колеблющимся, должен начать с того, чтобы перестать колебаться самому*». «Воин колеблется и размышляет сколько угодно, пока он принимает решение. Но когда решение принято, он исполняет его безо всяких колебаний», — это правило индейца-яки из истории Кастанеды звучит абсолютно по-ленински. Если же выбранная стратегия не приносила нужного результата, доселе железный и непоколебимый Ленин, в мыслях которого, казалось, не было места сомнениям в правильности своих действий, замечал не порядок одним из первых и изменял ее с приводившей в изумление соратников и врагов быстротой. Он был великим мастером крутых поворотов. Кроме того, он был великим мастером оказываться в нужное время в нужном месте — и делать в этом месте, в этот момент все, что необходимо для победы. «Сегодня рано, завтра будет поздно». Мемуаристы описывали, как на заре своей борьбы, замешанный в студенческом бунте, молодой Владимир Ульянов имел примечательный разговор с жандармским приставом. «Что же вы бунтуете, молодой человек, ведь стена», — говорил ему сердобольный жандарм. «Стена, да гнилая: ткни и развалится»,

— отвечал будущий Ленин со свойственной молодости задорной наглостью. Он имел право на эту наглость: много позже он ткнул таки стену, и стена действительно развалилась; но развалилась она потому, что он знал, чуял *куда* ткнуть. Время и место для тычка было выбрано безупречно: сотни пальцев беспорядочно и остервенело тыкали в нее, но развалилась она именно перед ним.

Диалектика Ленина

В. И. Ленин на параде
войск Всеобуча, 1919 г.

Единство и борьба противоположностей. Владимир Ильич Ленин является, безусловно, одной из самых противоречивых исторических фигур. Циничный идеалист, мудрый фанатик, упрямый скиталец, зоркий слепец, чуть ли не благословленный небесами на штурм небес же — образ, мало приспособленный к пониманию исторических профессоров с плоскими задами... Победоносность ленинской политики, конечно же, обусловлена, прежде всего, его умением *объединять и мобилизовывать* в себе эти противоречия для решения глобальных, сверхчеловеческих задач. В теории почти утопист, на практике он был предельно реалистичен и скептичен; поставив своей задачей служение человеку, жестоко изгонял из него *слишком человеческое*; чаяния широких народных масс осуществлял руками немногих стройжайше отобранных; победил, чтобы проиграть — или проиграл, чтобы победить: последнее мы еще не можем выяснить. Перечень объединенных гением Ленина противоположностей можно продолжать и продолжать — именно их единство и привело его к победе.

Количество и качество. Вопрос о Ленине и массах один из самых сложных и самых поучительных. «История, — писал Ле-

нин в 1920 году, — знает превращения всех сортов. Полагаться на убежденность, преданность и прочие душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо». Здесь нет ни малейшего фетишизирования масс, нету и намека на воспевание стадного инстинкта, свойственное большинству левых революционеров. Борьба Ленина есть в первую очередь *утверждение принципа*. Разумеется, Ленин был убежден, что этот принцип утверждается в конечном счете во имя народа и для народа, но *знание* на данном историческом этапе *принадлежало посвященным*. Посвященным следовало организовываться, для того, чтобы, возглавив массу, повести ее к победе⁵¹. «Может ли сила сотни превышать силу тысячи? Может. И превышает, когда сотня организована» — говорил Ленин. Это — не просто историческое наблюдение; у Ленина, максимально ориентированного на текущий момент, на *здесь и теперь*, вообще трудно отыскать *только* наблюдения; это — руководство к действию. Менее всего большевик номер один страшился остаться в меньшинстве. Отсутствие такой боязни и позволило ему победить в семнадцатом году, когда после «Апрельских тезисов» от него отвернулись даже товарищи по партии. Знаменитое ленинское «Что делать», написанное еще раньше и наделавшее много шума в рядах аморфных и нерешительных социалистов, есть рекомендация и инструкция по строительству *ордена*. В сущности, концепция Ленина религиозна: она подразумевает не столько традиционный марксистский переход количества в качество, сколько торжество качества в количестве, качества, как бы являющегося извне, *нисходящего* на количество, качества запредельного и метафизического⁵². Ленин ощущал себя наиболее чистым во-

⁵¹ Постленинская массовость коммунистической партии, антропологические типы ее вождей, скорее всего, привели бы Ленина в бешенство.

⁵² Современники из числа классических социалистов чуяли это, часто ругая Ленина духовным сыном недостаточно философски- и политкорректных для интеллигентского общества того времени Бакунина и Бланки.

площением этого качества — история показала, что это ощущение было абсолютно справедливым.

«Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции», — эти слова Ленина, сказанные еще в 1905 году, иллюстрируют его понимание революции как духовного процесса. Не просто политик, занимающийся мышшиной возней во имя меркантильных, собственных или массовых, интересов, но пророк, *аватара*, отбросивший всякую внешнюю псевдорелигиозную мишуру — и при этом утверждающий всей жизнью и деятельностью своей великую внечеловеческую ценность — таким предстает Ленин перед потомками.

Отрицание отрицания. Уже упоминавшийся Гейдар Джемаль, наиболее глубокий и серьезный современный исследователь феномена ленинизма, видит главнейший пафос Ленина в «срывании всех и всяческих масок» (фраза принадлежит Владимиру Ильичу). «Мало кто понял в свое время, — говорит Г. Джемаль, — что эта брошенная Лениным хлесткая идиома ознаменовала революцию внутри революции — освобождение от целого культурного пласта, обременяющего догматический марксизм. “Срывание масок” по Ленину есть, говоря языком психоанализа, разоблачение коллективного “сверх-Я”, свойственного данному обществу. Другими словами, интеллектуальный прием ленинизма — скальпельный удар, вскрывающий анатомию господствующего над психикой и сознанием людей духовного авторитета, развенчивающий его харизматический пафос и уничтожающий его моральный гипноз. Речь идет о новом этапе метафизического нигилизма, обращенного на то, что с точки зрения высшей правды и впрямь должно быть уничтожено. В ленинском пришествии короли не только голы, они изначально лишены возможности “одеться”».

Вот почему имя и наследие Ленина одинаково неудобны и опасны для королей мира сего, какие бы формы не принимало их царствование — формально демократические или заведомо тоталитарные. В современной России Ленина ненавидят как «либералы», так и «консерваторы», ибо он не только создал учение, отрицающее их избранничество, но и, руководствуясь этим учением, сумел построить принципиально новый тип ми-

роустройства, в котором их правлению не было места — создать тот самый *прецедент*, о котором мы говорили выше.

Глубинный пафос Ленина, этого коммунистического фанатика — жестокая воля к истине. «Ленин был Великий Отрицатель, — писал модный ныне Черчилль. — Он отрицал все. Он отрицал Бога, царя, отечество, мораль, договоры, долги, законы и старинные обычаи, всю систему человеческого общества. В конце концов, он отрицал самого себя. Он отрицал коммунистическую систему»⁵³. Черчилль так и не сумел понять своего великого врага. Иисус Христос, которого ему случалось поминать всеу, тоже отрицал «всю систему человеческого общества». Именно в этом смысле и следует рассматривать ленинский «нигилизм». Его тотальное, бескомпромиссное отрицание было, используя термин из словаря его любимой диалектики, *отрицанием отрицания*, отрицанием всякой системы, уродующей и отрицающей жизнь. Именно поэтому, отрицая, ему удалось создать так много — создать ту державу, солдаты которой оказались в 1945 году в Берлине, сокрушив врага, перед которым Черчилль трепетал.

Гораздо более глубоко понимал Ленина Мохандас Ганди, сказавший:

«Не может быть никаких сомнений, что за идеалом большевизма — благородное самопожертвование мужчин и женщин, которые отдали все ради него. Идеал, которому посвятили себя такие титаны духа как Ленин, не может быть бесплодным. Благородный пример их самоотверженности будет прославлен в

⁵³ Более поэтично эту расхожую мысль выразил русский писатель Куприн: «В сущности... этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиберия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки людьми, доступными капризам дня и колебаниям характера. Этот же — нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного края и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И при том — подумайте! — камень, в силу какого-то волшебства — мыслящий! Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, неподдающаяся мысль: падая — уничтожаю».

веках и будет делать этот идеал все более чистым и прекрасным»⁵⁴.

Бакунинский афоризм, мы уже цитировали его, говорит о том, что разрушение есть созидание. В *реально обращенном* мире истинное есть момент ложного, учил разоблачитель Общества Спектакля Ги Дебор. В этом смысле радикальное ленинское отрицание «истинного» на поверку является *утверждением*, великим *да*.

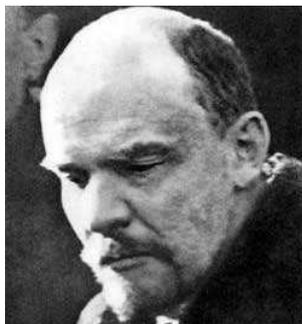
«Может быть, Ленин понимал драму бытия несколько упрощенно и считал ее легко устранимой, так же легко, как легко устранима вся внешняя грязь и неряшливость русской жизни, — писал Максим Горький. — Но все равно для меня исключительно велико в нем именно это его чувство непримиримой вражды к несчастьям людей, его яркая вера в то, что несчастье не есть неустранимая основа бытия, а — мерзость, которую люди должны и могут отмести прочь от себя.

Я бы назвал эту основную черту его характера воинствующим оптимизмом, и это была в нем не русская черта. Именно она особенно привлекала душу мою к этому человеку — человеку с большой буквы».

Ленин является уникальным революционером в том смысле, что пафос созидания проявляется и *доминирует* у него даже тогда, когда речь идет непосредственно о деструкции. Пятьдесят пять томов ленинских сочинений — замечательный и уникальный памятник непрерывному созиданию — созиданию сначала революции, потом — государства, «государства нового типа».

⁵⁴ В XX веке лишь два политика были удостоены чести называться «Махатмой» — Ленин и Ганди. «Махатма» («Великая душа») — понятие религиозное, и может быть применено к простым смертным только в виде исключения.

Как начиналась диктатура

В. И. Ленин на похоронах
М. Т. Елизарова, 1919 г.

Мне уже приходилось писать о том, что взвешенное отношение к Ленину на его родине отыскать трудно. Белый ленинский миф был выгоден властям предрежащим в Советском Союзе, миф черный выгоден в наши дни властям предрежащим на той территории, которую Советский Союз некогда занимал. Поэтому черный миф, разумеется, навязывается сегодня гораздо более активно. В определенный исторический период Ленин был — и сам не отрицал этого — диктатором и террористом, иным и не может быть лидер воюющей страны, если только он не желает этой стране уничтожения. Любопытно проследить, как начиналась ленинская диктатура.

Ниже я привожу несколько отрывков из малоизвестных воспоминаний соратницы Ленина Евгении Богдановны Бош, члена партии с 1901 года. Думаю, человеку эти отрывки должны сказать очень много; наиболее знаменательные, на мой взгляд, места я позволил себе выделить курсивом, в цитируемых письмах Ленина курсив авторский.

«...Постепенно разговор перешел к обсуждению нашей дальнейшей работы на Украине, и Владимир Ильич подробно остановился на расспросах о планах и перспективах, намечаемых и обсуждаемых в партийных рядах.

По вопросам Владимира Ильича и полному отсутствию реплик с его стороны я видела, что *самый больной вопрос* для нас, украинских партработников, — *вопрос о нашей тактике* — и для него еще не ясен. Это заставило меня с наибольшей полнотой и объективностью давать сведения и с сугубой осторожностью высказывать свои соображения.

Владимир Ильич слушал внимательно. И, не переставая спрашивать, так ставил вопросы, что значительно облегчал мне мою задачу, нередко переспрашивая и не спуская испытывающего взгляда, добивался более полного и точного ответа.

В результате информации на заданный мной вопрос: “Что думаете вы, Владимир Ильич?” — он развел руками, провел несколько раз своим характерным жестом рукой по голове, коротко ответил: — Нужно подумать... Мне трудно здесь решать... Подумаем. Потолкуем... А вы сейчас свои соображения сформулируйте и пришлите...

Покончив с украинскими делами, Владимир Ильич заметно оживился, вспоминая пройденный год в России, Октябрьские дни в Петрограде, поведение некоторых товарищей, меткими замечаниями оценивал работу каждого. В нескольких коротких словах охарактеризовав наше внутреннее и внешнее положение, подробно остановился на деятельности Совета Народных Комиссаров и тех трудностях, что мешают скорейшей организации планомерной работы.

Слушая и разговаривая с тов. Лениным, забывала, что перед тобой великий вождь, к слову которого прислушивается не только многомиллионное население России, но и народы всего земного шара, и видела только близкого товарища, безгранично большого человека, который сам не сознает своей великой силы...

На мои сообщения о положении на местах и работе Советов и парторганизаций, что мне удалось наблюдать, возвращаясь с Украины и живя в Тамбовской губернии, Владимир Ильич с болью бросил:

— Головоотяпствуют. Людей нет... Что можно предпринять, по-вашему?..

Говорю, что думала об этом и пришла к выводу, что необходимо перебросить из Петрограда и Москвы часть советских ра-

ботников — рабочих, которые уже проработали несколько месяцев под руководством сильных товарищей и имеют хоть какое-нибудь представление о советском строительстве.

— Вы думаете, они *согласятся* поехать?

Отвечаю утвердительно, прибавив: “Если вы предпишете”. Последние слова вызвали досадливое движение: видно было, что это говорю не я первая. И, точно отмахиваясь от надоедливого жужжания, Владимир Ильич не то спросил, не то ответил со сдержанной досадой:

— *Как это я могу предписать?..*

И, моментально оживляясь, обратился ко мне уже без тени досады:

— Поезжайте-ка сейчас в Питер, расскажите рабочим, что делается на местах, и *убедите* их поехать на работу в провинцию.

В первое мгновение я даже опешила. Но, взглянув повнимательнее в его лицо, увидела, что говорил Владимир Ильич совершенно искренне и как бы даже радуясь найденному выходу. Тут уж я не могла сдержать своей досады: “Неужели Вы не знаете, Владимир Ильич, что Ваше слово для членов партии — закон?.. В Питер я не поеду, это будет бесполезная болтовня. Вы должны, раз это нужно, приказать, и все безоговорочно подчинятся...”

Владимир Ильич задумался... Потом перевел разговор на другую тему. Но при прощании осторожно напомнил: “Вы все же подумайте насчет поездки в Петроград”.

Скоро Владимир Ильич убедился, что он может и *должен* приказывать и что его слово для партии — закон...

До Всероссийского съезда Советов я осталась в Москве — с Украины ушла. После левоэсеровского восстания уехала на работу в провинцию. На этой работе мне пришлось не только чаще встречаться и беседовать с Владимиром Ильичем, но и обращаться к нему за поддержкой и содействием. И тут наряду с безграничным чувством глубочайшего уважения и доверия к Владимиру Ильичу росла и крепла вера: пока Ильич есть, все трудности преодолеем и мы выйдем победителями...

В скором времени после эсеровского восстания в Москве меня вызвал Я. М. Свердлов, чтобы поговорить насчет поездки в

Пензу. Во время нашего разговора в кабинет вошел Владимир Ильич. Таким я его еще не видала... Крайне утомленный, подавленный вид Владимира Ильича производил удручающее впечатление. Поздоровавшись как-то механически и узнав, о чем идет речь, обратился ко мне:

— Если возможно, поезжайте, там необходима твердая рука. Но дело трудное: в пятнадцати верстах фронт, губерния охвачена кулацкими восстаниями...

И, извинившись, что должен помешать нам, так как спешит, заговорил со Свердловым о другом.

Но, закончив разговор, снова обратился ко мне и заговорил о том, какое тяжелое положение создается сейчас в стране, как трудна будет борьба с эсерами... Высказывал опасения, что Петроград и Москва могут *остаться без хлеба*, если эсерам удастся поднять кулачество. Говорил Владимир Ильич отрывочными фразами, без обычного огонька, точно делился тяжелыми, мучительными думами...

При прощании на слова Я. М. Свердлова: “Убедите Евгению Богдановну ехать в Пензу” — устало ответил:

— Что убеждать?.. Если не может, нужно подыскать твердого человека...

Вид Владимира Ильича и предыдущие беседы с ним смели всякие колебания, и я поспешила заявить, что хоть сейчас готова ехать, тем более что на этой работе я уже имею украинский опыт.

Владимир Ильич снова присел и, информируя о положении в губернии, указывал, на что он считает необходимым обратить особое внимание... просил сообщить, чем можно помочь из Москвы, и чтоб со всеми нуждами обращались в Совнарком, “и требуйте от нас, *настаивайте* на срочном выполнении”, и, кончая, несколько раз повторил:

— Обязательно сейчас же телеграфируйте мне, в каком положении найдете губернию...

Прощаясь, Владимир Ильич еще раз напомнил, чтобы я не забыла прислать телеграмму и требования, и прибавил:

— Обещаю быть аккуратным в исполнении и сделать даже невозможное, если этого потребует успех работы.

И Владимир Ильич сдержал свое обещание. Пензенская губерния в тот период являлась одной из важнейших губерний по снабжению хлебом и продовольствием Москвы и Петрограда. В Пензе находилась наша экспедиция заготовления государственных бумаг, в пятнадцати верстах от города — чехословацкий фронт, и эсеры, начавшие вооруженную борьбу против Совета Народных Комиссаров, перебросили сюда свои значительные силы, которые разбросали в полосе фронта и по волостям с целью поднять крестьянство. В этой работе эсерам усиленно помогали попы и офицеры старой армии; последние сумели, скрывая свое прошлое, устроиться на службу в земельном и продовольственном отделах местного Совета в качестве разъездных инструкторов по реализации урожая. Партийных (коммунистов) и советских работников в губернии было очень немного, парторганизации на местах только оформлялись, все наши вооруженные силы из губернии перебросили на фронт, и условия для контрреволюционной работы были весьма благоприятные.

Эсеры прежде всего забросали села и деревни своими воззваниями, в которых сообщали гнуснейшие провокационные сведения вроде следующего: “Совнарком работает в угоду Вильгельму. Тов. Осендовский на митинге в Томске сказал, что в настоящее время имеются на руках у союзников триста документов (будут ими опубликованы в самом коротком времени), из которых видно, что Ленин, Троцкий, Зиновьев, Володарский и Крыленко состояли в сношениях с германским генеральным штабом”. И это не только писалось в воззваниях “К товарищам рабочим и крестьянам” и жирным шрифтом в их органе, легально издававшемся в Пензе, но и говорилось с трибуны на открытых митингах и сходках, где присутствовали и наши руководящие пензенские работники...

На мое сообщение о положении в губернии Владимир Ильич срочно ответил телеграммой от 9 августа 1918 года.

“Пенза Губисполком

Копия Евгении Богдановне Бош

Получил Вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне

города. Экспедицию пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении.

Предсовнаркома *Ленин*”.

10 августа сообщаю Владимиру Ильичу о начавшемся кулацком восстании, охватившем пять богатейших волостей. В ночь на 11 августа по аппарату получаем следующие директивы:

“При подавлении восстания пяти волостей, приложить все усилия и принять все меры, в целях изъятия из рук держателей всех до чиста излишков хлеба, осуществляя это одновременно с подавлением восстания. Для этого по каждой волости назначайте (не берите, а назначайте) поименно заложников из кулаков, богатеев и мироедов, на коих возлагайте обязанность собрать и свезти на указанные станции или ссыпные пункты, и сдать властям все до чиста излишки хлеба в волости.

Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок, исполнение наложенной контрибуции. Общее количество излишков по волости определяется предгубисполкомом и губпродкомиссаром на основании данных об урожае 1918 и об остатках хлебов от урожаев прошлых лет. Мера эта должна быть проведена решительно, стремительно и беспощадно за Вашей, губпродкомиссара и военкомиссара ответственностью, для чего указанным лицам сим даются соответствующие полномочия.

Осуществление меры сопроводить обращением к населению листком, в котором разъяснить значение ее и указать, что ответственность заложников налагается на кулаков, мироедов, богатеев, исконных врагов бедноты. О получении сего телеграфируйте и регулярно сообщайте о ходе операции не реже чем через день.

Предсовнаркома *В. Ульянов (Ленин)*

Наркомпрод *А. Цюрупа*

Наркомвоен *Э. Складанский*”.

Так как руководящие пензенские товарищи были против решительных мер в борьбе с кулачеством, но не возражали по существу полученных директив, а создавали всяческие препятствия и затруднения в проведении их, то мне пришлось ответить Владимиру Ильичу коротко: “Будет исполнено”. И в ответ получила следующую телеграмму от 12 августа:

“Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восстававших кулаков.

Предсовнаркома *Ленин*”.

Тут уж мне пришлось сообщить Владимиру Ильичу, в чем встречаются затруднения.

И через несколько дней нарочный привез мне письмо от тов. Ленина, в котором Владимир Ильич, обращаясь ко всем пензенским коммунистам, доказывал необходимость “беспощадного подавления” кулацкого восстания пяти волостей, указывал, что это необходимо в интересах “всей революции”, “ибо теперь ведь «последний решительный бой» с кулачеством”, советовал найти людей “потверже” и просил телеграфировать “о получении и исполнении”. Письмо носило характер товарищеского совета и было подписано только “Ваш Ленин”.

А еще через несколько дней прибыли из Петрограда пятьдесят коммунистов, рабочих, с первого дня Октябрьского переворота работавших в различных советских учреждениях, вслед за ними тридцать пять партработников, часть — московских районных работников, часть — прибывших из провинции в распоряжение ЦК партии.

После этого легко удалось не только ликвидировать восстание в пяти волостях, *совершенно не применяя вооруженной силы*, но и предупредить возможность новых восстаний.

После двух недель пребывания в Пензе, пользуясь спокойствием в губернии, я приехала в Москву с рядом неотложных дел в отдельные комиссариаты, которые не только плохо обслуживали губернию, но не считали даже нужным отвечать на срочные запросы. И, бесполезно промыкавшись два дня и не получив ни единого положительного ответа, решила идти к В. И. Ленину за поддержкой.

Владимир Ильич сейчас же принял, не заставив ожидать и трех минут (в комиссариате же мне приходилось тратить от одного часа до двух на ожидания приема у наркома), и встретил укоризненным покачиванием головы — зачем приехала. Почему

не прислала ему копии телеграмм, отправленных в комиссариаты?

Объясняю, что не считала возможным затруднять его мелочами.

Владимир Ильич всплил:

— Не считаете возможным!.. Хотите новых восстаний и без хлеба оставить рабочих... В вашем распоряжении прямой провод, телеграф, живые люди, которых вы можете в любое время прислать ко мне со всеми требованиями... Сейчас же, немедленно поезжайте обратно и копии всех требований направляйте мне... — И, сразу смягчившись, убеждающим тоном и с нескрываемым беспокойством добавил: — Лучше не приезжайте. Теперь не следует и на час оставлять губернию.

Все имевшиеся у меня дела были решены в течение каких-нибудь десяти — пятнадцати минут. Владимир Ильич слушал, задавал вопросы, высказывал свое мнение, спрашивал мое и тут же немедленно, по каждому решенному вопросу, давал распоряжения секретарю, звонил по телефону, писал записки и давал мне указания, как действовать в комиссариатах... Все это делалось без малейшей суеты, с предвидением всех возможных случайностей, с учетом имевшихся возможностей и громадным желанием облегчить работу на местах.

В тех вопросах, где требовалось основное изменение принятых ранее постановлений, Владимир Ильич находил выход путем применения временных мер, обеспечивающих возможность работы до решения вопроса...

Ушла я от Владимира Ильича вполне удовлетворенная, с небольшим количеством записок: “Принять срочно”, “Изыскать возможности, а пока выдать требуемую сумму” и пр. и пр., с приливом новой энергии и бодрости. Все затруднения в работе теперь казались пустяками, легко преодолимыми...

Не забыть мне выговора, полученного от Владимира Ильича за то, что сейчас же не сообщила о ряде недоразумений, вызываемых приказами и предписаниями руководящего работника Реввоенсовета фронта, направленными парткомитету и губисполкому, и произведенным им арестом председателя губисполкома, предгубчека и военкома за то, что по его требованию в двадцать

четыре часа не было освобождено помещение губчека для Реввоенсовета фронта.

Мои возражения, что в своем докладе я указывала на трения, существующие между военными организациями и местными партийными и советскими органами, но не касалась действий отдельных работников, так как в конце концов все возникающие недоразумения улаживались на месте, Владимира Ильича не смягчили.

— “Недоразумения”!.. “Улаживали”! Вместо того чтобы раз навсегда пресечь... А подумали ли вы о том, что о нас будут говорить массы?!

Считая выговор незаслуженным, я указала Владимиру Ильичу, что товарищ — ответственный работник, назначенный ЦК партии, и что, собственно, нужно было осторожней давать назначения.

Владимир Ильич не сдавался:

— “Назначенный ЦК партии!”... “Назначенный ЦК партии”!.. Откуда ЦК партии может знать, как проводятся его директивы, если вы, находясь на местах, не считаете нужным сообщать... Если не считали удобным писать, то почему не приехали раньше?!

Отвечая Владимиру Ильичу, я указала, что, на мой взгляд, дело не столько в лицах, сколько в нарождающемся новом методе работы, который проводится пока ощупью (эта беседа происходила в январе 1919 года), что я с этим сталкивалась уже и в других местах, где партработники-военные разговаривают с местными партийными и советскими организациями не путем убеждения, а военными приказами, и что, по-моему, это неизбежно вытекает из существа военной работы. И для меня весь вопрос заключался в том, необходим ли этот метод работы, и если да, то я бы считала, что центр должен дать соответствующие указания военным и партийным работникам. А пока острота конфликта зависит от большего или меньшего такта и политической зрелости военного партработника. Сильный товарищ проведет любой приказ так, что парткомитет и исполком примут его как свое решение, а послабей и с меньшим тактом, да еще не умеющий выступать, вынужден действовать сухими, короткими приказами и предписаниями.

Владимир Ильич внимательно слушал и, перейдя на обычный дружеский тон, требовал примеров, подтверждающих мои соображения, и подробно остановился на расспросах, как реагируют массы на приказы наших военных органов.

Я заметила, что намечающийся новый метод работы, особенно если будет проводиться нетактично, грозит отрывом от масс и что на этой почве может развиваться не только недовольство масс своими руководящими организациями, но и серьезные трения между членами партии, что, по-моему, образует прорыв между верхами и низами. Владимир Ильич ответил после некоторого раздумья:

— Да, тут нужно подумать...

По тону Владимира Ильича и по последовавшему предложению: «Не взяли бы вы на себя организацию контроля и инструктирование организаций на местах?» — видно было, что последнее замечание затронуло тревожившие Владимира Ильича опасения и что он ищет выхода».

Воспоминания Бош интересны тем, что именно цитируемая в них череда ленинских записок выдавалась в свое время как «компромат» на Ленина. Мириады профессиональных лениноведов в «перестройку» вопили, что теперь «открывшиеся архивы» открыли им глаза на «подлинного» Ленина, хотя содержание этих записок было совершенно официально доступным не только в мемуарах большевички Бош, но и в каноническом Полном Собрании Сочинений В. И. Ленина.

Рассказанная история весьма красноречиво свидетельствует о том, как формировалась диктатура в период гражданской войны. «Скоро Владимир Ильич убедился, что он может и должен приказывать». Именно так, должен. Сегодня мало кто знает, что национализировал заводы Ленин с великой неохотой — настроение в массах были таковы, что ему пришлось пойти на эту меру. «Всякой рабочей делегации, — говорил Ленин весной 1918 года, — всякой рабочей делегации, с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы произ-

водите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано».

В чем заключался главнейший парадокс пребывания Ленина у власти? Желая создать государство, *народное* не на словах, а на деле, он чутко прислушивался к чаяниям масс. Но оказалось, что главнейшее из этих чаяний является *потребностью подчиняться*⁵⁵. Кухарка не захотела учиться управлять государством; ей нужно было, чтобы эту тяжесть взвалил на свои плечи кто-то другой. В условиях блокады и гражданской войны, когда вопрос стоял об элементарном выживании большей части народа, Ленин сделал это; он стал диктатором, решительным и беспощадным. Со свойственной ему прямоотой он не стал маскировать диктаторские элементы своей государственной машины фиктивными демократическими механизмами, как того требует лицемерная религия «общечеловеческих ценностей». Однако своей сокровенной мечты о том, чтобы поднять массу до осознания ее собственных интересов и поставить ее у государственного руля, он так и не оставил. Следует признать, что на этом пути он добился значительных успехов, учитывая сложность, а может быть даже невыполнимость, такой задачи. Знаменитый призыв Ленина к рабочим беречь советское государство и в то же время бороться с этим государством относится именно к этой области. Смерть Ленина и дальнейший рост напряженности в международных и внутрисоветских отношениях окончательно поставили крест на подобных попытках. Последняя попытка такого рода была предпринята Лениным перед самой его смертью. В этой книге мы еще скажем о ней особо.

⁵⁵ Словосочетание из лексикона Адольфа Гитлера, превосходного знатока психологии массы, в свое время виртуозно сыгравшего на этой потребности.

Приход к власти

В. И. Ленин направляется к поезду,
который увезет его в Россию, 1917 г.

Зависимость, как политическая, так и экономическая, Российской Империи от «развитых» стран к 1917 году была весьма серьезной. Это показывает хотя бы та легкость, с которой удалось ведущим державам втянуть ее в совершенно ненужный для нее конфликт с Германией. В экономике России повсюду хозяйничали зародыши тех самых корпораций, которые век спустя будут фактически открыто править миром. Так, например, одна только компания «Шелл», та самая, что рисует ракушку на своих рекламных щитах, контролировала пятую часть всей российской нефти. Иностранный капитал проник в экономику России так глубоко, что даже кондитерские фабрики Москвы и Петербурга принадлежали чужеземцам Борману, Эйнему, Сиу... О финансово-банковской системе можно и не говорить. Царизм, даже такой, который попустительствовал текущему положению дел, больше не соответствовал сложившейся ситуации, с точки зрения главных ее заправил, настолько, чтобы терпеть его далее. В этом были едины и стремительно крепнущая отечественная буржуазия, и зарубежные «интересанты». Бедственное и при-

тесненное положение народа усугубилось войной настолько, что теперь его руками можно было загрести какой угодно жар — можно было совершить революцию, одинаково выгодную правящей *de facto* прослойке, как в Империи, так и за рубежом. И такая революция свершилась.

Природу и механику ее быстро уловил находящийся в эмиграции Ленин. «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти», — писал он еще за двенадцать лет до нее.

Сам Ленин рассматривался организаторами процесса как всего лишь еще одна экстравагантная фигура в их игре, очередной причудливый персонаж российской смуты — они не подозревали, что сами скоро станут фигурами в игре Ленина. Особый интерес имел, разумеется, германский генеральный штаб, который и способствовал приезду большевистского ядра в Россию. Сегодня очень много об этом говорится, вокруг этого создаются самые разные спекуляции. Рептильная журналистика мусолит одну и ту же историю о немецких деньгах Ленина; но если даже он действительно получал деньги от кайзера, что довольно сомнительно, то самое главное — на что он эти деньги употребил. А употребил он их в таком случае на вторую русскую революцию, которая смела весь тогдашний оранжевый сброд и привела ко власти партию, которая сумела найти выход из безвыходной, казалось, ситуации, сумела ответить на все вопросы, поставленные временем, более того — сумела подчинить это время себе, надолго определив его стиль. Одним из многих результатов тогдашней ленинской деятельности явилась, уже через год, революция в Германии и падение Гогенцоллернов, марионеткой которых, как нас хотят уверить, являлся Владимир Ильич. То есть в этом случае Ленин сумел свергнуть кайзера на его же деньги! Великий князь Александр Михайлович позже с горечью писал об отношениях Ленина и Людендорфа: «Генерал старался оставаться серьезным, думая о сумасбродстве этого “теоретика” Ленина. Двадцать месяцев спустя коммунисты здорово посмеялись над Людендорфом, когда революционная чернь хотела его арестовать в Берлине, победителя при Танненберге».

Продолжим, однако, о том, что интересует нас особо, в рамках заданной темы. Помогая Ленину приехать в Россию, германский генеральный штаб надеялся, что прибытие опасного

смутьяна поможет дестабилизировать и без того нестабильную ситуацию в России. Англия, Франция и Америка были, в свою очередь, заинтересованы в контролируемом хаосе в союзной державе, который во всех отношениях сбрасывал Россию со счетов⁵⁶, но с которого можно было бы снимать пенки, например, обеспечивать на текущий момент фронты мировой войны нужным количеством русского пушечного мяса. И те и другие видели в Ленине и его партии лишь очередной элемент хаоса. «Крайний социалист или анархист по фамилии Ленин произносит опасные речи и тем укрепляет правительство; ему умышленно дают волю; своевременно будет выслан», — телеграфировал тогдашний американский посол в России государственному секретарю США⁵⁷. Приход большевиков к власти всерьез не рассматривался ни одной из противоборствующих в первой мировой войне сторон. Но очень скоро им пришлось рассматривать его вполне серьезно.

В наши дни пользуется большой популярностью фраза о том, что Ленин *всего лишь* поднял власть, валявшуюся на мостовой; тому, кто изрек ее, вероятно, не приходилось поднимать власть не то что над великой державой, но и над собственной женой. Для того чтобы в той ситуации *поднять* власть с мостовой, более того, — *удержать* ее, нужно было быть политическим атлетом громадного масштаба.

Все тот же американский посол писал тогда американскому консулу в Москве: «Говорят, что Петроградский совет рабочих

⁵⁶ В 1919 году Госдепартамент США опубликовал карту расчлененной России со следующими пояснениями:

«Всю Россию следует разделить на большие естественные области... при этом ни одна не должна быть настолько самостоятельной, чтобы образовать сильное государство».

⁵⁷ Посол Франции в России Морис Палеолог оказался куда более прозорлив. Еще до Октябрьской революции он сделал в своем дневнике такую запись о Ленине:

«Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный никакому чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно гордый, Ленин отдает на службу своим мессианистическим мечтам смелую и холодную волю, неутомимую логику, необыкновенную силу убеждения и умение повелевать... Субъект тем более опасен, что говорят, будто он целомудрен, умерен, аскет».

и солдат создал кабинет, в котором Ленин — премьер, Троцкий — министр иностранных дел, а мадам или мадемуазель Коллонтай — министр просвещения. Но я считал бы такой опыт желательным, ведь чем нелепее ситуация, тем быстрее можно ее изменить». Интервенцию против молодого Советского государства Антанта начинала в полной уверенности в том, что не встретит сколько-нибудь организованного сопротивления. Как мы знаем, они ошибались. Ленинская власть смогла отстоять революцию и создать фундамент государства, ставшего одним из основных политических игроков двадцатого века.

Ленин и патриотизм

В. И. Ленин в эмиграции
в Париже, 1910 г.

Вопрос о патриотизме Ленина — один из самых обсуждаемых в российских национально озабоченных, патриотических кругах. Ленинская команда, действительно, была весьма разнородной национально. Представители некоренных национальностей, евреи, венгры, латыши, китайцы даже, вовсе не были редкостью среди красных революционеров. В результате свержения старой российской элиты, совсем немногочисленной, к власти пришли ее самые непримиримые противники, вчерашние маргиналы — не только в национальном, но и в куда более широком смысле. Плотины прорвало. Застарелые обиды, недоразумения и противоречия хлынули наружу. Не очень разумно рассуждать о том, хорошо это или плохо. Это — закон всякой революции.

Всякой революции предшествует *брожение*. Отчаяние, безверие и раздражение копится в народе, придавленном чугунной крышкой несвободы. Революция свирепа. Революция беспощадна. Революция жестока. Революция безобразна по форме и праведна по содержанию.

Таким образом, энергия революции по существу *негативна*. Заслуга Ленина как государственного мужа в том, что он сумел не только возглавить революцию, но и обуздать эту энергию, направив ее в позитивное русло. В сжатые, невиданные в исто-

рии сроки Ленин вывел страну из войны, голода и депрессии, начав строить государство радикально нового типа⁵⁸. Величие Ленина — не только в масштабах свершенного, но и в масштабах задуманного. Без ленинской великой дерзости двадцатый век был бы совсем иным.

Тем не менее, в наши дни среди русских считается хорошим тоном сокрушаться о судьбе национальной элиты, уничтоженной inferнальными большевиками. Особенно пикантно такие сожаления звучат из уст потомков деревенской перекатной голи или местечковых портняжек. Можно и должно сожалеть о судьбах отдельных людей, среди которых было немало подлинных аристократов духа, но нельзя не признать, что исторически жестокое уничтожение той, старой элиты было закономерным. Это была элита, тотально отгородившаяся от страны, которой она правила, элита, полностью замкнувшаяся на себе самой, элита, неспособная принять жизненно необходимый прилив новых сил, элита, «страшно далекая от народа», элита, не справившаяся со своими обязанностями — не просто не справившаяся, но и ввергнувшая свой народ в величайшую катастрофу.

Как написал революционный поэт Багрицкий,

*...И только кучка юнкеров,
В шинелях пугаясь широких,
Осталась верной. Путь готов
Для крепких, страстных и жестоких.*

В своем отношении к старой имперской элите Ленин был беспощаден и непримирим и сделал все, от него зависящее, чтобы ускорить ее падение и больше не дать ей подняться.

Существовала ли в принципе возможность ее реванша?

⁵⁸ Гражданская война в России, в развязывании которой обвиняют персонально Ленина, что каждому мало-мальски знакомому с историей представляется вздором, именно Лениным была прекращена в кратчайшие сроки. Ситуация вполне могла пойти по пути Китая, в котором гражданская война, усугубленная японской оккупацией, длилась сорок лет, тем более что именно такой путь, как уже писалось, представлялся крайне выгодным могущественнейшим мировым державам.

Пожалуй, вопрос о прежней элите как о *самостоятельной* исторической силе был отброшен. Иное дело, кем могли быть использованы ее агрессивные остатки.

«Еще в конце декабря 1917 г. Лондон и Париж разделили сферы влияния на Юге России (в английскую включались Кубань, Северный Кавказ и Закавказье, во французскую — Бесарабия, Украина и Крым) и начали оказывать прямую помощь генералам Каледину, Алексееву и Корнилову. Англо-французские проекты включали также высадку японцев в Приморье и занятие ими Транссибирской магистрали, установление контроля над северными морскими портами и возможную прямую интервенцию в Россию», — пишет в предисловии к познавательной книге Д. Дэвиса и Ю. Трани «Первая холодная война» Никонов, внук Молотова и профессиональный конформист. Тем интереснее этот исторический экскурс, что он сделан *в наши дни* устами профессионального конформиста.

За несколько лет большевики не только укротили гражданскую войну, но и выиграли войну за независимость. Мало-мальски объективный исследователь будет вынужден признать это вне зависимости от своего отношения к ним. История в очередной раз продемонстрировала свою парадоксальность, сделав записных патриотов пособниками интервентов, а отчаянных ниспровергателей — строителями государственности.

Кстати, на вопрос о том, кому принадлежала патриотическая миссия в гражданской войне, дал вполне исчерпывающий ответ все тот же Черчилль. Вот что он писал в своемopusе под названием «Мировой кризис» (курсив наш):

«По совету генерального штаба, начиная с июля месяца 1919 года Англия оказывала Деникину главную помощь, и не менее 250 тыс. ружей, 200 пушек, 30 танков и громадные запасы оружия и снарядов были посланы в Чёрное море и Новороссийск. Несколько сотен британских армейских офицеров и добровольцев в качестве советников, инструкторов и хранителей складов помогли организации деникинских армий...

Было бы ошибочно думать, что в течение этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело».

Еще более серьезный враг большевизма, доктор Йозеф Геббельс, выразился о миссии Ленина совсем определенно:

«Ни один царь так не постиг русский народ в его глубине, в его страстях, в его национальных инстинктах, как Ленин».

«Этому народу, — говорил Геббельс, — не хватает доступа к свободе, не только конкретного доступа, но и любого доступа. Он будет приветствовать и жадно поглощать все, страстно отдаст себя тому, кто пообещает ему свободу. Тот, кто в один день выведет его из бедствий, станет его спасителем, его апостолом, его Богом. Среди этих людей самым великим был Ленин. Он хотел указать путь этому народу. Для этого народа он стал **всем**».

Отдельный вопрос — вопрос о Ленине и об империи. Русские националисты обвиняют Ленина в том, что он погубил Российскую Империю. Белорусы и украинцы, население бывших российских «окраин», упрекают его скорее в том, что он эту империю в конечном счете сохранил: созданный Лениным Советский Союз в итоге вернулся к имперскому принципу.

Вопрос об имперском принципе для белорусов и украинцев далеко не праздный. Эта империя прошла по нам, как катком, под гнетом этой империи мы потеряли огромные человеческие и исторические ресурсы. Только два примера из далекой истории — чтобы, во избежание национальных недоразумений, не ворошить историю более близкую. В результате только первой попытки присоединения белорусских земель к Московскому государству в 1654-66 гг. 53% белорусов было уничтожено московскими войсками. В Витебске и Полоцке, например, было уничтожено 94% и 93% населения соответственно, включая женщин с детьми. Причем выжигалось все подряд, зданий тех времен не сохранилось фактически на белорусской территории, разве что обгорелые развалины. Нехорошо было и с Украиной, грамотный, удивительно талантливый народ которой стали использовать как неодушевленный материал для имперского строительства. Санкт-Петербург, вторая столица Российской Империи, построен не просто белорусами и украинцами, но и на их костях.

Вот описание работ на Ладожском канале, задуманном для укрепления Петербурга, сделанное в донесении российскому

сенату полковником Черняком: «При Ладоге на канальной работе многое число казаков больных и умирающих находится, и с каждым разом все более умножаются болезни тяжкие — всего более укоренилась горячка и опухоль ног, и мрут из-за этого, однако приставленные офицеры, невзирая на такую нужду бедных казаков, по повелению господина бригадира Леонтьева без всякой жалости немилосердно бьют при работе палками — хоть и так они ее не только днем и ночью, а даже и в дни воскресные и праздничные исполняют. Боюсь я, вследствие сего, чтобы казаков тут не погубить, как в прошлом году — а их разве что третья часть в году прошлом домой вернулась...» А вот что писал тогда царю Петру гетьман Полуботок: «За все это мы вместо благодарности получили одно лишь презрение и обиды, в последнюю неволю попали, платим дань позорную и непереносимую, принуждены копать валы и каналы, сушить болота непроходимые, удобряя их трупами наших покойников, кои целыми тысячами гибнули от усталости, голоду и воздуха нездорового; и все те беды и обиды наши теперь еще приумножились при нынешних порядках: начальствуют над нами чиновники московские, не знают прав и обычаев наших и почти безграмотны — знают только, что им все над нами творить можно». Существуют многие, поздние и ранние, примеры, улики и доказательства жесточайшего угнетения «братьев-славян», и когда сегодня российские историки заявляют, что Россия единственная в мире не грабила свои колонии, а чуть ли не одаривала их — это сознательная и наглая неправда.

Настоящая история «окраин» — одна из печальнейших на свете. Воистину одарившие языком и культурой громадную территорию к востоку от себя, они потеряли независимость в результате действий как запада, так и этого востока, которые, противостоя друг другу, в неприятии белорусской и украинской «самостоятельности» были очень похожи. Входя в состав Империи, «окраины» имели более высокий научный и культурный потенциал, чем ее «исконные» земли: население «окраин» напрямую соприкасалось с более развитой научно Европой и могло брать оттуда все самое лучшее. Так, например, типографии на их территории, которые так долго изничтожали, и все никак не могли изничтожить, русские цари, были созданы задолго до

типографий московских (технология печати пришла в Московское государство именно с белорусско-украинских земель). Прибрав к рукам эти более просвещенные страны, Империя устроила на их территории *культурный погром*. Наиболее ценные кадры вывозились вглубь Государства Российского (те, кто стал работать в Империи, оказал громадное влияние на ее науку и культуру), а из «опекаемых» территорий со всеми остальными делались окраины уже не в кавычках, но самые что ни на есть непосредственные. Империя даже не пыталась использовать весь предоставленный в ее распоряжение потенциал. Умники всегда более склонны к свободе, чем к рабству, а свободолюбивые умники ей нужны не были. Главной задачей было — лишить «окраины» этого потенциала, погрузив их в бедность, крепостничество и невежество, подавив тем самым волю к сопротивлению. При этом все средства были хороши. Так, в белорусских губерниях налоги несколько десятилетий собирались не в ассигнациях, а в звонкой монете. Это делало их более тяжелыми в четыре-пять раз.

Страшная цитата из речи Г. И. Петровского на заседании IV Государственной Думы в 1913 году (написанной Лениным, этот фрагмент мне удалось отыскать только на украинском языке в книге Ивана Дзюбы «Інтернаціоналізм чи русифікація?»):

«Я мушу вам сказати, що розвідка 1652 року архідіякона Павла Алепського про письменність на Україні говорить, що майже всі домашні, і не тільки чоловічий персонал, але й жінки і дочки, вміють читати. Переписи 1740 року і 1748 року говорять, що в семи полках Гетьманщини — Полтавської і Чернігівської губерній на 1904 села припадало 866 шкіл з викладанням українською мовою. Одна школа припадала на 746 душ. В 1804 р. видано було указ про заборону вчитися українською мовою. Результати національного гнету позначаються далі. Перепис 1897 р. показав, що найбільш малописьменний народ у Росії — українці. Вони на найнижчому ступені. Це було в 1897 р. і тоді виходило на 100 душ населення 13 письменних».

Националисты используют все эти факты для того, чтобы привить у наших народов неприятие к русским — но ведь трудно найти более схожие народы, чем русский, белорусский и украинский!

Гнет Империи не вызывал у украинцев и белорусов ненависти к русским. В мужичье, таком же драном, бесправном и ободранном, как они сами, «окраины» не могли видеть врага. Со своей стороны лучшая часть русского народа понимала, что задача борьбы с Империей есть для самих русских, страдавших от нее, задача *национально-освободительная*. Октябрьская революция покончила с Российской Империей, подняв, пусть ненадолго, на невиданную до того высоту построенную, вопреки дичайшему гнету, совместными усилиями трех народов цивилизацию. Мы вправе гордиться этой вехой нашей общей истории, пусть омраченную сталинскими преступлениями и конечным поражением советского проекта.

Не стоит сегодня обвинять русский народ в избыточном шовинизме — шовинизмом в той или иной степени болеет любая нация, и будет болеть всегда. Беда русского народа — в стремительно становящемся модным «имперстве», весьма заманчивом внешне после десятка лет непрерывных унижений. «Имперство» воспринимается как панацея и даже как единственно возможная форма существования народа России — между тем как именно для этого народа оно означает окончательное и фатальное закрепление кабалы. При этом радеют об империи наиболее этой империей придавленные. Между тем, вопрос ставится очень просто: что является приоритетом — империя как таковая или справедливое устройство общества? И зачем вообще нужна империя, если она угнетает своих граждан? Более точно — кому нужна?

«Империя, — пишет старый добрый Советский энциклопедический словарь, империя — государство, глава которого — монарх, король, император. Как правило, имела колониальные владения». Упор поставлен абсолютно правильно. *Главное в империи — это император*, а вовсе не патриотизм и любовь к родине ее подданных. Скорее наоборот, в классической империи патриотизм есть нечто совершенно чужеродное (само понятие патриотизма возникло во Франции, когда она декларировала отказ от имперскости). Можно сказать и по-другому: империя — это захватнически-колониальная форма существования нации, характеризующаяся жестким подавлением свобод, в том

числе свобод коренного населения. Сильное, мощное, блистательное государство и империя не всегда одно и то же. Империя всегда основана на несправедливости. СССР неотвратимо разрушился, как только стал приобретать черты империи, а режим старой Российской Империи был более антиславянским, нежели славянским. Сказанное относится не только к украинцам и белорусам, но и к русским. Когда мировые рынки были завалены российским зерном, российские же деревни умирали с голоду! Этот режим и возрождается сегодня потихоньку, неспроста даже Чубайс говорит уже о «либеральной империи» (еще Ельцин с Киселевым, помнится, очень хотели возродить монархию). Империя и может быть возрождена только и исключительно в виде газового чубайса, нещадно кровососущего собственных подданных. Есть доминирование рациональное и адекватное в западном стиле, а есть иррациональное и саморазрушительное, как в Российской Империи, когда угнетение окраин достигалось фактически за счет угнетения «великорусского» населения. Сама форма русского империализма была максимально отчужденной от самих русских как нации. В сущности, он поставил в свое время русский народ на краю пропасти (и ставит сейчас). Сопротивляясь, этот народ дал много славнейших борцов с империализмом. Наряду с Московской, Россией царей, сатрапов и держиморд, была и другая Россия, лучше сказать Русь — разночинцев, бегунов, правдоискателей и мальчишек с горящими глазами. А сегодня русский народ снова с телячьим восторгом впрягается в старый имперский хомут. Но долго, если все-таки запряжется, он в этом хомуте не протянет.

Феодално-вертикальная конструкция в 21 веке неизбежно распадается. Связи должны быть горизонтальными. Возьмем пресловутые Соединенные Штаты Америки: столица этого государства находится в Вашингтоне, а, скажем, Лос-Анджелес город еще более внушительный. Нью-Йорк, в свою очередь, развит более Лос-Анджелеса. Это обеспечивает равномерность напряжения в системе, и такая система оказывается гораздо более прочной, чем предельно централизованная московская. Согласно этому же принципу развиваются и Евросоюз, и Китай. Такой принцип, как перспективу, имел в виду и Ленин при создании Союза Советских: он понимал, что в противном случае

рано или поздно распад будет неизбежен. Малоизобретательные наследники повернули назад, и тем самым именно к распаду. В сегодняшней России именно Москва является рассадником антироссийского зла.

Впервые в истории Государство Российское возглавил последовательный антишовинист — и именно этот антишовинист придал этому государству и русскому народу величие⁵⁹. Фанатичный интернационалист, Ленин недооценивал национальную составляющую государственного строительства, а иногда и сознательно игнорировал ее. Однако роль Российской Империи в истории «краин» он понимал очень хорошо. Так, в одном из своих последних писем Ленин замечает:

«...Интернационализм со стороны угнетающей, или так называемой великой нации (хотя великой только своими насилиями, великой только, как держиморда), должен состоять не только в соблюдении формального равенства нации, но и в таком равенстве, которое сокращает со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, — тот решительно не понимает пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остается в сущности на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения. Что важно для пролетариата? Для пролетариата не только важно, но существенно необходимо обеспечение его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство, для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцам то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесла ему правящая великодержавная нация. <...> Ничто так не задержи-

⁵⁹ Шовинизм русских царей трудно с уверенностью назвать русским. Российская Империя грабила «коренных» почти столь же активно, как и «некоренных». Оно и понятно — какое дело было, например, Екатерине, взбалмошной немке, до русского народа? Конечно, скажем, украинцев она мучила больше и изощренней, потому что русские как бы формально были ее народом, но в общем и на тех, и на других она смотрела одинаково отчужденно, как на человеческий материал, и мытарств хватало на всех, пусть и не совсем чтобы поровну.

вает развития и упрочения пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки обиженные нации, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями.

Вот почему <...> лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить. Вот почему <...> коренной интерес пролетарской солидарности и, следовательно, и пролетарской классовой борьбы требует, чтобы мы никогда не относились формально к национальному вопросу, а всегда учитывали обязательно разницу в отношении нации угнетенной или малой к нации угнетающей или большой».

Продолжая свои записи, Ленин пишет:

«Надо иметь в виду, что дробление наркоматов и несогласованность между их работой в отношении Москвы и других центров может быть парализовано достаточно партийным авторитетом, если он будет применяться со сколько-нибудь достаточной осмотрительностью и беспристрастностью; вред, который может проистечь для нашего государства от отсутствия объединенных аппаратов национальных с аппаратом русским, неизмеримо меньше, бесконечно меньше, чем тот вред, который проистечет не только для нас, но и для всего Интернационала, для сотен миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами. Было бы непостыдным оппортунизмом, если бы мы накануне этого выступления Востока и в начале его пробуждения подрывали свой авторитет среди него малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам. Одно дело необходимость сплочения против империалистов Запада, защищающих капиталистический мир. Тут не может быть сомнений, и мне излишне говорить о том, что я безусловно одобряю эти меры. Другое дело, когда мы сами попадаем, хотя бы даже в мелочах, в империалистские отношения к угнетаемым народностям, подрывая этим совершенно всю свою принципиальную искренность, всю свою принципиальную защиту борьбы с империализмом. А завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и

когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение».

Союз советских наций виделся Ленину прежде всего *классовым* союзом угнетаемых наций против наций угнетенных. Отстоять свою историю, территорию и государственность для восточных славян было тогда и является сегодня возможным, не помышляя о чьей-либо империи, но строя братский равноправный союз наций, так, как это делается в Латинской Америке Кубой, Венесуэлой и Боливией, или налаживая сетевое взаимодействие людей схожего менталитета и схожей культуры, как это делают мусульмане. И здесь Ленин снова весьма актуален, безотносительно коммунистической составляющей его учения.

Сегодня в России часто говорят, имея в виду ленинские положения о национальных республиках, в частности, о праве выхода республик из Союза, что в конструкции Советского Союза была «заложена бомба», и эту конструкцию якобы насилу «подправил» Сталин. Следует, однако, задаться вопросом: почему СССР распался именно тогда, когда эта сталинская поправка была реализована на все сто? Не роковым ли оказалось возвращение к старой, нежизнеспособной конструкции? В Советском Союзе вновь удалось собрать все национальности погибшей империи под одной крышей именно исходя из принципа равноправия. Ленин понимал, что конец этого принципа будет означать конец Советского Союза, настаивая на том, что поиск новых форм взаимодействия необходим для выживания страны, неизбежен, если страна хочет выжить, хотя и весьма рискован; Сталин же пошел по пути наименьшего сопротивления — фактически возврата к старым формам национальных отношений, формам, которые, как показали еще февраль и октябрь, окончательно исчерпали себя и вновь породили мощнейшее национальное сопротивление со стороны «окраин», воспринявших новую старую политику как обман. Поэтому путь этот стал дорогой в небытие.

Ленин сегодня

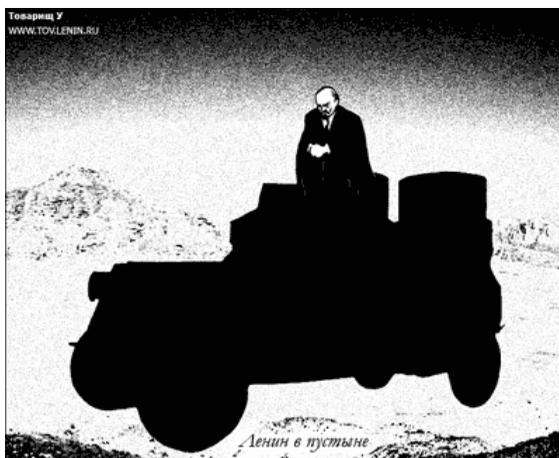
В. И. Ленин, 1918 г.

Сознание восточнославянского человека всегда было общинным, колхозным — как кому больше нравится. Гуртом, говорит украинская пословица, и батьку легче бить. Вне гурта никто бы батьку бить не отважился.

Общинно-колхозное сознание, солидарность и чувство локтя — бесспорные достоинства славянского народа. Но жизнь, как не без естествоиспытательского удовольствия любил подмечать Ленин, сложна и противоречива, и зачастую они оборачиваются безынициативностью, беспринципностью, конформизмом и особой, *духовной трусостью*. В сложившейся ситуации такие качества более чем ужасны — они *гибельны*. Нужно или не нужно культивировать одиночку, как это делает Запад? С одной стороны, культ одиночки — это очередной удар по и так уже искалеченному менталитету. С другой стороны, только упертые одиночки спасут страну, изуродованную идиотизмом и беспринципностью добродушного большинства.

В новой славянской истории есть человек, совместивший в себе упрямый героизм одиночки и способность действовать во

имя как раз таки общины, колхоза, действовать успешно, совмещая фанатическую приверженность самым пламенным ценностям с гениально холодным расчетом, фигура, уникальнейшая не только для локальной истории, но и для истории мировой. Глупости, которые несут на его счет недалекие потомки, только подчеркивают монументальность этой фигуры. Этот человек может и должен быть прочитан именно теперь, после краха коммунистического эксперимента, и только в наши дни, свободные от советских догм, можно оценить подлинное величие товарища Ленина.

Ленин в пустыне. Рисунок Товарища У.

Приложение. Безымянная звезда

По снегу рассыпаны
Значки, причиндалы
Несуществующей страны
Времен скандала.

Наталья Медведева

Когда в дни моего детства мы играли в Гражданскую войну, я всегда был белогвардейцем.

Я предпочитал быть белогвардейцем потому, что чувствовал трагедию и обреченность этих господ, в одночасье лишившихся всего, что было им дорого, чьей-то железной рукою брошенных в вихрь и навсегда закрутившихся в этом вихре. У красных таковой трагедии не было, вернее, за фасадом победившего социализма я, несмышлениш, не мог разглядеть ее. Советская пропаганда рисовала красных как наглых, ржущих, уверенных в себе и торжествующе невежественных мужиков, «верной дорогой идущих» и твердо знающих это. Идеино правильный, я, конечно же, был за них, я был маленький гражданин построенной ими страны, которая обеспечила мне счастливое детство. Помню свой первый день в школе. «Знаете ли вы, ребята, что не все дети в мире могут ходить в школу. В эти минуты миллионы маленьких негров голодают на улицах и в подвалах», — говорила, расхаживая между рядами, здоровенная, расширяющаяся кверху училка. Я представил себя негритенком, грызущим заплесневелую корку в холодном подвале. Вниз по лестнице ко мне, скрипя сапогами, спускался молодцеватый красавчик Гитлер со сверкающим пистолетом в руке, лучик света падал на пистолет из одинокого маленького окошка. «Как же мне повезло, что я родился в Советском Союзе», радостно подумал я... Так вот, идеино правильный, я, конечно же, был за них, мне нравилась их, наша страна, я гордился ей, но эстетически я был не с ними.

Нас принимали в пионеры весной, в день рождения Вождя. «Сегодн' 'с'быи д'нь в'шей ж'зни, реб'та. В'м повяз'ли 'лий г'лстук...» — торжественно гнусавила длинноногая и длинновя-

зая пионервожатая, теперь она живет в Израиле. Хор мальчиков пропел «Погоня, погоня» ужасно пискливыми пионерскими голосами, потом нас повели в кафе под названием «Аленький цветочек», где мы кушали пирожные, пили чай и смотрели мультфильм «Ну погоди». Будущее было безоблачным.

Очень интересно было утюжить пионерский галстук. Я подносил его к крану с холодной водой, и он сразу превращался в комяченную мокрую тряпку. Как только горячий утюг, шипя, касался его, расправленного на гладильной доске, он вновь превращался в гордый 'лый лоскут. Сидя на уроках, я часто жевал его концы, получая нарекания училки.

Пионеры надоедали — металлоломом, макулатурой, песнями, дурацкими навязчивыми мероприятиями. Интеллигентный мальчик, я далек был от этого; возможно, мое чувство отчужденности зародилось уже тогда. Может быть, милосердное провидение исподволь готовило меня к тем временам, когда я стану настоящим белогвардейцем.

Белогвардеец есть не политическая платформа, но состояние души. Политическая составляющая давно выветрилась из этого термина, она принадлежит истории. Белогвардеец — это человек, из—под ног которого навсегда ушла почва, человек, стремительно погруженный в чужеродную среду. Отведите Чапаева в Макдоналдс, покажите Дзержинскому кино про «Американский пирог» — и они немедленно ощутят себя белогвардейцами. Белогвардеец — это перманентное ощущение потери, потери невозполнимой и роковой. Это бунтующий сброд за окном, это сгоревшая маменькина усадьба, это никчемный государь, это Родина, которой нет, и неразрешимый вопрос — кто кого предал, ты ее или она тебя? Белогвардеец — это когда повсюду гремит «Яблочко», а в вашей душе романс «Гори, гори, моя звезда». «Ты у меня одна заветная, другой не будет никогда». Но звезда на то и звезда, она недосыгаема, понимаете ли, может статься, ее вообще давно уже нет, и только свет ее все еще доносится до нас через гигантские астрономические расстояния...

«Товарищ полковник, мы поймали красноармееца». — «Не товарищ, а господин», — верный исторической правде, поправляю я. «А. Короче, господин полковник, мы поймали красноармееца». — «Так значит, большевичок! Ну, говори, где находится

тайник Красной Армии». — «Не скажу. Красная Армия всех сильней». — «Красная сволочь! Расстрелять». — «Я так не играю!» — кричит большевик, — «Я только вышел на улицу, а меня уже убили. Я тоже поиграть хочу!» — «Белогвардейцы были очень жестокими» — оправдываюсь я, снова не желая поступаться исторической правдой.

Многие из нас стали белогвардейцами в девяносто первом году. Пионер со стажем, с надеждой вглядывался я в август в телевизор, слушая гэкачеписта. Казалось, что липко-мглистое безумие, которое всюю ощущалось в воздухе, еще можно изорвать в клочья, развеять, пустить по ветру. Когда я увидел трясущиеся руки человека в телевизоре, я понял, что все кончено. Великого и могучего государства, в котором мы были рождены, не стало. От него остался огромный расчлененный гниющий труп. Мы были обречены гнить вместе с ним, подчиняясь неумолимым законам распада.

Что было бы, если бы оно осталось живым? Как сложилась бы наша судьба в нем? Стали бы мы, как сейчас, белогвардейцами? Возможно, настоящая родина наша вообще не на этой земле, но там, где горит единственная заветная звезда? А стоит ли строить на этот счет какие-то домыслы? В конце концов, существует лишь настоящее. «Кругом измена, трусость и обман», записал Император в свой дневник.

Я встретил расстрелянного мной большевика у продуктового магазина, он искал денег на опохмел. «Ты что, забыл», — сопел обрюзгший барыга, — «У меня сегодня день рождения». Я в жизни не знал, когда у него день рождения. «В армию меня так и не взяли», — рассказывал он, — «У меня же инвалидность. Помнишь, с качелей упал и головой стукнулся». Философский дискурс этого человека, его жизненное пространство и сфера интересов так и не расширились более чем на двор с роковыми качелями... Как хорошо я его понимал.

Наспех скроенные и перекроенные, лоскутные, тревожные люди, озираясь, блуждают *по земле моей отчизны*. Мне странно чужды их занятия и разговоры, ритм их жизни и смысл ее. Я не отсюда, я не с ними, я не из них. Мне очень жаль их и немного жаль себя, потому что я осколок. Откуда я? Возможно, из той самой *несуществующей страны времен скандала*. В ней прошла

самая счастливая пора моей жизни, светлая, чистая, ничем не омраченная, пора, когда я вступал в пионеры, собирал металлолом и был белогвардейцем просто так, понарошку.

Русский ансамбль балалаечниц играет на Больших Бульварах в Париже, 1930 г.

Я похоронил тебя в себе, о Союз Советских. Ты так и не стал Государством Будущего; инерция скушной и душистой азиатской империи была слишком велика. На каждом из твоих обломков мы будем строить нечто иное: мы не забудем тебя, но и не вернемся к тебе. Но пепел воспоминаний о сборе металлолома всегда будет стучать в моем сердце.

Красные враги

21 января 1924 года, в лютый морозный вечер, в деревне Горки скончался вождь русской революции и основатель советского государства Владимир Ленин. «Смерть уже явилась для него только избавлением от физических и нравственных страданий», — писал один из героев этой истории. Тяжелая болезнь сразила вождя еще в марте 1923 года, а приближение конца он почувствовал много раньше. Ни до, ни после Октября Ленин не умел работать иначе как на износ — его фанатическая работоспособность, доходящая до самоотречения, во многом и спасла революцию. Теперь, парализованный и потерявший речь, он не мог более руководить созданным им государством. Почти год был отпущен большевикам на то, чтобы морально и идейно подготовиться к этой смерти. Тем не менее, партия почувствовала себя всадником без головы. Лимит на гениев история исчерпывает довольно быстро.

Кто наследует революцию?

Ленин беспокоился о преемнике задолго до своего ухода. Он искал наследника своей власти — и не находил. Кто наследует эпоху, творцом которой он явился, кто станет вровень с этой эпохой? Знаменитое «Письмо к съезду» отличается совершенно не характерными для вождя большевиков расплывчатостью и неопределенностью.

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против Ц.К. в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично, он, пожалуй, самый способный человек в настоящем Ц.К., но и чрезмерно хватающий самоуверенно-

стью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного Ц.К. способны ненароком привести к расколу и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно».

Испытывая серьезные сомнения в способностях своих наследников продолжить начатое дело и наблюдая первые симптомы «перерождения» пролетарской партии и ее отчуждения от ведомых масс, Ленин призывает к радикальной мере. «В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не были бы вполне благоприятны для нас (а на это мы рассчитывать не можем), — если бы мы не предприняли такой реформы. <...> Такая вещь нужна и для поднятия авторитета Ц.К., и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей Ц.К. могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии».

«Увеличение числа членов Ц.К. до количества 50-ти или даже 100 человек, — говорит Ленин в продолжение своих записок, — должно служить, по-моему, двоякой или даже тройкой цели: чем больше будет членов Ц.К., тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности. Привлечение многих рабочих в Ц.К. будет помогать рабочим улучшать наш аппарат, который из рук вон плох. Он у нас, в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно. Поэтому тем “критикам”, которые с усмешечкой или со злобой преподносят нам указания на дефекты нашего аппарата, можно спокойно ответить, что эти люди совершенно не понимают условий современной революции. За пятилетие достаточно переделать аппарат вообще невозможно, в особенности, при тех условиях, при которых происходила революция у нас. Достаточно, если мы за пять лет создали новый тип государства, в котором рабочие идут впереди крестьян против буржуазии, и это при условии

враждебной международной обстановки представляет из себя дело гигантское. Но сознание этого никоим образом не должно закрывать от нас того, что мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и что теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата.

Я представляю себе дело таким образом, что несколько десятков рабочих, входя в состав Ц.К., могут лучше, чем кто бы то ни было другой заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. РКИ, которой принадлежала эта функция вначале, оказалась не в состоянии справиться с нею и может быть употреблена лишь как “придаток” или как помощница при известных условиях к этим членам Ц.К.. Рабочие, входящие в Ц.К., должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться.

В число рабочих членов Ц.К. должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян, которые, однако, не попадают в разряд прямо или косвенно эксплуататоров. Я думаю, что такие рабочие, присутствуя на всех заседаниях Ц.К., на всех заседаниях Политбюро, читая все документы Ц.К., могут составить кадр преданных сторонников советского строя, способных, во-первых, придать устойчивость самому Ц.К., во-вторых, способных действительно работать над обновлением и улучшением аппарата».

В одной из своих последних работ Ленин замечает по тому же поводу:

«Вопрос о нашем госаппарате и его улучшении представляет очень трудным, далеко не решенным и в то же время чрезвычайно насущным вопросом.

Наш госаппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным из-

менениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата. И вот, чтобы поискать способ действительно обновить его, надо обратиться, мне кажется, за опытом к нашей гражданской войне.

Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны?

Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной Армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры».

Ленин умер

Как видим, опасность, которую представляет собой перерождение аппарата, рассматривается Лениным наряду с опасностями гражданской войны. Мера, к которой он призывал, в том случае, если бы она была выполнена, изменила бы политическое лицо Советского Союза. Вопрос о том, насколько эффективной и действенной она оказалась бы, остается открытым, но факт остается фактом. Интересно, что многочисленные комментаторы ленинского завещания вообще не склонны замечать этого радикального предложения, сводя весь его смысл к личностным оценкам Сталина и Троцкого. Сказывается все тот же монархический (иногда его ругают сталинистским) тип мышления, когда воле народной придается куда меньшее значение, чем наклонностям царей; даже величайшая в истории революция так и не смогла его изменить. Справедливости ради следует сказать, что такой взгляд на вещи имеет под собой весьма прочную, веками проверенную, основу.

Претенденты на престол

Мне уже приходилось писать о том, что как политик, Владимир Ильич Ленин был, выражаясь в его же стиле, архипротиворечив; собственно, в этой плодотворной противоречивости и коренилась его гениальность. Пребывая во власти, он не забывал неустанно бороться с аппаратом, с помощью которого эту власть осуществлял. Покидая свой пост, он прежде всего не видел среди претендентов на свое наследство такой фигуры, которой было бы по силам *одновременно* возглавить аппарат и продолжить эту борьбу. Позднейшая приписка к завещанию, в которой он напрямую заявил о необходимости сместить с поста генерального секретаря своего наиболее вероятного преемника, Иосифа Виссарионовича Сталина, свидетельствует об этом весьма красноречиво.

Самым серьезным оппонентом и конкурентом Сталина был Лев Давыдович Троцкий. В общем, между ними было много общего. Одногодки, оба были в Российской Империи инородцами, оба обладали, каждый в своем роде, отвратительным характером, оба предпочитали в одежде то, что называется *military style*. Троцкий, впрочем, после своего поражения переделался в цивильное: он не желал выглядеть полководцем побежденной армии. Сталин носил хаки до конца своей жизни.

В юности каждый из них был в своем классе первым учеником.

Разбирать легенды о прошлом весьма поучительно: они могут многое сказать о настоящем и еще более — об «исповедующих» ту или иную легенду. Интересно, как меняются эти легенды вместе с историческими эпохами, их наследующими. Это относится в полной мере к легендам о Сталине и Троцком.

Еще при жизни Сталина при его активном одобрении из него сотворили довольно безвкусного кумира. Ленинское «Сталин слишком груб» можно отнести и к области вкуса Иосифа Виссарионовича. Утонченность никогда не была ему свойственна; но, пожалуй, дурновкусие только повышало его шансы на победу в борьбе за власть в стране. Грубость и безыскусность в массовой

политике таит большую силу; неспроста сталинская шинель стала легендарной, а кое-кто до сих пор ждет, когда же раздастся скрип сапог. «Кульм личности» Сталина разросся непомерно; вождь сделал все, чтобы завязать на себе эпоху, во многом действительно олицетворяя ее.

Об этом говорит хотя бы тот факт, что Хрущев, для того чтобы развязаться с эпохой, должен был сокрушить сталинский пьедестал, развенчав пресловутый культ личности; в том, что Сталина сделали козлом отпущения, нет ничего удивительного — это вытекало из самого характера этого культа, созданного при активном и деятельном участии самой личности. Навешивание на Сталина всех причитающихся и не причитающихся ему собак достигло своего апогея в горбачевскую «перестройку» — хитроумными архитекторами ему была уготована роль самого главного пугала, призванного одним видом своим оправдать разрушение советской системы. Кроме того, со Сталиным, каким бы он ни был, как уже было сказано, был неразрывно связан один из самых героических периодов в истории Союза Советов. Обезобразить этот период в памяти наивного и в чем-то идеалистичного, при всем его конформизме, советского человека зна-

Легенда о Троцком изменялась одновременно с легендой о Сталине, почти всегда с точностью до наоборот. Человек, видимо, довольно тщеславный, Троцкий успел хлебнуть своей славы в годы гражданской войны как один из главных творцов красного войска.

Но этой громкой славы недолго нежил его обман: в сталинском Советском Союзе, изгнанный, он превратился в исчадие ада. Он отравлял продукты, подпиливал стропила и портил сноповязалки; он водил перьями предательских журналистов; он являлся агентом всех без исключения враждебных разведок и стоял едва ли не за каждым преступлением, направленным против страны победившего социализма. Интересно, что приемы сталинистской черной пропаганды, доходившей порой до истерического абсурда, были замечательно использованы в упоминающуюся уже «перестройку» в отношении... самого Сталина: я своими глазами видел статью, в которой Иосиф Виссарионович обвинялся в преступлениях знаменитого в те «перестроечные» годы сексуального маньяка Чикатило, как духовный отец чудовища. Сталинистская пропаганда и сталинистский тип мышления, нарочито черно-белого и склонного к упрощенчеству, вообще принесли серьезнейший вред Советскому Союзу; но об этом позже.

Итак, в те годы, когда пропаганда сталинистского типа всю взялась за самого Сталина, Троцкого нужно было хотя бы на время и хотя бы частично реабилитировать: следовало, для успеха пропаганды, обозначить реальную альтернативу сталинскому курсу в стране. Впервые после высылки Троцкого на русском языке были изданы его основные труды; остроумные, прекрасно написанные, насыщенные сбывшимися предсказаниями, они выгодно отличались от натужно казенных словоизлияний Сталина. Однако, мы уже писали об этом, очень скоро ветер вновь задул в другую сторону. Образ Троцкого, перманентного революционера, еврея-отщепенца и ненавистника традиционного уклада, не мог прийтись по нраву вновьявленным охранителям. Свою роль сыграл, разумеется, национальный момент: известно, что инородцы, в первую очередь еврейские, участвовали в русской революции особенно активно. Я вскользь касался этого факта ранее в главе, посвященной Ленину, это признавал и

сам Ленин, сказавший, если верить воспоминаниям некоего Диманштейна, в частной беседе с ним о евреях, что «они сорвали тот генеральный саботаж, с которым мы встретились сразу после Октябрьской революции и который был нам крайне опасен. Еврейские элементы, хотя далеко и не все, саботировали этот саботаж и этим выручили революцию в трудный момент». Всего проще объяснить этот факт пресловутым жидомасонским заговором; на самом деле, вполне естественно, что государствообразующий этнос должен быть более консервативным по сравнению к этносу, насильственно сдерживаемому государством в своих устремлениях и амбициях, сдерживаемому вплоть до черты оседлости — и все же главная роль государствообразующего славянского этноса в русской революции очевидна.

Обилие инородцев в любой революции является скорее правилом, чем исключением и не представляется чем-то экстраординарным для человека, знакомого с историей. В русской революции, произошедшей, что бы там сегодня ни говорили, в отсталой и измученной крестьянской стране, оно должно было проявиться особенно ярко. Однако факт активного и кровавого участия евреев в русской революции и гражданской войне (активное участие в войне не может не быть кровавым) был истолкован русскими антисемитами в традиционном ключе. Да ведь еще и жиды умучили государя императора! Называющие себя патриотами России не могут понять, что в сложившейся ситуации эта революция, в которой участвовали и славяне, и евреи, и множество других народностей, революция жестокая и страшная, явилась единственной возможностью для спасения крикливо обожаемого ими народа — более того, именно она *впервые в истории* подняла русский народ на небывалый мессианский уровень.

Не поняли они и того, что, представляя советскую историю двадцатого века результатом еврейского заговора, они тем самым оскорбляют и чернят не столько евреев, сколько русских, представляя их буквально стадом, неспособным на самостоятельность и стремление к устройению собственного государственного устройства.

Троцкий как нельзя лучше годился на роль демонического еврея, жестокий, амбициозный, истеричный, курчавый, трясущий

козлиной бороденкой и скрывающий глаза маньяка за стеклышками пенсне... Сегодня его записывают даже в сионисты, хотя хорошо известно, каким в действительности было его отношение к сионистскому движению⁶¹. Доходит до курьезов: историк-«патриот» рассказывает, как в Киеве к Троцкому после закрытия синагог большевиками (?) пришла, якобы, делегация раввинов с просьбами отменить приказ. «Ведь вы же еврей», — взывали раввины. «Моя национальность — коммунист», — отвечал будто бы Троцкий. Казалось бы, профессиональный антисемит должен бы излагать этот апокриф с некоторым облегчением; ан нет, бдительный комментатор заявляет, что в таком ответе и заключалось особое коварство Троцкого, и что именно поэтому он был Особо Опасный Еврей, еще более изощренный в своем еврействе, чем явившиеся к нему раввины⁶²...

⁶¹ Не гнушаются откровенных подделок. В «патриотических» изданиях обильно и на полном серьезе цитируются такие слова Троцкого о России: «Мы должны превратить ее в пустыню, населенными белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, которая никогда не снилась самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн... Мы раздавим Россию: на погребальных обломках укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань, мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния: А пока наши юноши в кожаных куртках, сыновья часовых дел мастеров Одессы, Орши, Винницы и Гомеля — о, как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть все русское! С таким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию — офицеров, академиков, писателей...» Впрочем, еще больше подобного рода «цитат» приписывают Ленину и Сталину: клевета на выдающихся деятелей российской истории давно стала в России нормой в самых разных политических лагерях.

⁶² Любопытно, что среди всех большевиков, включая Сталина, именно Троцкий в своих речах более всех прочих был склонен к демонстративному русофильству. Когда великий русский писатель Максим Горький написал свои знаменитые и мудрые воспоминания о Ленине, Троцкий с демонстративным рвением набросился на них, упрекая автора не только в неправильной оценке Ленина, но и в недооценке русского народа.

«Основную черту ленинского характера, — писал он, — Горький довольно правильно называет воинствующим оптимизмом. И прибавляет: “Это была в нем не русская черта”. Вот так-так! Но, ведь, типичный интеллигент из зем-

Сын Кавказа Сталин, как правило, толкуется подобными историками как *истинно русский* человек, освободитель от поганого жидовского ига⁶³. «В силу обстоятельств, о которых мы

ских подвижников есть архи-русское, архи-тамбовское явление. Каким же это образом Ленин, с его основными “не русскими” чертами, железной волей и воинствующий оптимизмом оказывается типичным русским интеллигентом? И нет ли тут ненароком огульной клеветы на русского человека? Талант водить вошь на аркане есть, правда, бесспорный русский талант, но, благодарение диалектике, не вечный и не неизменный. Увенчавшаяся керенщиной эсеровщина была высшим политическим выражением старорусского искусства вождения вши на аркане. Но Октябрь был бы невозможен, Алексей Максимович, если б в русском человеке уже задолго до Октября не зажегся огонь нового характера. Ленин стоит не только на переломе русской истории, но и на переломе национального русского “духа”.

Главные черты Ленина будто бы “не русские” черты. А партия большевиков, разрешите вас спросить, русское явление или, может быть... голландское? Вот эти пролетарии-подпольщики, боевики, твердокаменные уральцы, партизаны, красные комиссары днем и ночью с пальцами на браунинге, сегодня заводские директора и трестовики, готовые завтра сложить головы за освобождение китайского кули, эта вот раса, это племя, этот вот орден, это что же, позвольте осведомиться, не русская печь пекла? Нет, русская-с. Или, если угодно, и вся Россия XX века (и ранее того) уж не “русская” Россия, провинциальная, окурковская, а новая, международная, с металлом в характере. Большевицкая партия есть отбор этой новой России, а Ленин — величайший ее отборщик и воспитатель».

⁶³ Вот пример «патриотического» маразма, далеко не единичный, а весьма типичный. Интервью у иеромонаха Евстафия (Жакова), настоятеля храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Знаменке берет И. Пыхалов.

«...Да, был преподобный Серафим Саровский, были другие подвижники. Но были и те, которые в конечном счёте оказались неспособными воспитать русский народ в истинном духе Православия. Поэтому трагедия Николая II, трагедия приезда Ленина в опломбированном вагоне — это трагедия, прежде всего, несостоявшегося Православия.

— А какова здесь роль последнего русского императора Николая II?

— Вряд ли имеет смысл говорить отдельно об императоре Николае II. Надо говорить о триаде: Николай II — Ленин — Сталин. Сталин — это был своеобразный синтез, если говорить гегелевскими терминами, это было то великолепное окончание вот этого самого пути от слабого Николая II, который обречён быть слабым по произволению Божьему, этого как бы сильного Ленина, который обречён быть сильным потому, что Господь попустил его силу, и наконец Сталина, который вобрал в себя и Православие Николая II, и власть императора, и оказался тем человеком, который вывел нашу страну на тот путь, идя по которому, мы наконец можем вновь, как мне кажется, стать истинной православной монархией».

можем только догадываться, — с большим сожалением пишет один из таких, весьма многочисленных, толкователей, — Сталин не смог довести начатое дело до конца и такие фигуры, как Каганович, Мехлис и Ярославский (идеолог борьбы с православием) оставались родимыми пятнами коммунистического режима»⁶⁴.

Я неспроста уделяю так много внимания всем этим более чем сомнительным и довольно нехорошо пахнущим трактовкам советской истории. Во-первых, несмотря на то, что представители подобных взглядов архаичны и маргинальны в современной истэблшмент-тусовке, они представляют мнение весьма широких слоев народа — может быть, именно благодаря своей архаичности и маргинальности: так уж устроен истэблшмент, что подавляющее большинство народа для него, как правило, маргинально. Во-вторых, если вы замените слово «еврей» на слово «революционер» или даже просто «оппозиционер», — а велеречивое словосочетание «русский народ» на более конкретное «предержащие власть», то без особых изменений получите господствующее мировоззрение современной «элиты».

Я беру слово «элита» в кавычки потому, что настоящая элита характеризуется в первую голову *преемственностью* и *традиционностью*, она *наследует* свою элитарность. Говоря словами пронизательнейшего Гейдара Джемала, «в 1917 году произошло беспрецедентное событие: на территории российской империи одним ударом была уничтожена элитарная система, входившая составной частью во всемирную структуру господства и эксплуатации. <...> В России разгром традиционного правящего класса принял необратимый характер. Именно это имеют в виду противники русского большевистского проекта (типа Збигнева Бжезинского), называя Россию “черной дырой”»: огромная стра-

⁶⁴ Странно, что для пушшего эффекта не приведена подлинная фамилия Ярославского — Губельман. Патриоты русского народа даже Ульянова-Ленина величают Бланком — по дедушке. Забавно было, когда в 2004 году в патриотической передаче российского канала ТВ-3, вещавшей об ужасах большевизма, разоблачительным тоном было сказано о Розе Землячке, настоящая фамилия Зильберман. Настоящая фамилия Розы, как известно, была Залкинд, но вот раскатисто-булькающее сочетание звуков «Зильберман» показалось авторам передачи более страшным и обличительным.

на выпала из системы и ее хозяева после 1917-го (кто бы они ни были) уже не входят и никогда не смогут вернуться в правящий миром истеблишмент, формировавшийся на протяжении последних нескольких столетий».

Сталин, утверждает Джемаль, привел к власти «деидеологизированного люмпена, превращавшегося в его структуре в циничного и наглого бюрократа, озабоченного лишь расширением рамок собственного материального потребления» (поэтому, заметим мы, восприятие революции маргинал-антижидами и осторожными чиновниками в серых костюмах столь одинаково). С развалом сталинской системы этот люмпен никуда не делся, однако сегодня он желает ощущать себя не просто люмпеном, но *традиционным*, легитимированным временем властелином; да и более прозаично, всякие упоминания о революции как таковой воспринимаются им как угроза его власти. Вот почему ему ненавистен не только «демон революции» Троцкий, но и творец революции Ленин, сумевший революционную энергию разрушения направить в созидательное русло.

Администратор бунта

Как личность, Троцкий, безусловно, был ярче и харизматичнее Сталина, в своем роде утонченнее, что, как водится, не только не помешало, но и способствовало его проигрышу. При жизни Ленина он был наиболее самостоятельной и амбициозной фигурой среди соратников вождя; примкнувший к большевикам только после семнадцатого года, он сразу отказался от роли рядового партийца, претендуя на большее. Это не могло не вызвать к нему настороженного отношения со стороны многих старых партийцев. Позднее, уже в ссылке, Троцкий заявит, что он пришел к Ленину «прочнее и серьезнее, чем те “ученики”, которые при жизни повторяли не всегда к месту слова и жесты учителя, а после смерти его оказались беспомощными эпигонами и бессознательными орудиями в руках враждебных сил».

Лев Давыдович Троцкий

Каким образом осуществился «приход» Троцкого к Ленину? Как получилось, что недавний серьезный оппонент вождя большевиков, заявив о своем обращении в истинную веру, получил сразу же серьезную роль в большевистской революции? Дело темное, темным, видимо, и останется. Как бы там ни было, придя к Ленину, Троцкий, тем не менее, не перестал оставаться Троцким. Об этом свидетельствует не только укоризненно упомянутый Лениным в завещании «вопрос об НКПС», но и другой, еще более яркий эпизод послереволюционной истории — Брестский мир.

Тогда, на переговорах о мире с немцами, Троцкий бросил свой знаменитый лозунг: «Ни мира, ни войны». «Войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем». До сих пор трудно с уверенностью сказать, чем руководствовался в те дни Лев Давыдович. Возможно, тем самым он желал предотвратить интервенцию Антанты, которая всячески противилась выходу России из мировой бойни и, по словам Троцкого, воспринимала брестские переговоры «как комедию с искусно распределенными ролями». Безусловно сказывалась надежда на скорую европейскую революцию, на солидарность пролетариата воюющих стран; переговорам Троцкий, отличный красноречивый, придавал в числе прочего и агитационное значение. Революция в Германии действительно последовала в историческом масштабе достаточно быстро после «похабного Бреста». Однако история в свои самые крутые моменты решается за считанные дни. На момент переговоров демарш Троцкого провоцировал немцев на агрессию и беспрепятственный захват советских земель. Мо-

лодое и слабое советское государство могло в результате быть сметено под натиском, как тогда любили говорить, «империалистического хищника». Это хорошо понимал Ленин, выступавший против политики Троцкого.

Ленин стоял за то, чтобы подписать мир на германских условиях. Он понимал, что армия *de facto* распущена и без призывов большевиков, она не желает и не будет воевать на стороне Антанты. Между тем, своим поведением на переговорах Троцкий фактически толкал Россию в объятия англо-американских «друзей». Последние уже эти объятия распростирали. Большинство партии в этот момент стояло на позициях, близких к Троцкому, но более радикальных; многие говорили о революционной войне. Своей политикой Троцкий лил воду на их мельницу: под натиском немецких войск России ничего не оставалось, кроме как продолжать военные действия. Ленин, как во времена апрельских тезисов, оставался в меньшинстве. Однако он был не из тех, кто мог этим смутиться. Вскоре свирепое германское наступление на Россию добавило ему сторонников; однако Антанта не дремала. Ласковые зарубежные консультанты готовы были помочь и деньгами, и штыками, и журналистскими языками — лишь бы Россия не выходила из войны. Центральный Комитет партии изъявил согласие воспользоваться их предложениями. По словам Троцкого, итоговая формулировка Ленина гласила: «уполномочить т. Троцкого принять помощь разбойников французского империализма против немецких разбойников». Однако большевистский вождь понимал, что втягивание Советской России в империалистскую бойню означает не только таскание каштанов из огня для Антанты, но гибель государственности как таковой, установление на территории России того самого *контролируемого хаоса*, о котором мне уже случалось писать ранее. Реально, с учетом народных настроений и обстановки внутри страны, такая война неизбежно превращалась в самоубийство как нации, так и власти. Ленин употребил все свое влияние, чтобы не допустить этого — вплоть до угроз уйти в отставку и напрямую обратиться к народу за поддержкой. Он в очередной раз противопоставил свою волю воле большинства — и в очередной раз победил. Мир с Германией был заключен, теперь уже на гораздо более жестких условиях.

Попытки втянуть Советскую Россию в войну на этом не остановились — вспомним знаменитое убийство германского посла Мирбаха. Однако успехом они не увенчались.

История Брестского мира выявляет характерную черту раннего троцкизма, как стиля. В своем стремлении изменить действительность Троцкий часто доходил до ее игнорирования. Этим объясняется его «чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела», о котором говорит в своем завещании революционный прагматик Ленин, когда даже исторический процесс рассматривался как предмет сверхрационального административного воздействия. Склонность Льва Давыдовича к администрированию проявлялась даже в антропологии, какой она им понималась. В довольно известной его работе 1923 г. «Литература и революция» читаем (этот фрагмент цитируется особенно часто):

«Человек примется, наконец, всерьез гармонизировать самого себя. Он поставит себе задачей вести в движения своих собственных органов — при труде, при ходьбе, при игре — высшую отчетливость, целесообразность, экономию и тем самым красоту. Он захочет овладеть полубессознательными, а затем и бессознательными процессами в собственном организме: дыханием, кровообращением, оплодотворением — и, в необходимых пределах, подчинит их контролю разума и воли. Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший *homo sapiens*, снова поступит в радикальную переработку и станет — под собственными пальцами — объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки. Это целиком лежит на линии развития. Человек сперва изгонял темную стихию из производства и идеологии, вытесняя варварскую рутину научной техникой и религию — наукой. Он изгнал затем бессознательное из политики, опрокинув монархию и сословность демократией, рационалистическим парламентаризмом, а затем насквозь прозрачной советской диктатурой. Наиболее тяжело засела слепая стихия в экономических отношениях, но и оттуда человек вышибает ее социалистической организацией хозяйства. Этим делается возможной коренная перестройка традиционного семейного уклада. Наконец, в наиболее глубоком и темном углу

бессознательного, стихийного, подпочвенного затаилась природа самого человека. Не ясно ли, что сюда будут направлены величайшие усилия исследующей мысли и творческой инициативы».

От этого прямо-таки пышет неким просвещенным мракобесием, полицией мысли из оруэлловского романа — автор, кстати, в свое время был близок к троцкистам. Как заметил один из их многочисленных комментаторов этих слов с радио «Свобода», г-н Борис Парамонов, это уже даже не доктор Моро, а доктор Менгеле. Горячий поклонник Зигмунда Фрейда, Троцкий воспринимал бессознательное человека как нечто естественным образом подлежащее человеческому же вмешательству, если не ликвидации, то упорядочению; он не то чтобы недооценивал бессознательное, но не мог адекватно определить его роль в судьбе как человека, так и человечества. В конечном итоге именно в этом коренится главнейшая причина его поражения.

Столкнувшись с реалиями не только революции и войны, но и повседневного строительства, Троцкий впоследствии изжил, или почти изжил в себе этот тоталитарный рационализм. Троцкий-изгнанник, Троцкий последних лет — фигура, безусловно, трагическая и выросшая в своем значении; многие из его пророчеств относительно Советского Союза сбылись с впечатляющей точностью. Пожалуй, ему нужно было испытать горечь поражения, чтобы подняться до этой высоты. Однако к моменту краха определенная недооценка реальности, брезгливость, выказываемая им к повседневности, сохранились у него — и немало этому краху способствовали.

Свое милитаристско-управительское рвение, *административный восторг*, Троцкий в полной мере и исключительно удачно проявил на должности народного комиссара по военным делам, на которую он был смещен с должности народного комиссара по иностранным делам после своего брестского бенефиса. Вскоре, помимо военных дел, он стал ведать и морскими. На военной должности упоенное администраторство Троцкого оказалось весьма своевременным. Фактически он явился одним из главных создателей и организаторов победоносной Красной Армии. Политика наркомвоенмора Троцкого была беспощадна и жестока; он надеялся на революционную сознательность масс

куда меньше, чем на жесточайшую дисциплину и опыт старых царских офицеров, воевавших на стороне Красной Армии — как их тогда называли в соответствии с всеобщим стремлением к сокращению слов, военспецов. Как быстро вчерашний подпольщик заговорил языком профессионального военного и добился впечатляющих успехов на воинской стезе! Люди Ленина вообще обладали впечатляющими способностями к самообучению, и Троцкий был, пожалуй, самым талантливым из них.

Наркомвоенмор

Бытует мнение, что Троцкий не был способен к государственному мышлению, являясь законченным революционером, апостолом разрушения, органически неспособным переключиться на мирное строительство; победа Сталина над ним была якобы неизбежна потому, что последний представлял собой более умеренный, государственный тип. Это весьма упрощенная историческая трактовка. О том, что Сталин был как минимум столь же радикален и столь же тяготел к администраторству, говорит сам сталинский стиль правления: великие стройки Сталина вовсе не были мирными. Иное дело, что сталинизм, как стиль, был более стихийным и неопределенным, нежели подчеркнуто, так сказать, рукотворный, делающий упор на рационализм и сознательность троцкизм — и этим оказался сильнее на данном историческом этапе. Это, кстати, подтверждают знаменитые слова Сталина, сказанные после войны: «Без теории нам смерть». Троцкий никогда не мог бы сказать таких слов; но

именно его теоретическая сверхсознательность, в свое время обеспечившая ему взлет, теперь обуславливала его падение. Можно сказать, что Сталин организовал и мобилизовал малопонятную ему самому советскую стихию на борьбу с Троцким — а во многом и эта стихия мобилизовала Сталина, как бессознательного выразителя своей воли.

До взятия Сталиным власти Троцкий имел больший опыт государственной работы, чем Иосиф Виссарионович. Следует также заметить, что в послереволюционное время он проявлял склонность к большей умеренности во внутренней политике, хотя и оставался «на платформе мировой революции». Побеждает тот, кто более экстремист. Став уже правителем СССР, Сталин взял на вооружение многие мысли и методы Льва Давыдовича. Самым известным примером этого является индустриализация, о которой первым заговорил именно Троцкий.

Системный администратор

Сталин, об этом часто и справедливо говорят, выдвигался и поддерживался в первую голову как противовес Троцкому, в котором старые партийцы с большим опасением подозревали потенциального «красного Бонапарта». Нас, впрочем, мало интересуют хитросплетения многократно обсужденных партийных большевистских интриг; их результат нам известен, и, кажется, вполне увязывается с общими законами такого рода противостояний. Гораздо более занимателен вопрос о том, существовало ли принципиальное различие между теми направлениями развития советского государства, которые олицетворяли Сталин и Троцкий, если да, то какое направление было предпочтительней и насколько вероятной была альтернатива. К сожалению, ответить на него однозначно и достоверно уже не представляется возможным.

Альтернативная история:

Сталин и Троцкий.

Рисунок Товарища У

Сам Троцкий считал факт своего поражения исторически обусловленным и неизбежным. «Сталинизм, — говорил он, — это прежде всего работа безличного аппарата на спуске революции». «Было бы наивностью думать, — писал он в другом месте, — будто неведомый массам Сталин вышел внезапно из-за кулис во всеоружии законченного стратегического плана. Нет, прежде еще, чем он нащупал свою дорогу, бюрократия нащупала его самого. Сталин приносил ей все: нужные гарантии: престиж старого большевика, крепкий характер, узкий кругозор и неразрывную связь с аппаратом, как единственным источником собственного влияния. Успех, который на него обрушился, был на первых порах неожиданностью для него самого. Это был дружный отклик нового правящего слоя, который стремился освободиться от старых принципов и от контроля масс и которому нужен был надежный третейский судья в его внутренних делах. Второстепенная фигура пред лицом масс и событий революции, Сталин обнаружил себя, как бесспорный вождь термидорианской бюрократии, как первый в ее среде».

В упорстве, с которым Лев Давыдович повторял свои слова об исторической неизбежности, есть, конечно, громадный элемент личной горечи, стремления оправдаться перед самим собой, убедить себя в том, что другой исход борьбы был невозможен. Между тем, для собственной победы Троцкий сделал крайне

мало. Сказалась не только вера в историческую необходимость, но и нежелание работать с людьми напрямую, на самых низовых уровнях взаимодействия, выходя за пределы чисто должностных указаний и директив. Всякий сознательный политик относится с настороженностью к человеческому фактору; у Сталина эта настороженность была развита еще сильнее, чем у Троцкого, но последний выказывал в отношении человеческого фактора не только настороженность, но и недооценку. Эта недооценка оказалась для него фатальной. В то время как Сталин формировал антитроцкистские редуты во всех слоях партии, трибун революции впал в отстраненную депрессию и не предпринимал никаких шагов, чтобы его остановить. Когда Троцкий мобилизовал, наконец, свои силы, было уже поздно.

Впрочем, не совсем самостоятельная роль Сталина в начале противостояния, подмечалась Троцким совершенно справедливо. Упрочение персонального влияния Кобы⁶⁵, таким образом, требовало огромного искусства. Черчилль, кажется, сказал, что большим его достоинством явилась способность уничтожать одних своих врагов руками других таковых же. Однако этот комплекс *второго лица* — комплекс в первую голову политический, а не психологический — не мог не сыграть своей роли в характере сталинской власти.

В своих воспоминаниях о Ленине, написанных сразу после смерти Владимира Ильича, Сталин как будто проговаривается, какой стиль руководства кажется ему наиболее приемлемым:

«Принято, что “великий человек” обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причём перед появлением “великого человека” члены собрания предупреждают: “тсс... тише... он идёт”. Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было моё разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведёт беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конфе-

⁶⁵ Партийный псевдоним Сталина, взятый им из грузинского мелодраматического романа, которым он в юности зачитывался.

ренции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил»⁶⁶.

После Ленина, величие которого воспринималось как нечто само собой разумеющееся и который, тем не менее, безо всякого вреда для своего авторитета мог заниматься «нарушением некоторых необходимых правил», уважаемому вовсе не столь беззаветно Иосифу Виссарионовичу пришлось хорошенько поработать над тем, чтобы его появления ожидали «с замирием сердца». Пастернак писал о Ленине: «Он управлял течением мыслей, и только потому — страной». Управлять течением мыслей Сталин не мог, хотя и изо всех сил стремился к этому. Укрепившийся к двадцать четвертому году на ключевых позициях, сосредоточивший, по мнению Ленина, «в своих руках необъятную власть», он, тем не менее, не имел и десятой доли ленинского авторитета. Между тем, масштаб стоящих перед ним задач был громаден. Владимир Ильич, остававшийся кумиром Сталина даже после того, как выразил свое не самое лучшее к нему отношение⁶⁷, сказал некогда: «Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей».

Сталин погибать не хотел. Он прекрасно понимал громадную ответственность, возложенную на него историей. Теперь ему предстояло давать ответы на вопросы времени; а вопросы эти были не самые спокойные. Страна только-только начала приходить в себя после гражданской войны, которую Сталин совершенно справедливо называл также войной отечественной. Однако на горизонте уже маячила новая война, война, грозившая стать (и ставшая, как мы сегодня знаем) еще более кровопролитной. Окончательно понимание этого пришло в начале три-

⁶⁶ «Только впоследствии я понял, — пишет далее Сталин, — что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать своё высокое положение, — эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших “низов” человечества». Поняв это, Иосиф Виссарионович, которому вообще была свойственна некоторая подражательность в отношении Ленина, не стал, однако, замещать одну из самых сильных сторон Ильича.

⁶⁷ На даче Сталина под портретом Ленина в совершенно церковном духе непрерывно горела красная лампочка.

дцатых; Троцкий, высланный из страны в двадцать девятом году, активно привлекал к этому внимание, объявляя Сталина па-сующим перед угрозами эпохи бюрократом. По сути дела, у Советского государства не было времени на то, чтобы передохнуть и как-то зализать полученные раны. Ленин с его авторитетом мог и в такой ситуации позволить себе иметь оппозицию. Существование оппозиции для власти, как ее понимал Сталин, означало серьезную угрозу. Нужно было подавить ее раз и навсегда. И Сталин действовал наверняка.

Как известно, основные приемы *real politic* были сформулированы и утверждены задолго до Макиавелли. Диоген Лаэртский цитирует в своем труде о жизни, учениях и изречениях знаменитых древнегреческих философов такое письмо Фрасибула, милетского тиранна, своему коллеге Периандру:

«Посланцу твоему я не дал никакого ответа, но повел его на ниву и стал при нем сбивать посохом и губить не в меру выросшие колосья, и если ты его спросишь, он ответит, что слышал и что видел. Ты же делай как я, если хочешь упрочить свою распорядительскую власть: всех выдающихся граждан губи, кажутся они тебе враждебными или нет, ибо распорядителю власти даже и друг подозрителен».

Сталин, как рассказывал его соратник Молотов, был очень даже подкован в истории Древней Греции. Читал он или не читал переписку Фрасибула с Периандром, но в конечном счете он стал действовать именно в соответствии с ней. Уничтожая старых большевиков, Сталин тем самым легитимировал себя как единственного полноправного властителя. С великим усердием были ликвидированы наиболее пассионарные кадры партии самых разных взглядов и «уклонов», готовые отвечать за эти взгляды и придерживающиеся их не только на словах, но и на деле. Строительство новых форм общественной жизни требует величайшей интеллектуальной смелости и величайшего умения исторической импровизации; но тот же Молотов на склоне лет говаривал, что Сталин был замечательным тактиком, однако посредственным стратегом.

Новый, стремительно нарождающийся бюрократический слой, на который неизбежно опирался Сталин в своей политике, видел в нем осуществление своих надежд. Но Иосиф Виссарио-

нович считал себя в первую голову революционером. Именно это обусловило его особую политику в отношении возвращенной им бюрократии.

«У Сталина очень хороший брэндинг и прекрасное позиционирование, — пишет замечательный сетевой публицист Михаил Вербицкий о современном имидже Сталина. — Сталин позиционируется как защитник простого человека, а жертвы сталинских репрессий — как привилегированный советский чиновный класс, от которого страну никак не защитить, кроме как репрессиями». Именно так, пожалуй, и воспринимал сам Сталин свое своеобразное взаимодействие с бюрократией, крестным отцом которой он стал, взаимодействие, характеризовавшееся регулярным кровавым «перетряхиванием» чиновных кадров. Однако на каждом витке такого перетряхивания бюрократия становилась все более импотентной профессионально, идеологически и нравственно — при том, что уже по сути своей она *изначально* обнаруживает к этому склонность. Будто бы подозревая в каждом чиновнике будущего прораба перестройки, Сталин уничтожал его... руками *нового потенциального прораба*. Именно так: и прорабы перестройки, и идеологически поддержавшие их шестидесятники любят говорить, что родом они из хрущевской оттепели — но сама хрущевская оттепель родом из сталинской шинели⁶⁸.

⁶⁸ Называть Горбачева, Ельцина или Яковлева близкими шестидесятникам будет все же большой натяжкой. По сути своей, вплоть до антропологии, это все те же старые добрые сталинские кадры, избавившиеся от никогда серьезно ими не воспринимавшейся и не понимавшейся, давно неуместной в их дискурсе идеологии «справедливости, равенства и братства». «Вся наша номенклатурно-бюрократическая система скроена по-прежнему по сталинской колодке. Наш чиновник — генетический сталинец, хотя может быть и антисталинистом в душе», — написал известный журналист Виталий Третьяков в своей вполне хвалебной оде по случаю столетия Сталина, в то время, когда ругать его уже перестало быть модным. «Сталинские черты, — между прочим, пишет он далее, — я вижу в двух главных прагматиках сегодняшней России, в Чубайсе и Березовском. Естественно, в Гайдаре. Безусловно, в Путине. Очевидно — в Ельцине». И далее: «Просвещенный чекист Владимир Путин, просвещенный жестокий реформатор Анатолий Чубайс, просвещенный олигарх Борис Березовский — вот три лика Сталина сегодня».

При всей свирепости своей политики Сталин не мог не стать выразителем чаяний именно этого чиновничьего слоя — он не мог управлять страной, зависая в безвоздушном пространстве. Как весьма прозорливо предупреждал Троцкий, Сталин мог достичь своего лидерства в большевистской партии, лишь уничтожив эту партию посредством утвержденного им повсеместно бюрократического аппарата, опираясь на этот аппарат и во многом становясь выразителем его интересов. Хорошей иллюстрацией к этому является то, как быстро Сталин отменил аскетическое ленинское положение о максимуме, согласно которому член правительства не мог получать жалование, большее средней заработной платы рабочего. Новорожденная бюрократия обросла множеством привилегий, приобретя, однако, вместе с ними перманентную угрозу репрессий. Напыщенно называя партию «орденом меченосцев», генеральный секретарь сделал все, чтобы превратить ее в сборище неспособных к какой-либо идеологии, корыстных и узколобых сверхобывателей.

«Есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, — говорил товарищ Сталин в марте 1939 года на XVIII съезде ВКП(б), — это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма. Ибо нельзя считать действительным ленинцем человека, именующего себя ленинцем, но замкнувшегося в свою специальность, замкнувшегося, скажем, в математику, ботанику или химию и не видящего ничего дальше своей специальности. Ленинец не может быть только специалистом облюбованной им отрасли науки, — он должен быть вместе с тем политиком-общественником, живо интересующимся судьбой своей страны, знакомым с законами общественного развития, умеющим пользоваться этими законами и стремящимся быть активным участником политического руководства страной. Это будет, конечно, дополнительной нагрузкой для большевиков специалистов. Но это будет такая нагрузка, которая окупится потом с лихвой».

Товарищ Сталин лукавил. В созданной им системе власти можно было быть лишь *пассивным* участником политического

руководства страной, — но даже пассивность не давала гарантий безопасности.

Иосиф Виссарионович Сталин

Схема власти, к которой пришел Сталин, гениально проста: он тиранил бюрократию, которая, в свою очередь, тиранила народ. Это позволяло, помимо всего прочего, выступать ему в роли заступника перед лицом народных масс и в роли праведного революционера перед самим собой; в этом была та *народность* Сталина, которая до сих пор делает его актуальной фигурой. Конечно, сводить строй сталинского Советского Союза, не говоря уже о более ранних и более поздних временах, исключительно к тирании, было бы как минимум пошлым примитивизаторством. Однако сталинская тирания наложила громадный отпечаток на историю коммунистического государства и, отстояв его перед лицом насущных опасностей, в конечном итоге фатально подорвала его жизнеспособность. Атеистическое коммунистическое государство было по сути своей не просто религиозным, но сверхрелигиозным. Сталинизм укрепил это государство в его «физической», материальной ипостаси (отдельный и очень болезненный разговор, какой ценой это было достигнуто), но уничтожил веру в основополагающий принцип, на котором зиждилось это государство. Вот поучительнейшая история о роли духа в народной жизни!

Не Сталин, а вернее сказать, вовсе не только Сталин создал советское государство. Но Сталин в огромной мере создал чело-

века, который явился решающим «винтиком»⁶⁹ государства — человека управляющего.

Самое мудрое, что сказал Иосиф Виссарионович — это знаменитое «кадры решают все». Однако те *кадры*, которые он выковал, были в лучшем случае ильфо-петровскими бухгалтерами берлагами. Именно они в конце концов и *решили все* в 1991 году, растащив по кусочкам великое государство, своей ролью в строительстве которого он так гордился.

В народе, при их главенстве в сталинскую эпоху, тем не менее, продолжал весьма искусно поддерживаться пафос строительства нового мира и великих трудовых достижений. А за пределами страны поддерживалась легенда об этом пафосе, во все не далекая от действительности. Говоря сегодняшним языком, режим Сталина во многом являлся замечательно функционировавшей «подставой». Героизм и энтузиазм, наследованные от революционной эпохи, были по-прежнему впечатляющими. Однако их плодами пользовались и распоряжались постреволюционные сталинские соколы.

Народ, пусть не весь, но значительная его часть, все же возлюбил Сталина. Крутой революционер, творящий над этим народом насилие во имя первой в мире революционной империи (в самом словосочетании «революционная империя» заложена сталинская политическая смерть), создатель нового правящего слоя, он воспринимался людьми на уровне старого доброго царя-батюшки. Измученный войнами и свалившейся на его плечи ответственностью, народ не только не отошел от своего бессоз-

⁶⁹ Известные сталинские слова о человеке-винтике до сих пор вызывают возмущение. Между тем, они лишь констатация факта: любое государство, любой строй мнят человека именно как винтик, в конечном счете, как *средство* для своего функционирования. Более того, человек, особенно в критические моменты истории, испытывает *потребность* ощущать себя винтиком — маленьким или большим винтиком грандиозного механизма, механизма, цель работы которого может быть даже и не понятной ему, и эта потребность иногда является *жизненно* важной. Все, чего добились в результате развала тоталитарного государства — скомпрометировали в глазах гражданина этот механизм, но винтиком от этого чувствовать себя он не перестал. Ему внушили, что устройство, частью которого он имел гордость себя считать, заржавлено, испоганено и гроша ломаного не стоит — тем самым окончательно погубив в нем чувство собственного достоинства и лишив его смысла жизни.

нательного, но и ухватился за него как за последнюю спасительную соломинку. Его любят по сей день именно как монарха, монарха в духе гениального сатирического стихотворения Алексея Константиновича Толстого:

*Он молвил: «Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец,
Но у меня есть палка,
И всем я вам отец».*

Иосиф Виссарионович частенько выражался в том смысле, что самым большим позором для политика является похвала его врагов. Изничтожая с лютой беспощадностью своих белогвардейских врагов⁷⁰, слышал ли он их фанатические похвалы в свой адрес⁷¹?

Сталинский статус обуславливал не только внутреннюю, но и внешнюю его политику. В Коммунистическом Интернационале, который он фактически был вынужден возглавить, гораздо более популярен был Троцкий, известный всему миру говорун и старый соратник Ленина (интересно, что на самом деле Сталин стал разделять взгляды Ленина гораздо раньше и, в сущности, ни разу не позволил себе встать к Владимиру Ильичу в скольконибудь серьезную оппозицию ни во времена ленинского подполья, ни во времена ленинской власти). Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), поначалу не очень хорошо известный даже в самой Стране Советов, явно проигрывал. Перестраивая под себя Интернационал, этот грандиозный союз коммунистических революционеров, новый вождь Советов в конечном итоге похоронил его: учреждение такого рода никак не могло являться инструментом чьей-то единоличной власти. Крах мечты о мировой революции состоялся окончательно в 1933 году, когда к власти в Германии пришел радикальный антикоммунист Адольф Гитлер. Злокозненный эмигрант, Троцкий сравнивал восприятие Стали-

⁷⁰ Вместе с бывшими красными комиссарами.

⁷¹ Показательна в этом смысле судьба очень модного ныне Николая Устрялова, теоретика великодержавного большевистского реванша, принявшего смерть от сталинской репрессивной машины.

ным Гитлера с поведением кролика перед удавом. Это было как минимум преувеличение; верно, впрочем, и то, что Гитлер обладал исключительной мощью личности и был создателем исключительно мощного движения. Взяв курс на тоталитарное единовластие, Сталин уже не мог противопоставить Гитлеру мировую революцию; коммунизм под его руководством вновь становился призраком коммунизма. То же касалось не только гитлеровской Германии, но и прочих империалистических держав. И тогда Советское государство, стоявшее в авангарде сопротивления империалистической системе, Иосиф Сталин пожелал вписать в саму эту систему.

Это было роковое противоречие. Тот, кто принимает чужие правила игры, неизбежно в этой игре проигрывает. Сталин начал корректировать радикальную идеологию молодого Совдепа «применительно к подлости» окружающих акул. Чувствующий себя неуверенно среди международных фанатов коммунизма, за каждым из которых ему мерещился троцкист, Сталин охотнее шел на контакт с Гитлером, а потом с Черчиллем, нежели с ними. Конечно, время махать перед буржуинами буденовской шашкой ушло безвозвратно. Но это вовсе не означало, что следует откровенно сдавать своих самых преданных союзников и единомышленников во имя «стабильных взаимоотношений» с теми странами, в которых они представляли собой реальную силу, тем более что стабильность этих взаимоотношений имела особый привкус.

Как вел себя Запад, с которым Сталин все время пытался «войти в долю»? Сколько ни существовал Советский Союз, Запад буквально лелеял свои маленькие пятые колонны, созданные на территории коммунистического государства. Об акциях, подобных нашумевшей сдаче Сталиным германских коммунистов, речи быть не могло. Роспуск Коминтерна символизировала замена государственного гимна с великолепного Интернационала на гимн, написанный посредственным детским поэтом и потомственным блюдолизом Сергеем Михалковым. На тот момент, меняя гимн, Сталин даже временно выигрывал в смысле международной политики — но это была колоссальная сдача идейных позиций, в перспективе означавшая закат коммунистического влияния в Европе. Не теряя мечты о мировой револю-

ции, Сталин после войны, установив лояльные Советам режимы в окрестных государствах, думал установить это влияние другими средствами, административно-командными, но только этим вопрос нельзя было решить.

В самом начале этой войны, в 1940 году, ударом ледоруба в оппозиционный череп был убит непокорный Троцкий, продолжавший в изгнании свою борьбу против сталинизма. Оторванный от дел, он большей частью был вынужден вести ее на литературном поприще, но и в этом своем качестве чрезвычайно досаждал Сталину и его окружению. Исполнителем убийства был сталинский агент Рамон Меркадер, впоследствии награжденный орденом за свой сомнительный подвиг. А в те дни «Правда» сообщала:

«Троцкий запутался в собственных сетях, дойдя до предела человеческого падения. Его убили его же сторонники. С ним покончили те самые террористы, которых он учил убийству из-за угла, предательству и злодеяниям против рабочего класса, против страны Советов».

Таким ли уж необходимым было Сталину это убийство? Накануне войны Иосиф Виссарионович делал все, чтобы уничтожить своих врагов, в первую голову в левом лагере, до которого его руки могли дотянуться. Строптивный изгнанник, Троцкий продолжал тем не менее отстаивать на международной арене Советский Союз как первое в мире государство рабочих и крестьян, по-прежнему убежденный в великой исторической миссии этого государства, пусть отягощенной сталинской диктату-

рой. Собственно, Троцкий был для Сталина тем самым врагом, о котором Сунь-Цзы писал в «Искусстве войны»: «Хороший враг — половина победы». Из писаний Троцкого советский властитель мог почерпнуть много полезного; но сам характер его власти исключал возможность учиться у врага. Больше, чем открытые враги, Сталину страшны были оппоненты, потенциальные конкуренты в революционном лидерстве. Уничтожив этих оппонентов, он упрочил свою власть, что позволило ему радикально решить вопросы, поставленные временем; но в перспективе, повторимся, это означало крах построенной им системы.

В 1965 году, беседа с издателем Джанджакомо Фельтринелли, итальянским миллионером, погибшим впоследствии при участии в одной из операций «Красных бригад», Фидель Кастро заметил: «Очень трудно как делать революцию, так и защищать ее. Есть опасность, как во времена Французской революции, отправить на гильотину всех революционеров, так, что ни одного не останется, или то же самое во времена Русской революции; этой опасности необходимо избегать». Мы знаем, как лелеял сам Фидель своего собственного Троцкого — легендарного команданте Че Гевару; несмотря на все разногласия между ними, они оставались преданнейшими друг другу соратниками. Потому и удалось Фиделю провести Кубу через тяжелейшие испытания, ни разу не замавав свою революционную честь.

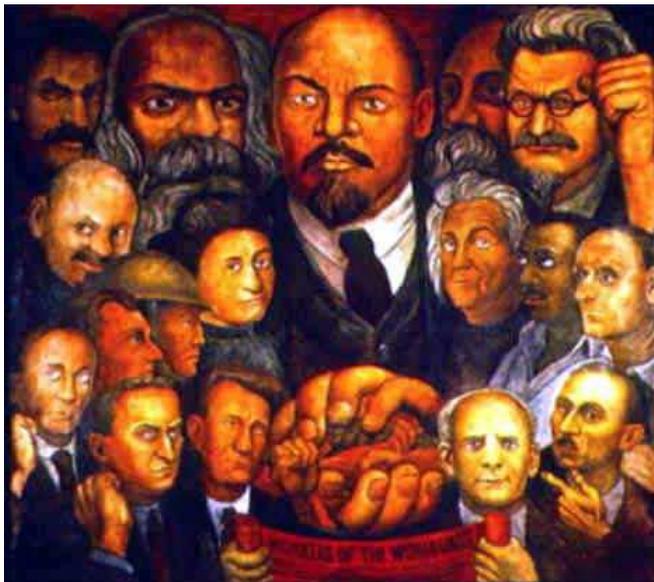
Последняя схватка

Последняя схватка между Сталиным и Троцким состоялась много позже смерти каждого из них, в странный и смутный заключительный период советской истории, лукаво названный «перестройкой». Перестройка была, в числе прочего, взаимодействием не столько реальных Сталина и Троцкого, сколько мифов об этих двух людях. Сталин к тому времени окончательно олицетворял собой почвеннический большевизм; эпоха коммунистического строительства и торжества советской системы ассоциировалась именно с ним, возглавлявшим это строительство почти тридцать лет. Следует признать, это была далеко не лучшая фигура для такого воплощения: одиозный, кровавый и

узколобый тиран, с упорством маньяка косивший своих потенциальных конкурентов. И все же Сталин уже после смерти смог добиться того, чего ему так хотелось при жизни: перестройка показала, что судьба советской системы неразрывно связана с судьбой легенды о нем, отце народов. Бравые и лукавые ниспровергатели хорошо почувствовали слабость и непрочность этого мифа и развенчали его с целеустремленным и алчным усердием могильных червей. Историческое свершение, массовый порыв к коммунизму, — «молодости мира», был утянут на дно железобетонным сталинским идиолом, сброшенным в воду под одобрительное улюлюканье детей Арбата...

Учение, у истоков которого стоял Троцкий, было ненадолго использовано в деле крушения советской системы. Непродолжительность троцкистского ренессанса объясняется тем, что в основании троцкизма лежит все то же стремление к социальной справедливости, которое на заключительном этапе «перестройки» было не то что нежелательно, но даже и опасно. Самыми полезными и заманчивыми в троцкизме для архитекторов перестройки оказались те его свойства, которые отлично развились на западной почве и к которым сам Троцкий, заметим справедливости ради, относился далеко не однозначно. Речь идет в первую голову о пресловутом троцкистском космополитизме и слепой вере в прогресс, фанатизм которой одно время достигал у Льва Давыдовича высочайшего градуса. «Позиция троцев превратила их в лучших друзей западного империализма, — пишет великолепный Исраэль Шамир, израильский журналист, писатель и общественный деятель, — потому, что с такой точки зрения, народы мира должны терпеть своих правителей до второго пришествия, сиречь мировой революции. Настоящие коммунисты — именуемые “сталинистами” на языке троцкистов — были и остаются революционерами, стремящимися взять власть и построить социализм повсюду, в любой отдельно взятой стране — и сейчас. Мао и Ленин, Кастро и Хо Ши Мин не стеснялись брать власть, не говорили: “Нет-нет, мы не возьмем власть, наши страны слишком отсталые, подождем мировой революции», потому, что чувствовали ответственность и любовь к своим странам — Китаю и России, Кубе и Вьетнаму”. <...> Патриотизм, любовь к своей стране — великая сила, и ее следует ис-

пользовать в борьбе против наших врагов». Если сталинизм как идейное течение давно разбит и похоронен — похоронен, подчеркиваю, как *идейное* течение, а не как метод, стиль и знамя для ностальгирующих всех сортов, — то троцкизм, разбитый и похороненный как метод и стиль еще при жизни Троцкого, обнаружил в идейной сфере определенную живучесть. Популярный в среде студентов и университетских профессоров, ставший чем-то вроде санкционированного экстремизма для интеллектуалов, он существует до сих пор, прежде всего в Европе, искушенные властители которой если не поощряют, то не препятствуют обильно расцветающим на его почве догматизму и оторванности от действительности. Им хорошо известно, что ни в какой среде нельзя найти столько оторванных от жизни догматиков, как в среде интеллектуалов... Расколовшийся на две части большевизм так и не стал снова единым целым, оставив своих наследников собирать размашисто и беспощадно разбросанные камни.

Communist Unity Panel by Diego Rivera

Приложение. Лесник исчезает

Весной, когда грязною водою снег сходил с полей, на них отправлялись жители деревни Бычь — искать почернелую, гнилую картошку. Найденные картофелины запекались в крестьянских печках; приготовленные к употреблению в пищу, они назывались *пикусами*; жители соседней деревни, по меркам послевоенного советского времени менее политкорректные, именовали их *сталинцами* — по имени вождя, подарившего крестьянам счастье и свет.

Весна тысяча девятьсот пятьдесят третьего была особой весной. Март выдался чудовищным; все кругом было завалено снегом, повсюду свирепствовала дикая, совершенно зимняя метель. Единственный источник сведений о внешнем мире, радио, проведенное в деревню еще до войны, молчало: порвавший своей тяжестью провода снег пресек связь с далеким российским городом Москвой, разговаривавшей со своими подданными бодрыми, хорошо поставленными учительскими голосами советских дикторов. Разгребая обильные снежные завалы на подступах к хатам, деревенские не очень печалились этим; мало веря словам, доносившимся из диковинных коробок, они все же любили радио, это единственное слуховое окошко в другой мир, — однако голод физический был куда злободневнее голода информационного.

Информационную блокаду прорвал Безголовый Хрол. Хрол назывался безголовым не потому, что был глуп: во время войны снаряд снес ему макушку, и теперь на ее месте пульсировал, дыша, страшноватый, голый, непристойно младенческий родничок, наскоро запеченный, как сталинский пикус. Да, у Хрола не было макушки, но зато у него имелся ламповый радиоприемник, по которому он и услышал о смерти вождя всех народов. Он не стал делиться новостью со всеми: распространяться на тему товарища Сталина всегда было небезопасно. Однако двум-трем близким друзьям сенсационную новость он все-таки сообщил — и заработал, набирая обороты, беспроволочный деревенский телеграф, против которого бессильна любая метель!

Когда весть о смерти Сталина дошла до кроткой бабушки Акулины, та, покачав головой в чистеньком белом платочке, беззлобно сказала:

— Здохла рабая зязюля...

В то время как Хрол, не веря собственным ушам, вслушивался в хрип и скрежет радиоприемника, его односельчан больше беспокоило исчезновение лесника. Лесник, заядлый и энергичный мужичок, с большим пиететом относившийся к своим функциям, олицетворял в деревне Систему, а вместе с ней — неизбежное зло. Зимой, чтобы не замерзнуть, крестьяне должны были топить печи; выписывать для этой цели дрова или торф колхозу не разрешалось, и они были вынуждены заниматься строго запрещенной «самовольной вырубкой леса». Неумолимый сторож народного добра от самого народа, лесник шнырял по лесу днями и ночами, выискивая нарушителей; а не быть нарушителем по понятным причинам не мог никто. Лишь мой прадедушка Кузьма, муж той самой Акулины, моей прабабушки, готов был любой ценой оставаться незапятнанным.

Старый Кузьма был человек принципиальный, упрямый и отстраненный. Он гордился тем, что за всю свою жизнь ни у кого ничего не украл. Свою долю леса на растопку он умудрялся находить таким образом, чтобы честь его оставалась незапятнанной, отыскивая в лесу пни, оставшиеся после односельчан. Корчевать пни было намного труднее, чем рубить деревья, но это не останавливало гордого старика. Их было двое таких на всю деревню, дед Кузьма и дед Яким, отсидевший в лагере за «политическую» статью и обученный там физике, математике и истории плененными большевистскими интеллигентами ленинской эпохи. Старики-неразбойники! Они готовы были преодолеть любые трудности, но оставаться чистыми... О Кузьма, мой прадедушка, хмурый высокий старик с плотно сжатым беззубым ртом. Пусть даст мне бог столько же упорства и сил оставаться самим собой.

Хранитель Леса исчез, как сквозь снег провалился, в том самом свирепом марте. Искать его в лесу в такую погоду не имело никакого смысла, нужно было ждать, когда запоздалая весна придет, наконец, в забытую богом Бычь.

Весна явилась резко, блистательно и торжественно. Повсеместный снег бежал мутными ручьями на потопленные луга и усеянные пикусами колхозные поля. Солнце, ласковое и настойчивое, согревало в своих лучах многострадальных колхозников. Оттепель в деревне Бычь вступала в свои права.

В коридоре бывшего поповского дома, где располагалась единственная в деревне школа, висел большой плакат с поэтом Пушкиным. «Мой друг! Отчизне посвятим души прекрасные порывы», — гласила надпись на плакате. Пушкин, скрестивший руки на груди в хрестоматийной позе, был не по-пушкински увесист и атлетичен, черная крылатка в стиле то ли графа Дракулы, то ли Шерлока Холмса развевалась по ветру, легкомысленная и неуместная в глуши богом забытой то ли белорусской, то ли украинской деревни.

Здесь, под портретом Александра Сергеевича, директор школы собрал всех учеников и учителей, чтобы рассказать им о смерти дорогого вождя. После его сообщения воцарилась скорбная и напряженная тишина. Оставшийся неизвестным ученик неожиданно и законспирированно испортил воздух. Неумолимый смех разобрал его соседей, унюхавших неладное; негодуя, директор с завучами принялись за наведение порядка.

И только маленькая учителька по прозвищу Хруза, та самая Хруза, хата которой, ужасная, полуразвалившаяся, стояла возле огромной лужи и выглядела удручающе даже на фоне всех прочих хат, — только Хруза плакала сиротски и беззащитно, утирая кулаком слезы. Такое поведение вызвало впоследствии иронию у приученных всей жизнью к спасительному цинизму деревенских; «Ты ўжо чаго равеш?» — излагая друг другу эту историю, комментировали они.

«Сталин курьё. Памёр», — сказал покуривавший Кузьма Сергеевич Акулине Килиановне и прекратил с этого дня крутить самокрутки.

Лесника стали искать на следующий день; учеников старших классов поставили на лыжи, и они прочесывали лес, скользя то по грязному подтаявшему снегу, то просто по грязи. Поиски в конце концов увенчались успехом. Он лежал ничком, носом в землю, возле голого, будто бы состоящего из трещин куста, и голый, почерневший череп его, торчавший из весенней грязи,

был расколот надвое. Метрах в двадцати, дохлая, сплюснутая, лежала его собака; убийца, раскроив леснику голову топором, убил ее из лесникова же ружья.

Иосиф Виссарионович и жертва топора, его неизвестный слуга, один из многих, — кто знает, может быть, в они испустили последний вздох в один и тот же час, в один и тот же миг? Кто знает, как много было между ними общего? Все в деревне знали, или, по крайней мере, подозревали, кто убил лесника. Знали и за что. И молчали. Не то чтобы убийцу не осуждали; но вот самого лесника мало кто жалел.

Adolf Hitler superstar

*фюрер как объект и субъект
массовой культуры*

Об Адольфе Гитлере как реальной исторической фигуре сегодня говорить трудно и почти невозможно — именно потому, что говорит о нем всякий, кому не лень. Мы, как и следует из названия этого труда, говорить о реальном Гитлере почти не будем. Это личность таинственнейшая, леденящая, но не будем уподобляться вялым, плоскозадым историкам, заученно пытающимся познать изначально непознаваемое. Мы будем здесь рассматривать Гитлера как одного из самых ярких и знаковых персонажей массовой культуры — как современной ему, так и современной нам.

Адольф Гитлер был крупнейшим теоретиком и практиком организации масс и создания массовой культуры своего времени. «Победа целого мировоззрения, — учил фюрер, — становится действительно возможной лишь в том случае, когда носителем нового учения является сама масса, готовая взвалить на свои плечи все тяготы борьбы». «Наша пропаганда, — говорил он, — по содержанию и форме должна соответствовать самым широким массам народа; ее правильность проверяется только ее реальным успехом». Как никто другой он продемонстрировал абсолютную манипулируемость этих масс. Огромное скопление самых разных людей — умных и глупых, богатых и бедных, подлых и не очень — оказалось поразительно бессильным перед волей одной энергичной, целеустремленной личности. Более того, в своем бессилии люди получали особое, сладострастное удовольствие. Эту чисто женскую податливость массы, неизбывную потребность в стержне, железном фаллосе, это чисто женское «нех пан мне возьме», неоднократно отмечал сам Гитлер, не делавший никакого секрета из того, что он, так сказать, оплодотворил своим индивидуальным фанатизмом весь немецкий народ, народ Канта, Ницше и Шопенгауэра, между прочим.

«Вы должны покориться непреодолимой потребности подчиняться». Так говорил Гитлер. Ответом был восторженный рев.

Казалось бы, история третьего Рейха должна была бы крепко научить народы думать. Как бы не так. Более того, если Гитлер безусловно был гением организации и внушения, и это в какой-то степени оправдывает безмыслие подпавшей под его губительное влияние массы, то сегодня эта самая масса позволяет манипулировать собой явным ничтожествам, клоунам с телеканалов.

Некоторые места в «Mein Kampf», касающиеся психологии масс, остаются потрясающе актуальными по отношению к нашей эпохе, эпохе торжества попса и массовой культуры. Взять хотя бы такой пассаж: «слишком хорошо знал я психику широких масс, чтобы не понимать, насколько неуместны здесь все так называемые “эстетические” соображения». А вот, например, рекомендации относительно ведения пропаганды:

«Нам было ясно, что пропаганда вечно должна обращаться только к массе.

Для интеллигенции или для тех, кого ныне называют интеллигентами, нужна не пропаганда, а научные знания. Как плакат сам по себе не является искусством, так и пропаганда по содержанию своему не является наукой. Все искусство плаката сводится к умению его автора при помощи красок и формы приковать к нему внимание толпы.

На выставке плакатов важно только то, чтобы плакат был нагляден и обращал на себя должное внимание. Чем более плакат достигает этой цели, тем искуснее он сделан. Кто хочет заниматься вопросами самого искусства, тот не может ограничиться изучением только плаката, тому недостаточно просто пройти по выставке плаката. От такого человека надо требовать, чтобы он занялся основательным изучением искусства и сумел углубиться в отдельные крупнейшие произведения его.

То же в известной степени можно сказать относительно пропаганды.

Задача пропаганды заключается не в том, чтобы дать научное образование немногим отдельным индивидуумам, а в том, чтобы воздействовать на массу, сделать доступным ее пониманию отдельные важные, хотя и немногочисленные факты,

события, необходимости, о которых масса до сих пор не имела и понятия.

Все искусство тут должно заключаться в том, чтобы заставить массу поверить: такой-то факт действительно существует, такая-то необходимость действительно неизбежна, такой-то вывод действительно правилен и т. д. Вот эту простую, но и великую вещь надо научиться делать самым лучшим, самым совершенным образом. И вот, так же как в нашем примере с плакатом, пропаганда должна воздействовать больше на чувство и лишь в очень небольшой степени на так называемый разум. Дело идет о том, чтобы приковать внимание массы к одной или нескольким крупным necessities, а вовсе не о том, чтобы дать научное обоснование для отдельных индивидуумов, и без того уже обладающих некоторой подготовкой.

Всякая пропаганда должна быть доступной для массы; ее уровень должен исходить из меры понимания, свойственной самым отсталым индивидуумам из числа тех, на кого она хочет воздействовать. Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем элементарнее должен быть ее идейный уровень. А раз дело идет о пропаганде во время войны, в которую втянут буквально весь народ, то ясно, что пропаганда должна быть максимально проста.

Чем меньше так называемого научного балласта в нашей пропаганде, чем больше обращается она исключительно к чувству толпы, тем больше будет успех. А только успехом и можно в данном случае измерять правильность или неправильность данной постановки пропаганды. И уж во всяком случае не тем, насколько удовлетворены постановкой пропаганды отдельные ученые или отдельные молодые люди, получившие «эстетическое» воспитание.

Искусство пропаганды заключается в том, чтобы правильно понять чувственный мир широкой массы; только это дает возможность в психологически понятной форме сделать доступной массам ту или другую идею. Только так можно найти дорогу к сердцам миллионов. Что наше чересчур умное начальство не поняло даже этого, лишний раз говорит о невероятной умственной косности этого слоя.

Но если правильно понять сказанное, то отсюда вытекает следующий урок.

Неправильно придавать пропаганде слишком большую многосторонность (что уместно, может быть, когда дело идет о научном преподавании предмета).

Восприимчивость массы очень ограничена, круг ее понимания узок, зато забывчивость очень велика. Уже по одному этому всякая пропаганда, если она хочет быть успешной, должна ограничиваться лишь немногими пунктами и излагать эти пункты кратко, ясно, понятно, в форме легко запоминаемых лозунгов, повторяя все это до тех пор, пока уже не может быть никакого сомнения в том, что и самый отсталый из слушателей наверняка усвоил то, что мы хотели. Как только мы откажемся от этого принципа и попытаемся сделать нашу пропаганду многосторонней, влияние ее сейчас же начнет рассеиваться, ибо широкая масса не в состоянии будет ни переварить, ни запомнить весь материал. Тем самым результат будет ослаблен, а может быть, и вовсе потерян.

Таким образом, чем шире та аудитория, на которую мы хотим воздействовать, тем тщательнее мы должны иметь в виду эти психологические мотивы».*

Можно рассматривать эти строки как руководство по ведению политической пропаганды (не потому ли до сих пор запрещают написанную больше восьмидесяти лет назад книгу Гитлера, что в ней откровенно и подробно описывается технология «работы с массами», используемая по сей день?), но и как руководство по

* В другом месте Гитлер говорит:

«...Масса косна и ленива. Она неохотно берет в руки печатное произведение, в особенности если человек из массы не убежден заранее, что в данной книжке он найдет именно то, во что он сам верит и на что он сам надеется. Книги определенного направления обыкновенно читаются только людьми, которые сами принадлежат к этому направлению. Только прокламация или плакат могут еще рассчитывать на то, что ввиду краткости этих произведений они будут прочитаны иногда и противниками и тем окажут на них мимолетное влияние. Рисунок во всех его формах, вплоть до фильма, имеет уже большие шансы. Здесь человеку уже не приходится много шевелить мозгами. Ему достаточно взглянуть на рисунок и самое большее прочитать краткий пояснительный текст к нему. Это не то, что прочитать целую книжку или брошюру».

Что называется, не в бровь, а в глаз.

созданию мыльных опер они ничуть не проигрывают. Наплыв пропаганды не стал меньшим, более того, он усилился и увеличился; но сама пропаганда стала носить менее целенаправленный, и, как следствие, более разнообразный, более широко охватывающий массы характер. Очевидно, она не нуждается уже в стальном идеологическом стержне; проникновение идеологии настолько глубоко и значительно, что ею пропитано все вокруг, и пропаганда сама собой воспроизводит ее стереотипы.

Кстати, сам термин «пропаганда» в наше время далеко не так популярен, как он был популярен в начале прошлого века. Он стал слишком однозначен и вызывающ, как сами писания свирепого Адольфа. Вовсе не обязательно и даже не желательно употреблять его сегодня во весь голос.

Не будет преувеличением, если массовую культуру двадцатого века разделить на культуру до и после Гитлера. Причем в последней, как мы уже замечали, миф о Гитлере играет одну из ключевых ролей.

«За двадцать лет он ни разу не повысил на меня голос» — вспоминала секретарша Гитлера. Женщины вообще обожали его: фюрер был чертовски обаятелен. По сохранившейся кинохронике видно, как галантно он умел общаться с ними: учтивый, вежливый, отстраненный, неуклюжий ровно настолько, насколько должен быть неуклюж настоящий мужчина. Друзья и

соратники боготворили его. Талантливый художник, преданный товарищ, отважный солдат. Он принципиально не кушал мяса и обожал свою собаку. Таким в личной жизни был Адольф Гитлер, державший в трепете всю Европу — и продолжающий держать ее в трепете до сих пор.

Похоже все-таки, что Европе очень хотелось, и очень хочется, находиться в состоянии страха и трепета.

Страшно признавать это, но в Гитлере было очень много детского. Азартно двигая по карте солдатиков и танки, он словно переживал вновь детскую, недоигранную когда-то игру, исход которой волновал его не так уж и сильно. Чисто детскими были и невероятные наглость и безрассудство, с которыми он всегда пер на рожон. Потому и был он столь непредсказуем, потому и одержал столько невероятных побед, потому так сложно было победить его самого.

Во всяком художнике всегда сильно детское начало; Гитлер же был, от грубых и безапелляционных разглагольствований в *Mein Kampf* до точки пули в конце, прежде всего художник, в преступном вдохновении рисующий апокалиптическую картину. Созданная им эстетика, безупречная от закручивающейся свастики до дубовых листьев на петлицах, не имеет равных по силе воздействия. Кинохроника сохранила для нас многочисленные парады с его участием, когда фюрер стоит на трибуне, вскинув руку, недвижно, как монумент, только глаза сверкают, и внизу, в экстазе беснуются, трутся друг о друга огромные толпы фанатов: мужчин, женщин, тинэйджеров. Нужно признать в этих парадах сильные, цельные и впечатляющие произведения искусства. О Ленине говорят, что он не стал бы революционером, если бы в молодости не пережил казнь брата, покушавшегося на царя. Это, конечно, вздор. А вот в отношении фюрера вполне можно сделать предположение, что поступи в 1907 году молодой, талантливый и уверенный в своих силах художник в Академию Изобразительных Искусств, — и его жизнь, а вместе с ней, как знать, и судьба человечества, сложилась бы иначе. С теми же способностями, задатками и энтузиазмом он отдался бы совсем другим увлечениям. Однако юный Адольф оказался чужим на празднике жизни; все места давно были заняты. И тогда он решил изменить ход праздника.

Вопреки глупой и неисторичной легенде, фюрер вовсе не был расхристанным маргиналом, безбашенным ниспровергателем всего и вся. Нет, он готов был играть по правилам общества во все ритуальные поддавки и салочки. Он умел быть лощеным и рафинированным, как не всякий аристократ. Иное дело, что, играя по этим правилам, он все время имел в виду достижение своей собственной цели, мрачной и безумной. И он ее добился. Несметные горы трупов — вина не только Гитлера, но и системы, его породившей. Пример Гитлера, чьи выдающиеся задатки и качества изначально не вписывались во все стандартные и нестандартные рамки буржуазного общества и деформация которых оказалась чудовищной, демонстрирует небывалую, метафизическую подлость Системы. История фюрера — нравственный приговор ей, безнадежно уродующей помыслы и сознание своих самых талантливых людей. Это суровое предупреждение конформистской цивилизации, в ханжестве, косности и лицемерии которой протест исключительной личности принимает дьявольские, античеловеческие, разрушительные формы. Предупреждение, которому эта цивилизация так и не вняла.

«Гитлер — это мрачная завораживающая тайна, — пишет белорусский радикальный мыслитель Александр Бурьяк. — Это — средоточие, узел, символ, ключ. На нём многое сошлось, многое через него пролегло. Нравится это кому-то или не нравится (может быть, даже очень сильно не нравится!), но разнообразные смысловые ассоциации идут именно через него — и нечем (нечем) его в этой роли заменить. Он *был*, и уплощать это обстоятельство — значит поступать абсурдно.

Полусумасшедший? ДА. Революционер, талантливый организатор? Тоже ДА. Героическая личность? Несомненно ДА. Враг русского и многих других народов? И здесь ещё одно уверенное ДА. История Гитлера — это история о том, как герой, вызвавшийся бороться с чудовищем, постепенно превратился в чудовище сам.

Демонстративное неприятие Гитлера, поверхностные негативные оценки его, негласный запрет на корректное обсуждение его приводят к тому, что у некоторых думающих людей складывается впечатление, что от них скрывают что-то существенное.

Для кинематографистов, журналистов и писателей это удобно, но в целом пользы от этого нет».

«*Bene dignoscitur, bene curatur*», гласит римская пословица. То есть, хорошо распознается — хорошо лечится. Но распознавать фюрера никто не стал, да и так ли уж хотели излечить человечество от чумы двадцатого века его новоиспеченные хозяева?

После войны союзники разделились на два лагеря — социалистический и капиталистический, восточный и западный. Две легенды о Гитлере, восточная и западная, различались не так уж сильно.

Советские пошли по пути наименьшего сопротивления, всецело отождествив Гитлера с персонажем карикатур Кукрыниксов⁷². Гитлер по-советски — трусливый, тупой и жалкий идиот, «бесноватый фюрер», «получеловек», «пес поганый» и так далее. При этом серьезное рассмотрение гитлеризма было исключено, на него наложили табу такой силы, что интересоваться историей национал-социализма было попросту опасно. Как ни странно, идиотизирование образа Гитлера вызвало неприятие у ветеранов войны. «Нас возмущает то, что немцев показывали как банду идиотов, а это была очень сильная армия тогда в мире, победить ее было трудно. А банду идиотов и дети могут победить», — говорит сегодня Тадеуш Филипковский, заместитель председателя объединения польских ветеранов Армии Крайовой, добившегося со злости запрета показа по польскому телевидению известных польско-советских сериалов «Четыре танкиста и собака» и «Ставка больше, чем жизнь». Замалчивание и профанация гитлеризма привели к самым неожиданным последствиям. «Доброжелатели», способствовавшие разрушению Советского Союза извне, действовали, в частности, с использованием старых добрых гитлеровских психологических подрывных технологий. Более того, нехватка элементарных сведений о гитлеризме вкупе с его демонстративной запретностью и очевидной предвзятостью в отношении деятелей Третьего

⁷² Кукрыниксы — название коллектива трех официозных советских карикатуристов, создавшего в период Великой Отечественной Войны множество антигитлеровских и антифашистских плакатов.

Рейха⁷³ возбуждала к нему нездоровый народный интерес. В советских фильмах о войне янковские и любшины с их самарско-рязанскими физиономиями, одетые в черные мундиры, изображали белокурых бестий эсэсовцев и осязаемо раздувались от гордости. Внуки героических победителей гитлеровской Германии испещряли свастиками стены и заборы.

На Западе, как и у Советов, фигура фюрера была (и продолжает оставаться) жестко табуированной, хотя его принято упоминать к месту и не к месту. Как и у Советов, Гитлер является безусловным исчадием ада, но в западном исполнении в нем появилось некое мрачное изящество. Эффект еще более впечатляющ, чем советский, а в целом — тот же самый. Многократно и усердно демонизируя Гитлера, «хозяева дискурса» добились того, что Адольф, сын Алоиза, спустя пятьдесят лет спустя своего краха остается актуальным политиком: имя его по-прежнему не оставляет никого равнодушным, в отличие от Черчилля или даже Сталина. Эту актуальность гарантирует прежде всего отсутствие права на непредвзятость его наследия — именно ему немецкий диктатор обязан своей активной жизнью после смерти.

Есть отличный фильм с Челентано «Дядя Адольф по прозвищу фюрер», там замечательно пародируются обязательные стереотипы насчет Гитлера и Третьего Рейха. Обязательные, эти стереотипы, как на Западе, так и в Советском Союзе, вызывали отторжение среди претендующих на собственное мнение, зачастую тем самым толкая их в лагерь ультраправых.

Помню, как сам, совсем еще юный, был записан чуть ли не в неофашисты. «Девятого мая Гитлер отравился, и фашистская Германия капитулировала», — рассказывала на замене урока истории деbeatая, неопределенного возраста училка. Начитанный мальчик, движимый единственно желанием установить истину, я поднял руку и заявил, что Гитлер не отравился, а застрелился, причем сделал это гораздо раньше, чем 9 мая, в конце

⁷³ В культовом советском фильме «Семнадцать мгновений весны» проникновенный закадровый голос рассказывает о Геббельсе: «...женат, имеет шестерых детей. Образование среднее». *Среднее образование у доктора философии!* Таким, совсем уж нарочитым, ляпам несть числа.

апреля. Училка была в негодовании: она не могла позволить фюреру принять почетную смерть от пороха и свинца. «Как не стыдно!», — кричала она. — «Во знатоки растут — Гитлера они изучают!» Так, незрелый искатель правды, я был зачислен в Гитлер-югенд; предки мои, погибшие от рук оккупантов, сокрушенно качали головами в раю.

Что рассказывала бы эта училка в случае успешной реализации плана «Барбаросса», размышлял я, направляясь домой после тяжелого учебного дня. Ответ лежал на поверхности. История, что дышло — куда повернул, туда и вышло; а беспристрастная историческая правда никому не нужна. Как там у Оруэлла — «кто управляет будущим, тот управляет настоящим». Однако тем, кто управляет будущим и настоящим (голубая мечта Адольфа), вовсе не нужно изгонять из коллективного бессознательного фигуру Гитлера. Фюрер, повелевающий Империи одним движением брови, — фигура, не могущая не производить должного впечатления на хозяев жизни. В конце концов, они тоже хотели бы уметь вот так же шевелить бровями, хотя, конечно, щепки, в изобилии летящие от такого шевеления, совершенно нежелательны. Гитлер, как создатель жесткого и эффективного иерархического режима, и национал-социализм, как инструмент этой иерархии, не должны быть забыты не столько потому, что «этого не должно повториться», сколько как определенный, весьма впечатляющий опыт. Появление Гитлера заклеено как сбой в системе, воспроизводящей и защищающей самое себя; но его созданное, описанное и обоснованное им искусство повелевать по-прежнему вызывает активное любопытство и пристальное внимание власть имущих. Табуирование этого искусства, наряду с его несомненным использованием, делает наследие создателя Третьего Рейха эзотерическим. То, что принято называть сегодня фашизмом, зарождается не в фольклорных группках экзальтированных и недалеких бритоголовых юнцов; *оно* зреет в роскошных кабинетах, оборудованных кондиционерами и компьютерами. Поэтому, когда новый поря-док придет опять, не говорите, что я вас не предупреждал.

Жил отважный капитан

«В 1975 году, — вспоминал вице-адмирал в отставке Анатолий Иванович Корниенко в интервью газете «Трибуна», — я служил заместителем начальника политуправления БФ и хорошо помню события 8 ноября. Около трех часов ночи по тревожному звонку дежурного политуправления прибыл в штаб флота. Там уже находились командующий флотом вице-адмирал Косов, член военного совета — начальник политуправления вице-адмирал Шабликов, начальники управлений флота. Николай Иванович Шабликов сидел за столом, держал в руках три телефонные трубки. Москва требовала доклада, что происходит на флоте. Никто толком ничего не знал. Было лишь известно, что капитан 3 ранга Саблин изолировал командира, часть офицеров и мичманов, сыграл боевую тревогу. Корабль снялся с якоря и идет Ирбенским проливом в открытое море.

Первая мысль, которая всем пришла в голову: где-то вкралась ошибка в суточное планирование. Дело в том, что после военно-морского парада в Риге, корабль должен был идти в Лиепая для постановки в завод на навигационный ремонт. Но, как показали дальнейшие события, никакой ошибки не было».

Ошибки не было, была непреклонная решимость сменить курс. Зачем же хотел сменить курс капитан третьего ранга Саблин?

Так жить нельзя

Валерий Михайлович Саблин, капитан третьего ранга, заместитель командира БПК «Сторожевой» по политической части, родился 1 января 1939 года в семье потомственного военного моряка. В 1959 году вступил в КПСС. После окончания Ленинградского строевого высшего военно-морского училища имени

Фрунзе⁷⁴ в 1960 году служил на строевых должностях⁷⁵ вплоть до 1969 года. В 1969 году, являясь капитан-лейтенантом, помощником командира сторожевого корабля Северного флота, поступил в военно-политическую академию им. В. И. Ленина. После окончания академии в 1973 году был назначен замполитом на БПК «Сторожевой».

Братья Саблины. Валерий в центре

Учеба в академии не являлась для Саблина просто очередной ступенькой его карьеры. Одна из самых известных книг Троцкого называется «Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет». Мы не знаем, пришел ли Саблин к мысли о *преданной революции* ко времени поступления в академию, но вопрос о том, *что такое СССР и куда он идет*, волновал его с самого начала.

⁷⁴ «Валерия мы называли совестью курса, — вспоминает соученик Саблина А. И. Лялин. — Не подумайте, что он был занудой из породы завятых отличников. Нет, он был очень живым, веселым — и в то же время очень твердым в принципах. Не вилял, не ловчил. Начальство его ценило. Он быстро стал командиром отделения, одним из первых в нашем потоке вступил в партию — еще на четвертом курсе. Мы выбрали его секретарем факультетского комитета комсомола».

⁷⁵ Службу Валерий Михайлович начал на эсминце с нехарактерно воинственным для советского флота названием «Ожесточенный». Первое повышение в звании, несмотря на самые положительные отзывы командиров, задержалось почти на год. Это было связано с тем, что Саблин написал письмо тогдашнему руководителю коммунистической партии Хрущеву, в котором излагал свои соображения по поводу ее совершенствования.

В отличие от миллионов соотечественников, Саблин вступил в Коммунистическую Партию Советского Союза сознательно. Валерий Михайлович был не просто советским человеком, но советским человеком, искренне разделяющим коммунистические взгляды, как говорится, сложившимся, убежденным коммунистом. Он штудировал Маркса и Ленина, убеждаясь всякий раз, что общество, в котором он живет, не очень похоже на коммунистический город солнца...

Не будем сгущать краски. Средний человек в СССР жил довольно неплохо, как бы в грубо сколоченной и тесной, неудобной, но надежной теплице, жил в стабильности и уверенности в завтрашнем дне, без особых забот о хлебе насущном, более того, благосостояние его медленно, но верно улучшалось. Что же касается людей *не-средних*... Ну да, именно про них придумана поговорка «там хорошо, где нас нет», и свой тяжкий крест они, наверно, влачили бы и в городе солнца, если такой город вообще возможен. И именно в Советском Союзе, тоталитарном и жестоком, им было особенно душно.

Советский Союз был первым в мире государством сверхидеи. «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами», — учил основоположник. Но фразу его можно продолжить: идея перестает быть материальной силой, когда массы овладевают ею, приспособливая для своих многочисленных желаний, потребностей и нужд. Начинается *профанация* идеи, что очень хорошо можно видеть на примере церкви, «тела божиего» где «пять копеек за свечку». Но — кесарево кесарю, а божие богу. Сверхъестественным можно манипулировать вечно, ибо субъект, на который в этом случае ссылаются, не подлежит определению, высшая воля не может быть понятна смертному, бог, чье царствие *на небе*, не может быть виноватым, даже если тело божие *на земле* завшиVELO до предела. Другое дело — светское-советское государство, атеистическое и материалистическое, апеллирующее к сознательности масс. Всякая несправедливость, всякое предательство в высших эшелонах власти воспринимаются крайне болезненно.

Вор и мошенник во власти при демократии понимается народом как должное: «политика — грязное дело», это знают или об этом догадываются все. В коммунистическом, советском обще-

стве, обществе «социальной справедливости» и «власти народа» появление такого мошенника наверху представляло собой невыносимое противоречие с теми принципами, которые декларировало государство. Ложь и несправедливость, допускаемые даже в небольших дозах, уничтожали всякую веру в коммунистическое общество. Когда Ленин заявлял, что «наша сила в правде», это был вовсе не только риторический оборот. Иными словами, добропорядочный советский человек заключал, что «так жить нельзя», исходя из советского же идеала, и только из него.

Капитан Саблин пришел к тому же выводу. В раздумьях о судьбе советского общества он написал программу его переустройства. Программа насчитывала менее тридцати пунктов...

Ну конечно же, капитан был идеалист, законченный идеалист, но за свои идеалы он был готов и желал бороться, и в скором времени он это продемонстрировал.

На полях одной из многочисленных книг, проштудированных им в академии, Саблин написал цитату из Бердяева: «Человек может и часто должен жертвовать своей жизнью, но не личностью».

Итак, по окончании военно-политической академии имени В. И. Ленина Саблин был направлен замполитом на большой противолодочный корабль «Сторожевой». Кораблю было всего два года, и он представлял собой если не последнее, то весьма серьезное слово советской техники. Вот такие данные о корабле приводит газета «Комсомольская правда:

Большой противолодочный корабль «Сторожевой».

Спущен на воду в 1973 году.

Водоизмещение — 3200 тонн.

Длина — 123 метра, **ширина** — 14 метров, **осадка** — 4,5 метра.

Максимальная скорость хода — 32 узла (более 60 км/час).

Автономность плавания — 30 суток.

Вооружение: 4 ракето-торпеды с дальностью стрельбы 35 — 50 км; 2 реактивные бомбовые установки, стреляющие на 6 тысяч метров; 2 торпедных аппарата по 4 торпеды (для поражения подводных и надводных целей); 2 ракетных комплекса «Оса» (40 зенитных управляемых ракет); две двухорудийные артиллерийские башенные установки.

Экипаж: 195 человек.

Личный состав «Сторожевого» ни разу в своей истории не промахнулся на торпедных, минных и артиллерийских стрельбах.

Большой противолодочный корабль «Сторожевой»

Капитан первого ранга в отставке Октябрь Бар-Бирюков, кажется, единственный биограф Саблина, приводит о корабле несколько иные сведения: «По нашей классификации и терминологии большой противолодочный корабль, или сокращенно BPK «Сторожевой». А по натовской — легкий крейсер типа «Буревестник». Его водоизмещение доходило до 4000 тонн, длина корпуса составляла 123,5 м, ширина — 14 м, осадка — 7 м». Среди других упоминаний характеристик «Сторожевого» в средствах массовой информации я так и не нашел двух полностью одинаковых, всякий раз натываясь на расхождения, иногда значительные, иногда не очень. Для моего рассказа эти расхождения не очень важны, и я не стану загромождать его метрами и узлами, но сам по себе факт таких расхождений весьма поучительно напоминает о той степени доверия, с которой следует относиться в наш век к печатному (да и к непечатному, так сказать) слову.

Бар-Бирюков пишет, что Валерий Саблин был душой экипажа «Сторожевого», справедливо замечая, что типичный замполит редко мог этим похвастать. К замполитам во флотских кругах обычно относились довольно критически, как, впрочем, и в кругах штатских ко всякого рода профессиональным «общественным деятелям», лукавым коммунистическим функционерам. История показала, что такое отношение было оправданным. Именно эти люди, ревностные служки советской системы, в

нужный момент, как всегда правильно сориентировавшись, продали ее с потрохами, даже глазом не моргнув, втапывая в грязь идеалы, в вечной верности которым торжественно клялись. Исправно колеблющиеся вместе с партийной линией, то и дело, с поводом и без, присягающие на верность «Великим Идеалам», то и дело, с поводом и без, ими предаваемым, циничные, не верящие ни во что, искренне считающие всякое проявление чести признаком душевного нездоровья, тихо и радостно обгаживающие вечером на кухне то, о чем они радостно и громко рапортовали днем, — ненадежные и некрасивые это были люди.

А капитан Саблин был не такой.

капитан Саблин

Легко поверить, что он был душой экипажа, несмотря на низкую популярность своей профессии — кстати, история о смене курса на «Сторожевом» это однозначно подтвердила. Это было действительно так: ведь в отличие от своих собратьев, Саблин действительно был готов отдать жизнь за идеалы, которые провозглашал — многократно опошленные демагогами, замусоленные нечистыми руками и истрепанные лживыми языками, они по-прежнему оставались для него исполненными первозданной святости. Уже одно это должно было вызывать у матросов уважение. Человек с идеалами, не так уж и важно, с какими, — человек, *в повседневной жизни руководствующийся* этими идеалами, а не просто провозглашающий их при всяком удобном для него случае, — такой человек есть настолько редкое в жизни явление, что мало-мальски чуткие люди не смогут не испыты-

вать к нему симпатии. Один из героев наших очерков, революционер Нечаев, был в «земной» жизни человек страшный и причинял окружающим столько неприятностей, что они должны были бы возненавидеть его. Тем не менее, оставленные ими воспоминания о молодом негодяе полны тайной и явной симпатии, ибо они чувствовали, что он лгал, клеветал, стравливал не для собственной выгоды, не для того, чтобы кого-нибудь «подсидеть» или от зависти причинить кому-нибудь зло — но для «интересов дела», даже в таких неблагоприятных поступках оставаясь выше житейской вони...

Что же говорить о Саблине, чья жизненная мораль была самая благопристойная, а расположение к матросам и заинтересованность их жизнью — искренним и естественным? Небывалый факт, но своего замполита матросы уважали гораздо больше, чем капитана корабля, прозванного за чванство «графом». В ленинской каюте «Сторожевого» чудесный замполит повесил плакат: «Каждый должен чувствовать свою независимость для того, чтобы он мог утверждать начала справедливости и свободы, не будучи вынужденным предательски приспособлять их к обстоятельствам своего положения и к заблуждениям других людей...» (из «Рассуждений о политической справедливости» Уильяма Годвина⁷⁶). Во времена ритуально-казенных лозунгов, к которым никто не относился всерьез и на которые никто даже не обращал внимания, вывесить такое изречение мог только неисправимый оригинал. «В момент подавления бунта матрос-первогодок из экипажа “Сторожевого” сообразил этот плакат снять и спрятать, чтобы он не был “вещдоком”, а впоследствии переслал его родным Саблина» — сообщает О. Бар-Бирюков.

Газета «Тольяттинское обозрение» публикует очерк о событиях на «Сторожевом», содержащий в числе прочего интервью с матерью Александра Шеина, матроса, ставшего самым преданным соратником Саблина.

«— Саша отслужил тогда уже два года и через полгода должен был комиссоваться, — пожилая женщина с изболевшимся от многолетнего горя взглядом не может сдержать нервного оз-

⁷⁶ Бар-Бирюков называет его «Годуином Годвином», не подозревая, что это две транскрипции одной и той же английской фамилии.

ноба и плотнее запахивает полы легкой курточки. Впрочем, на скамеечке во дворе, где мы сидим с Анной Семеновной Шейной, действительно прохладно. — Он тогда приехал в отпуск, и мы с отцом заметили, что он все время находится в каком-то приподнятом настроении, какое-то воодушевление с его лица не сходило. Один раз рассказал мне: “Мам, ты знаешь, у нас там замполит — такой потрясающий человек, мы с ним как-то и в разговорах сошлись, и во взглядах на жизнь, а ребята многие косятся: вот, мол, что за дружба такая — обычный матрос и замполит. Но это не подхалимаж с моей стороны, просто Валерий Михайлович действительно человек замечательный”. А я тогда подумала: партия, коммунист, замполит — это ж святое для меня было! — и сказала ему: “Сынок, если человек хороший, не обращай внимания, что ребята говорят, держись его...” Саша уехал, а через два месяца и восстание произошло».

Седьмого ноября 1975 года советский народ праздновал пятьдесят восьмую годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции. По этому поводу в Риге состоялся военноморской парад с участием большого противолодочного корабля «Сторожевой». Но замполит этого корабля был сыт по горло парадами по поводу революции. Он жаждал революции непосредственной.

Восьмого ноября капитан третьего ранга Валерий Саблин написал письма жене и родителям.

«Я долго был либералом, уверенным, что достаточно чуть-чуть кое-что подправить в нашем обществе, написать одну-две

обличительные статьи, что-то или кого-то сменить... Так было примерно до 1971 года. Учеба в академии окончательно убедила меня в том, что стальная государственно-партийная машина настолько стальная, что любые удары в лоб будут превращаться в пустые звуки...

С 1971 года я стал мечтать о свободной пропагандистской территории корабля. К сожалению, обстановка складывалась так, что только в ноябре 75-го появилась реальная возможность выступить. Что меня толкнуло на это? Любовь к жизни. Я имею в виду не жизнь сытого мещанина, а жизнь светлую, честную, которая вызывает искреннюю радость... Я убежден, что в нашем народе, как и 58 лет назад, еще вспыхнет революционное сознание и он добьется коммунистических отношений в стране».

«Дорогие, любимые, хорошие мои папочка и мамочка! Очень трудно было начать писать это письмо, так как оно, вероятно, вызовет у вас тревогу, боль, а может, даже возмущение и гнев в мой адрес... Моими действиями руководит только одно желание — сделать, что в моих силах, чтобы народ наш, хороший, могучий народ Родины нашей, разбудить от политической спячки, ибо она сказывается губительно на всех сторонах жизни нашего общества...»

«Кончать с теорией и становиться практиком»

«Около 19.00 8 ноября Саблин В. М. обманным путем увлек командира корабля капитана 2-го ранга Потульного А. В. в гидроакустический пост, захлопнул люк и закрыл на замок, чем изолировал командира от личного состава. В дальнейшем вход в помещение, где был изолирован командир, находился под охраной ближайшего сообщника Саблина — матроса Шеина А. Н.»

«После изоляции командира корабля Саблин собрал 13 офицеров и 13 мичманов⁷⁷ в мичманской кают-компании, изложил вынашиваемые с 1963 года мысли об имеющихся, по его мнению, нарушениях законности и справедливости в советском об-

⁷⁷ Все другие источники говорят о пятнадцати офицерах и четырнадцати мичманах.

ществе. При этом он демагогически использовал общеизвестные недостатки, о которых сообщается в советской печати (отдельные факты злоупотреблений в торговле, нехватка некоторых товаров, нарушения правил приема в вузы, случаи очковтирательства и приписок, бюрократизма и использования служебного положения в личных целях и др.). Саблин преподносил все это как проявление отхода партии и правительства от ленинских положений в строительстве социализма⁷⁸.

Это — выдержки из совершенно секретного доклада комиссии, сформированной по приказу тогдашнего министра обороны СССР маршала А. А. Гречко «для расследования случая неповиновения, имевшего место 8 — 9 ноября 1975 года на большом противолодочном корабле «Сторожевой» 128-й бригады ракетных кораблей Балтийского флота».

Итак, в мичманской кают-компании, один перед двадцатью шестью (двадцатью девятью, по другим сведениям) офицерами и мичманами, Валерий Саблин объявляет, что взял командование кораблем на себя и поведет его в Кронштадт, а потом в Ленинград, — с тем, чтобы с борта корабля, ставшего теперь независимой территорией, объявить четвертую коммунистическую революцию. Бросить якорь он предполагал рядом с легендарной «Авророй». Технические возможности корабельной радиоаппаратуры позволяли связаться с кронштадтскими и ленинградскими военными моряками и выступить перед сухопутными «трудящимися». Саблин надеялся на их солидарность («стоит только начать!»), которая поможет ему добиться выступления на телевидении, а уж после этого выступления революция начнется повсюду. «Надо разбудить народ от политической спячки!» — написал замполит в объяснительном письме, оставленном запортому в гидроакустической рубке капитану. На концертах корабельной самодеятельности они любили петь дуэтом...

После парада «Сторожевой» должен был идти на ремонт, поэтому весь его боезапас находился на берегу. Саблин решил, что это должно лишний раз продемонстрировать его благие намере-

⁷⁸ На следствии по делу Саблина один из присутствовавших при этом офицеров, вспоминая многократное цитирование Саблиным Ленина и Маркса, говорил, что цитаты были «подобраны тенденциозно».

ния. Трудно сказать, чего было больше в плане Саблина — авантюризма или наивности. Впрочем, историю двигают вперед именно наивные авантюристы, иногда удачливо, чаще всего — неудачливо.

Изложив перед оторопевшими офицерами свой план, Саблин потребовал их поддержки. Офицеры напряженно молчали. Их меньшая часть, люди из числа наиболее близких замполиту, заявили о его поддержке. Остальным Саблин предложил отсидеться во время мятежа под замком, позволив умыть таким образом руки; защитники отечества с готовностью согласились.

Цитированный нами в самом начале вице-адмирал Корниенко рассказывает об этом совсем странно:

«Как только командир спустился по трапу в помещение, Саблин закрыл переборку на замок. Тут же рядом находился библиотечарь, он же по совместительству киномеханик старший матрос Шеин. Саблин приказал ему никого не допускать к командиру и вооружил его пистолетом. Осмотревшись в помещении, командир обнаружил матрац, одеяло. Здесь же лежала записка: “Извини, я не мог иначе. Придем к месту назначения, ты вправе будешь решать свою судьбу сам”. И подпись: “Саблин”

<...>

Находясь изолированным в рубке, капитан 2 ранга Потульный пытался освободиться, стучал в переборку, пытаясь уговорить Шеина выпустить его: “Скажи, Шеин, ты почему пошел на это? Ведь это преступление, Шеин...” Старшина 2 статьи Поспелов и матрос Нобиев попытались освободить командира. Но вмешались трое пьяных мичманов, завязалась драка. Потульный остался взаперти.

Личный состав не знал, что командир арестован, а когда это стало известно, предпринял все возможное, чтобы его освободить. Но вскоре по корабельной трансляции последовала команда: “Офицерскому и мичманскому составу собраться в кают-компанию”.

Первое, что спросили офицеры у замполита: “Где командир?”

— Командир приболел. Лежит в своей каюте. Он меня поддерживает. Мне поручил выступить перед вами, — соврал Саблин.

— А зачем ты дал пистолет Шеину? Это же преступление...

— Он без патронов, — отвечал Саблин. — Я собрал вас, чтобы сообщить: корабль сегодня совершит переход на Кронштадтский рейд, там по требованию экипажа должен выступить один из матросов и заявить, что положение в голодной стране катастрофическое. Нас должна услышать вся страна. Это изложено в обращении “Всем, всем!” и в телеграмме членам Политбюро. Каждый офицер и мичман должен высказать свое мнение...

“За” высказались три лейтенанта и несколько мичманов. Всех, кто был не согласен и выступил против, под угрозой оружия Саблин и Шеин закрыли в трюме».

В этой истории весь офицерский состав корабля выглядит, мягко говоря, нелепо. Судите сами: Саблин запирает в рубке Потульного, для верности приставляя к нему матроса с пистолетом. Первое, что спрашивают у замполита офицеры — «Где командир?» Как следует из их следующего вопроса («А зачем ты дал пистолет Шеину? Это же преступление»), им и без того известно, что командир изолирован и охраняется вооруженным матросом. Допустим, первый вопрос был чисто риторическим. Но самое интересное следует дальше. Саблин объявляет им, что пистолет Шеина разряжен, а далее они вдвоем с Шеиным, «под угрозой оружия», т.е. этого самого разряженного саблинского пистолета, запирают в трюме довольно внушительное количество несогласных — сильных и здоровых офицеров, надо полагать, вооруженных личным оружием. Особенно интересно здесь раздвоение личности Шеина, который ухитрился одновременно сторожить капитана и гонять своим угрожающим оружием корабельное офицерство.

Матрос Шеин

Разгадка совсем не героического поведения офицеров, испугавшихся, если верить вице-адмиралу, идеалиста-замполита и молоденького матросика, довольно проста. В отличие от Саблина, твердо знавшего, во имя чего он затевает свое рискованное предприятие, и чем он в этом предприятии рискует, они воспринимали свою службу чисто механически, боясь взять на себя инициативу и ответственность даже тогда, когда это было жизненно необходимо.

Однако и среди них нашелся смельчак. Господа офицеры обреченно, как овцы, топали в загон, но старший лейтенант Фирсов смог бежать с корабля. Он перебрался на борт находившейся рядом подводной лодки и доложил ситуацию.

Командир подлодки, капитан второго ранга Светловский, хорошо знал Саблина и не смог сразу поверить Фирсову. Он знал Валерия Михайловича как человека весьма перспективного и порядочного, находившегося на хорошем счету у начальства. В апреле 1975 года Саблин был одним из первых в Военно-Морском Флоте награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, в ближайшее время его собирались назначить замполитом одного из самых крупных военных кораблей...

Тем временем Саблин обратился к матросам. Что он им сказал? Сохранились магнитофонные записи его обращения к экипажу корабля, наиболее подробно их цитирует Бар-Бирюков.

«Всем! Всем! Всем! Товарищи, прослушайте текст выступления, с которым мы намереваемся выступить по радио и телевидению. Наша цель — поднять голос правды... Наш народ уже значительно пострадал и страдает из-за своего политического бесправия...»

«Только узкому кругу специалистов известно, сколько вреда принесло и приносит волонтаристские вмешательства государственных и партийных органов в развитие Вооруженных Сил и экономику страны, в решение национальных вопросов и воспитание молодежи... Предполагается, что, во-первых, нынешний госаппарат будет основательно очищен, а по некоторым узлам — разбит и выброшен на свалку истории, так как глубоко заражен семейственностью, взяточничеством, карьеризмом, высо-

комерием по отношению к народу. Во-вторых, на свалку должна быть выброшена система выборов, превращающая народ в безликую массу. В-третьих, должны быть ликвидированы все условия, порождающие всесильность и бесконтрольность гос- и партаппарата со стороны народных масс».

«Письмо Брежневу».
Афиша американской комедии

«Напряженно и долго думая о дальнейших действиях, принял решение: кончать с теорией и становиться практиком. Понял, что нужна какая-то трибуна, с которой можно было бы начать высказывать свои свободные мысли о необходимости изменения существующего положения дел. Лучше корабля, я думаю, такой трибуны не найдешь. А из морей лучше всего — Балтийское, так как находится в центре Европы... Никто в Советском Союзе не имеет и не может иметь такую возможность, как мы, — потребовать от правительства разрешения выступить по телевидению с критикой внутреннего положения в стране».

«Мы твердо убеждены, что необходимость изложить свои взгляды на внутреннее положение в стране, причем чисто критического плана по отношению к политике Центрального Коми-

тета КПСС и Советского правительства, имеется у многих честных людей в Советском Союзе».

«Те, кто не хочет принять в них участие, может сойти на берег на корабельном катере».

«После его выступления началось всеобщее воодушевление. То, о чем мы толковали меж собой в курилках, вдруг прозвучало во всеуслышание. Это было как праздник. Чувство достоинства пробудилось в каждом. Мы людьми себя почувствовали», — говорил позднее на следствии храбрый матрос Шеин. Матросы поддержали своего замполита фактически единогласно. Не следует думать, однако, что все они шли за ним столь же осознанно и восторженно, как Шеин; скорее всего, у большинства просто сказалась старая армейско-флотская привычка не раздумывая подчиняться вышестоящему.

«Сторожевой» снялся с якоря и вышел в Рижский залив.

Мы не изменники, идем в Кронштадт

«Всем, всем, всем! Граждане! Говорит свободный корабль “Сторожевой”. Отечество в опасности! Его подтачивают казнокрадство и демагогия, показуха и ложь. Необходимо срочно вернуться к ленинским принципам и социальной справедливости... Уважать честь, жизнь и достоинство личности...»

«“Сторожевой” не изменял ни флагу Родины, ни ей самой, следует в Ленинград с целью добиться возможности выступить по телевидению с обращением к трудящимся Ленинграда и страны, а также приглашает на свободную территорию корабля членов правительства и ЦК партии для изложения им конкретной программы с требованиями справедливого социального переустройства общества».

«Говорит большой противолодочный корабль «Сторожевой». Я обращаюсь к тем, кто революционное прошлое нашей страны чувствует сердцем, кто критически, но не скептически оценивает настоящее и кто честно мыслит о будущем нашего народа. Мы обратились через командующего флотом к Центральному Комитету КПСС и Советскому правительству с требованием дать одному из членов нашего экипажа выступить по Централь-

ному радио и телевидению с разъяснением советскому народу целей и задач нашего политического выступления. Мы не предатели Родины и не авантюристы, ищущие известности любыми средствами. Назрела крайняя необходимость открыто поставить ряд вопросов о политическом, социальном и экономическом развитии нашей страны, о будущем нашего народа, требующих коллективного, именно всенародного, обсуждения без давления государственных и партийных органов. Мы решились на данное выступление с ясным пониманием ответственности за судьбу Родины, с чувством горячего желания добиться коммунистических отношений в нашем обществе. Но мы также осознаем опасность быть уничтоженными физически или в моральном смысле соответствующими органами государства или наемными лицами... Поддержите нас, товарищи! До свидания».

После долгой путаницы и перекалывания ответственности на плечи друг другу дело о взбунтовавшемся «Сторожевом», его сопровождал целый эскорт из военных кораблей, катеров и самолетов, дошло до Москвы. Последовал приказ — остановить любой ценой. Случилось это утром 9 ноября; всю ночь с 8 по 9 корабль оставался «свободной территорией».

Леонид Ильич Брежнев

Есть отличный гонконгский фильм-притча «Герой», в котором к правителю Китая приходит безымянный воин, задумавший его убийство. Проницательный Император раскрывает намерения воина. Но разговаривая с ним, он понимает, что человек, который хочет его убить — единственный, кто близок к не-

му по духу, единственный, кто воистину преследует ту же цель, что и он — создание Великой Поднебесной Империи. То же в отношении Императора понимает воин. Бросая меч, он отказывается от своего замысла, выполнению которого посвятил всю свою жизнь. Однако закон Поднебесной, как основа ее существования, должен быть незыблем: всякий, покусившийся на Императора, должен умереть. Император не может отступить от закона: скрепя сердце, он отдает приказ казнить единственного человека, который способен понять его намерения. Одиноким и невыразимо печальным остается он на тронном возвышении. Безымянного воина, по его приказу, хоронят с почестями. Ах, если бы Леонид Ильич Брежнев, отдавая свой приказ, походил хоть в чем-нибудь на Императора Цинь! Возможно, в этом случае его империю ждала бы совсем другая участь.

Воин и Властитель. Кадр из фильма «Герой»

В свое время, штудировав Маркса, Саблин записал в своем конспекте: «Нравственное государство предполагает в своих членах государственный образ мыслей, если даже они выступают в оппозиции против органа государства, против правительства».

Предложение сдать «Сторожевой» проигнорировал. Тогда эскадрилья из двенадцати истребителей-бомбардировщиков атаковала его с воздуха. Сброшенные с самолетов бомбы повредили винт и руль. Мятежный корабль более не мог продолжать свой путь к намеченной цели.

«Получение телеграмм с приказаниями министра обороны, главнокомандующего ВМФ и командующего Балтийским флотом возвратиться на рейд и предупреждение о применении оружия в случае неповиновения, которые стали известны экипажу через радистов и шифровальщиков, а также сопровождение ко-

рабля самолетами, кораблями и катерами привели к тому, что значительная часть личного состава одумалась и начала понимать преступность замысла Саблина, предпринимать меры к выводу из строя оружия и части технических средств, стала энергичнее действовать по освобождению командира и офицеров. Примерно в 10.20, еще до сбрасывания бомб самолетом, группой матросов из 25 — 30 человек были освобождены офицеры и командир корабля... Действия командира корабля при освобождении и в дальнейшем были быстрыми и решительными. По его приказанию был вскрыт арсенал, вооружена часть матросов, старшин и офицеров. Командир лично ранил и арестовал Саблина и быстро овладел положением на корабле...»

Легенда гласит, что когда раненного в ногу Саблина вели в плен, один из матросов корабля сказал, обращаясь к высадившейся на борт корабля десантной группе: «Запомните его на всю жизнь. Это настоящий командир, настоящий офицер, настоящий офицер советского флота!»

«Прощайте, ребята! Не поминайте лихом!» — выкрикнул замполит своим матросам.

Конечно, большинство из них помянуло его лихом.

Личный состав экипажа БПК «Сторожевой», раскаявшись, «выражал возмущение предательским действиям Саблина и просил заверить министра обороны, ЦК КПСС и лично товарища Брежнева Л. И. в том, что матросы, старшины, мичманы и офицеры глубоко осознали свое временное заблуждение и готовы к выполнению своего воинского долга». Разумеется, экипаж был расформирован.

«Саблин поломал многие офицерские судьбы, *поставил крест на карьере* десятков людей, — говорит сегодня командир дивизиона противолодочных кораблей капитан второго ранга Олег Королев в интервью желтой газете. — После его ареста экипаж «Сторожевого» расформировали, на офицерах поставили пожизненное клеймо. Цель Саблина, безусловно, была благородна. Но он нарушил присягу».

Всякий, знакомый с историей последних дней Советской Армии, должен согласиться, что обвинение в нарушении присяги в той или иной степени может быть адресовано всем мало-мальски крупным ее чинам. «До последнего дыхания быть пре-

данным своему Народу, своей Советской Родине». Союз Советских Социалистических Республик, государство, которое они клялись защищать, было, вопреки народному волеизъявлению, буквально разорвано на куски, а они пассивно наблюдали за этим. Но зато, конечно, они не ставили кресты ни на своей собственной, ни на чьей-либо чужой карьере.

Как это ни парадоксально звучит, Советское правительство должно было быть по-своему благодарно замполиту Саблину. Его отчаянный поступок мог открыть глаза престарелым властителям на ситуацию в стране — однако это было возможно лишь если бы сами они *желали*, чтобы их глаза были открыты. Значение поступка Саблина состояло не в том, чтобы бросить якорь у «Авроры» и в одиночку объявить четвертую революцию. Эта затея больше смахивала на ребячество, чем на перспективный план. Своим мятежом Саблин сигнализировал о том, что в стране победившего социализма люди, наиболее преданные социалистическим идеалам, люди самые честные, отважные и чуткие, не только не могут найти себе места, но и почитают за самое честное уход в оппозицию, наглядно демонстрируя, каким опасным стал разрыв между идеалом и действительностью.

Вспомнив события, произошедшие через десять лет после саблинского демарша, с уверенностью ответим отрицательно на вопрос о том, извлекло ли Политбюро какие-то выводы из его поступка.

Показательным и символичным было не только поведение Саблина, но и реакция экипажа. Нерешительное офицерство, уходящее в трюм в час «Ч», представляло собой тревожнейший симптом. Можно сказать, что в поведении офицеров перед лицом одинокого идеалиста просматривалось уже их поведение в тысяча девятьсот девяносто первом году, когда перед ними стояли уже *далеко не одинокие совсем не идеалисты*.

«Наши действия носят исключительно политический характер и не являются изменой Родине, — радировал окруженный Саблин со своего мятежного корабля. — Родину предают все те, кто противостоит нам».

В каюте замполита нашли портрет лейтенанта Шмидта.

Портрет лейтенанта Шмидта

В письмах из тюрьмы Саблин любил рисовать Дона Кихота, сражающегося с ветряными мельницами.

Его расстреляли 3 августа 1976 года.

Шеин, верный соратник своего замполита, был «осужден к 8 годам лишения свободы с отбытием первых двух лет в тюрьме». «Это был прекрасный человек, — говорит он, вспоминая о Саблине. — И он был прав».

«После длительного расследования, — сообщает Анатолий Иванович Корниенко, — освободили всех офицеров и мичманов. Многих из них разжаловали, других назначили с понижением. Большинство уволили в запас. Матросов и старшин демобилизовали. Осудили старшего матроса Шеина к 8 годам лишения свободы. Саблина приговорили к высшей мере наказания. Всем уволенным офицерам предоставили жилье, жене Саблина в Калининграде выделили квартиру, одно время она работала официанткой в ресторане “Москва”. Сын Саблина поступил в высшее военно-морское училище».

Как видим, многократно демонизированная по всем возможным поводам Советская власть, надо отдать ей должное, отнеслась к близким и сослуживцам мятежника весьма лояльно.

По следам саблинского мятежа был написан бульварный роман американского писателя Клэнси «Охота за “Красным Октябрем”». В книжонке Клэнси замполит и капитан поменялись ролями, уж очень нетипичным было то, что произошло в реальности. По роману был снят фильм с суперзвездой Шоном О’Коннери, лучшим исполнителем роли Джеймса Бонда, в главной роли. Роман обладает сомнительной художественной цен-

ностью, но некоторые места в нем привлекают внимание и сегодня:

«...В тот момент, когда он сделал шаг от стола, капитан сильным пинком сбил его с ног. Путин упал навзничь, Рамиус вскочил, сильные жилистые руки моряка схватили замполита за голову и ударили затылком об острый металлический угол обеденного стола. Быстрым движением Рамиус нажал на его грудь. Послышался сухой треск, и позвоночник замполита сломался на уровне второго шейного позвонка, там, где обычно ломается шея у повешенного.

Все произошло мгновенно. Путин попытался было крикнуть, безмолвно открыл рот, но тут же закрыл его, успев судорожно вдохнуть последний глоток воздуха — словно рыба, выброшенная на берег. Широко открытые глаза уставились на Рамиуса. В них не было даже боли — всего лишь удивление. Капитан осторожно опустил тело на плитки пола».

В ноябре 2002 года большой противолодочный корабль «Сторожевой» был «списан на гвозди» в Камчатке.

«...Флаг на «Сторожевом», — написал присутствовавший при этом журналист «Комсомольской правды», — спустил его последний командир капитан 2 ранга Валерий Варкан. В тот день офицеры пили, как на похоронах, не чокаясь. А сегодня на носу корабля двое граждан кавказской национальности уже режут ракетные контейнеры. Они из цветного металла и официально проданы предпринимателям».

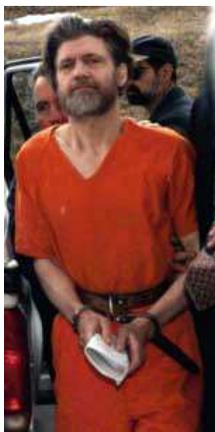

Революция отчаяния

Мы — не первые, кто утверждает, что мир сегодня сходит с ума.

Унабомбер

Весь мир облетели кадры кинохроники, когда его, кудлатого и взъерошенного, в наручниках вели в плен, прокладывая путь в обступившей толпе. Убежденный террорист, сумасшедший профессор, вздумавший изменить мир, всамделишный типаж злодея из книги про Джеймса Бонда, он, странно, имел вид святого отшельника, схимника, душою своей давно пребывающего не здесь. Террористы частенько бывают похожими на схимников: еще один парадокс нашего богатого на парадоксы мира. Скорбная и кроткая полуулыбка мученика за веру играла на устах доктора Death, и лучезарный взгляд его был устремлен в небеса.

Схимник наводил ужас на Америку на протяжении семнадцати лет.

Почтальон звонит единожды

15 ноября 1979 года по салону «Боинга» компании «Американ Эйрлайнс», выполнявшего рейс 444 — Чикаго — Вашингтон, стал распространяться густой дым. Среди пассажиров началась паника; десять человек почувствовали себя отравившимися. Самолет был вынужден совершить незапланированную посадку. Прибывшая полиция обнаружила в багажном салоне взрывное устройство, спрятанное в банке из-под сока. Следователей поразило замысловатое, прямо-таки ювелирное устройство сделанной вручную бомбы; видно было, что ее изготовил не просто умелец, но творческий человек⁷⁹. Так, например, бомбу привело в действие барометрическое устройство, сработавшее с изменением давления в салоне самолета.

Поисками террориста занялось отделение ФБР в городе Сан-Франциско. Выяснилось, что год назад две бомбы схожего изготовления были взорваны на территории Северо-Западного университета города Эванстоун штата Иллинойс. Эти две бомбы, как и взорвавшаяся в самолете, были довольно маломощными. Жертвы обоих взрывов получили довольно легкие ранения, и университетская охрана считала случившееся просто злым хулиганством.

Случай в самолете заставил изменить отношение к неизвестному террористу. Малая мощность взрывов говорила о том, что он нуждается не в человеческих жертвах, но в общественном резонансе. Непонятным оставалось, зачем этот резонанс был ему нужен: бомбист ничего не сообщал о своих целях и не выдвигал никаких требований. Похоже, он намеревался сделать это после более серьезной подготовки общественного мнения.

⁷⁹ «Над некоторыми деталями не столько работали, сколько забавлялись и играли с ними — вспоминал один из детективов. — Видно было, что их обрабатывали то так, то этак, меняя форму. Меня тогда поразило — как это мог кто-то потратить такую ужасную уйму времени, развлекаясь собиранием подобного устройства».

Обращало на себя внимание, что все три бомбы содержали в себе какие-либо предметы из дерева, вовсе не предусмотренные их конструкцией.

Следующей жертвой стал президент авиакомпании «Юнайтед Эйрлайнс» Перси Вуд. Очевидно, бомбист твердо решил — «первым делом, первым делом самолеты». Автор анонимного письма, полученного Вудом, обещал прислать ему книгу «большой социальной значимости». «Надеюсь, что Вы найдете ее интересной», — писал анонимный корреспондент. Вскоре, 10 июня 1980 года, Вуд получил по почте посылку. Вскрыв ее, он обнаружил книгу «Ледяные братья» писателя Вильсона. Недоумевая, в чем же может заключаться социальная значимость этого произведения, президент авиакомпании раскрыл книгу, и она взорвалась в его руках.

От взрыва Вуд получил ожоги лица и рук.

Сомнений в «авторстве» взрыва у следователей не было. Однако им пришлось придти к неутешительному выводу — неизвестный бомбист увеличил мощность заряда. Появилось и нечто новое: на одной из деталей бомбы, абсолютно нефункциональной, было выбито: «FC». Отныне эта деталь будет встречаться во всех бомбах, изготовленных террористом, и станет его фирменным знаком.

За особое пристрастие к университетам и авиакомпаниям опасного преступника окрестили «Унабомбером». Сочетание букв «Ун» в его имени символизировало университет, скромная буква «а» — авиакомпании, а что означало «бомбер», читатель, я надеюсь, догадался сам.

В 1982 году, словно бы издеваясь, Унабомбер оставил деревянный муляж своей бомбы в университете штата Юта. Взрыв следующей бомбы, далеко не деревянной, в том же году, ранил преподавателя университета города Вандербильд. Затем прогремели, один за другим, взрывы в университете Беркли, штат Калифорния — в 1982 и в 1985 году. «Ву, оно работает! Р.В.», — было написано в записке, приложенной к первой бомбе из университета Беркли. Сыщики сбились с ног в поисках Ву и Р.В., но след оказался ложным.

Жертвы бомб в университете Беркли получили серьезные увечья: стало очевидным, что мощность бомб растет от взрыва к

взрыву. За 1985 год Унабомбер совершил целую серию терактов; в частности, увесистая посылка со взрывчаткой была отправлена в корпорацию «Боинг», но бдительный служащий обратил внимание на чрезмерное количество почтовых марок, наклеенных на нее. Он вовремя забил тревогу, и посылку обезвредили.

11 декабря все того же 1985 года Унабомбер стал убийцей. На заминированной посылке, оставленной у дверей магазина компьютерной техники, подорвался владелец магазина. После этого взрыва террорист затих более чем на год, возможно, пораженный своим первым убийством. В его деятельности, впрочем, случались и более длительные паузы.

В начале 1987 года работница компьютерного магазина в Солт-Лейк-Сити в окно своего офиса видела Унабомбера, оставившего рядом со входом в магазин свой взрывчатый подарок. Хозяин магазина, решивший посмотреть, что лежит в посылке, был серьезно ранен взрывом.

Теперь ФБР обладало фотороботом Унабомбера, впрочем, весьма схематичным. Портрет террориста распространили по всей Америке; но никто не опознал изображенного на нем человека.

Фоторобот Унабомбера

Бомбист ушел на дно на целых шесть лет. Он дал о себе знать лишь в 1993 году. В этом году всю Америку потрясла жестокая расправа, совершенная в Техасе над религиозной сектой «Ветвь Давидова» специальными антитеррористическими подразделе-

ниями, и взрыв бомбы в гараже Мирового торгового центра в Нью-Йорке, осуществленный мусульманами-экстремистами. После стольких лет подготовительной работы Унабомбер не мог отдать пальму первенства каким-то сектантским выскочкам; ведь он даже не объявил еще, во имя чего обрек Америку на взрывы. Редакция газеты «Нью-Йорк таймс» получила письмо от группировки революционеров, которая брала на себя ответственность за взрывы 1978—1987 годов. В этом письме расшифровывалась загадочная аббревиатура «FC» — «Freedom Club», клуб свободы. Группировка сообщала, что объявит свои цели в следующем письме.

Изучая письмо, сыщики обнаружили, что на нем отпечатался текст, очевидно, написанный на лежавшей сверху бумаге: «Позвонить Натану Р. в среду, 7.00». И хотя хорошо была известна история одиннадцатилетней давности о Ву и друге его Р.В., ФБР начало повсеместные допросы всех Натанов Р., находившихся в пределах досягаемости, устроив среди них самый настоящий гевалт. Разумеется, этот след оказался ложным.

Через несколько дней самодельная бомба в почтовом пакете чуть не уничтожила известного ученого-генетика Чарльза Эпштейна, причинив ему серьезные ранения. Еще через два дня такой же почтовый пакет вскрыл профессор информатики Дэвид Гелентер, также получивший сильные увечья. Следующей жертвой стал в конце 1994 года глава одной из рекламных кампаний. Он после взрыва не выжил.

Взрыв девятиэтажного здания в Оклахоме в 1995 году знаменитым Тимоти Маквеем, как считается, вновь заставил Унабомбера активизироваться. Действительно, через пять дней после этого взрыва, открыв начиненную взрывчаткой посылку, погиб директор фирмы по торговле лесом — третий и последний человек, убитый Унабомбером. Летом того же года террорист пригрозил взорвать какой-нибудь пассажирский авиалайнер. Но эту свою угрозу он не привел в исполнение.

В сентябре 1995 года Унабомбер разослал в редакции газет «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» манифест своей борьбы. Манифест был озаглавлен «Индустриальное общество и его будущее». Унабомбер заявлял, что если эта работа будет напе-

чатана, взрывы прекратятся. ФБР дало добро на публикацию, впрочем, с купюрами.

Цельное и оригинальное произведение, манифест Унабомбера заслуживает того, чтобы остановиться на нем особо. Написанный подчеркнуто бесстрастно, кратко и емко, и разбитый на пункты для более четкого восприятия, он представляет собой интереснейший документ.

«1. Индустриальная Революция и ее последствия были бедствием для человеческой расы. Увеличилась продолжительность жизни для тех, кто живет в “продвинутых” странах. Но в целом общество дестабилизировано, распространены психологические проблемы (а в странах третьего мира и физические), перед человечеством стоят серьезные экологические вопросы. Дальнейшее развитие технологии ухудшит обстановку на земле. Ситуация дойдет до того, что физические проблемы появятся и у людей в развитых странах.

2. Индустриально-технологическая система может выжить, а может и сломаться. Если она сохранится, физические страдания людей можно уменьшить, но для этого придется пройти через длинный и очень болезненный период регулирования, через период существенного сокращения численности людей и других живых организмов. Кроме того, если система выживет, последствия будут неизбежны: нет никакого пути преобразования или изменения системы, чтобы предотвратить лишение людей самостоятельности и вообще всего человеческого.

3. Если система сломается, последствия тоже будут очень болезненными. Но их можно будет пережить. Поэтому если ломать систему, то лучше сделать это быстрее.

4. Мы поэтому и защищаем революцию. Эта революция может происходить с использованием насилия, а может и не использовать его. Это может быть резкий процесс, а может и постепенный, охватывающий всего несколько десятилетий. Мы не можем предсказывать, какой будет революция. Но есть меры, которые мы рекомендуем всем силам, ненавидящим индустриальную систему. Эта революция не будет ПОЛИТИЧЕСКОЙ. Ее цель не в свержении правительств, но экономических и технологических основ существующего общества».

Консервативный революционер Бенито Муссолини заметил как-то, что после революции возникает вопрос о революционерах. Консервативный революционер Унабомбер (пожалуй, определение «консервативный революционер» подходит к нему больше, чем к Муссолини) решил разобраться с революционерами еще до начала своей революции. Первый раздел манифеста носит название «О современных левых взглядах» и включает в себе остроумную и довольно глубокую критику того, что в наше время принято называть левым мировоззрением. По Унабомберу, «две психологические тенденции, которые лежат в основе современных левых взглядов», суть «чувство подчиненного положения» и «сверхсоциализация».

Чувство подчиненного положения, глубоко присущее современным левым, проявляется в том, что они «имеют тенденцию ненавидеть что-нибудь, признанное сильным, хорошим и успешным». Особенно хорошо можно наблюдать его в навязчивом стремлении к «политической корректности». Доходящая до паранойи защита прав меньшинств, пронизательно замечает автор манифеста, выдает подсознательную уверенность левых в том, что эти меньшинства действительно неполноценны по сравнению с большинством. «Те, кто наиболее чувствительны к “политически неправильной” терминологии, — это не средний черный обитатель гетто, не азиатский иммигрант, не униженная женщина или инвалид, но защитники их прав, многие из которых даже не принадлежат ни к какой “угнетенной” группе, более того, наоборот, вышли из привилегированных страт общества. Политкорректность зародилась в среде университетских профессоров, имеющих постоянную и хорошо оплачиваемую работу, в большинстве своем гетеросексуалов, белых мужчин из буржуазных семейств». Общество для левого есть в первую голову проекция его внутреннего психологического состояния. Левая идея есть прежде всего идея человека *проигравшего*, отрицание объективной реальности есть его глубокая потребность. Реальное решение общественных проблем не является настоящей целью левого; заявляя об этих проблемах, левый лишь выражает свою враждебность обществу. Так, например, левые борцы с расовой дискриминацией на деле разжигают дискриминацию еще больше своими грубыми, показательными действиями.

«Левые фактически вредят черным, потому что враждебное отношение активистов к белому большинству наверняка усиливает расовый вопрос».

«Искусство формирует привлекательность современных левых взглядов, так как искусство вообще имеет тенденцию сосредотачиваться на поражении и отчаянии». Очень меткое замечание.

Социализация человека становится все более интенсивной с развитием общества. *Сверхсоциализация* характерна не для всей левой, но для наиболее влиятельной ее части. Она означает безусловное усвоение левыми «правил игры», задаваемых обществом, против которого они выступают на словах. Левые критикуют общество, исходя из его же моральных ценностей и норм, они «оправдывают свое насилие терминами того общества, против которого бунтуют». «Человек, как считают, социализирован, если он повинуется моральному кодексу своего общества и становится функционирующей частью этого общества. Может показаться, что бессмысленно называть левых сверхсоциализированными, так как обычно их воспринимают как мятежников. Но многие левые — не такие мятежники, какими они кажутся». «Одно из наиболее важных средств, которыми наше общество социализирует детей — пишет Унабомбер, — это манера заставлять их чувствовать себя виноватыми... <...> Мысль и поведение сверхсоциализированного человека больше ограничены ожиданиями общества, чем чувства “слегка социализированного” человека. <...> У многих сверхсоциализированных людей это кончается осознанием своего бессилия, которое может вызывать сильные психологические проблемы. Мы предполагаем, что “сверхсоциализация” — это одна из самых больших жестокостей нашего мира».

Разобравшись с левыми, Унабомбер переходит к своему главному врагу — индустриальному обществу. Он замечает, совершенно по-нищезански, что каждый человек испытывает врожденную потребность в «процессе власти». Однако чем более развитым становится общество, тем меньше зависит от конкретного человека, превращающегося в придаток уже фактически независимого от него и чуждого ему общественного механизма, и тем призрачнее становится возможность реализации такого

процесса. Поэтому система предлагает человеку сублимировать свою энергию на то, что автор манифеста называет «деятельностью заместителя». Унабомбер определяет *деятельность заместителя* как «деятельность, которая направлена для достижения искусственной цели, которую люди создают для себя, чтобы иметь хоть какую-то цель». «В современном индустриальном обществе необходим минимум усилий, чтобы удовлетворить физические потребности. Достаточно пройти программу обучения, чтобы приобрести мелкие технические навыки. Затем надо лишь вовремя приходить на работу и скромно трудиться, чтобы сохранить работу. Единственное, что требуется от человека — это умеренный интеллект и простое ПОВИНОВАНИЕ. Если так и поступать, то общество будет заботиться о человеке буквально с колыбели. Мы говорим здесь о господствующем на нашей планете современном обществе. Таким образом, не удивительно, что современное общество в целом является действием заместителя». При этом «люди в нашем обществе не удовлетворяют свои биологические потребности АВТОНОМНО, но функционируют, как части огромного социального механизма. Напротив, люди вообще имеют большое количество автономии в преследовании их действий заместителя». Функционирование человека в системе фактически сводится к деятельности заместителя; задачи, которые ставит перед ним система, не являются естественными задачами для него как представителя своего вида. «На современного человека изменения в обществе НАЛОЖЕНЫ, тогда как в прошлом он сам творил эти изменения в соответствии с его собственными желаниями» На каждом витке своего развития система все более лишает человека *автономии*, делая его придатком нарочито абстрактного, самодовлеющего механизма. «Мы объясняем социальные и психологические проблемы современного общества следующим фактом: примитивное общество требовало от людей, чтобы они жили при принципиально иных условиях, которые нужны современному человеку. Нынешние требования общества противоречат поведению человека прошлого. Это ясно из того, о чем мы писали выше. То есть, в нашем обществе существует недостаток возможности удовлетворить стремление к власти. И это —

самое важное условие, повлиявшее на “неправильность” человеческих установок».

«Очевидно, что примитивный человек был бессильным против некоторых из вещей, которые ему угрожали; перед болезнями, например. Но он мог переносить этот риск стоически. Ведь это были причины природного характера, если только это не воспринималась, как угроза, исходящая от некоего вымышленного демона. Но угрозы современному человеку ИСКУССТВЕННЫ. Они — не результаты случайностей природы, но НАЛОЖЕНЫ на него другими людьми, на чьи решения он, как личность, не способен влиять. Поэтому он чувствует себя растроенным, оскорбленным и сердитым».

Каким образом можно бороться с этим? «Консерваторы — дураки: они скулят о распаде традиционных ценностей и при этом с энтузиазмом поддерживают технологический прогресс и экономический рост. Очевидно, им не приходит в голову, что нельзя быстро менять технологию, не затрагивая социальные процессы, и что такие быстрые технологические изменения неизбежно приведут к слому традиционных ценностей». Наука и техника являются «наиболее важными проявлениями действий заместителя» и потому представляют для человека особую опасность, — пишет человек, преуспевший в том разделе химии, который касается взрывчатых веществ. Позже стало известно, что он преуспел не только в этой науке. «Ученые работают главным образом для самого процесса», иначе они не создали бы, например, водородную бомбу. Чтобы сломать систему, нужно уничтожить технологию.

«Индустриально-технологическое общество не может быть преобразовано таким способом, чтобы дать человечеству свободу», — заявляет Унабомбер. Не желая говорить общими фразами, он тут же отмечает, каким образом при этом понимает свободу. «”Свободой” мы называем возможность пройти процесс власти, двигаясь к реализации настоящих, а не искусственных целей, без вмешательства, манипуляции или наблюдения со стороны других людей, и особенно со стороны больших организаций. И найти средства для реализации этих целей (как личности или как члену МАЛЕНЬКОЙ группы) в этом случае жизненно важно: это продовольствие, одежда, защита от любых угроз, ис-

ходящих из окружающей среды. А средства такой Свободы — это иметь власть, но власть не для того, чтобы управлять другими людьми, но власть управлять обстоятельствами собственной жизни. У человека нет свободы, если кто-либо (а особенно большая организация) имеет власть над ним, независимо от того, как доброжелательно или терпимо эта власть может проявляться».

«Согласно буржуазной концепции, — пишет Унабомбер, — “свободный” человек есть по существу только элемент социальной машины. Он имеет некоторый определенный набор предписанных и разграниченных свобод, свобод, которые предназначены для обслуживания потребности социальной машины больше, чем для индивидуума».

Далее Унабомбер рассматривает возможные методы, с помощью которых система будет забирать у человека остатки его суверенности и самостоятельности. Уже на современном этапе система чужда грубого подавления личности; ее цель — «заставить людей ХОТЕТЬ решений, которые были приняты за них». «Система не делает и не может сделать так, чтобы удовлетворить человеческие потребности. Вместо этого система меняет человеческое поведение, чтобы приспособить людей к требованиям системы». Унабомбер признает в развитии технологий и положительные стороны; но вред, наносимый этим развитием, неизмеримо более велик. «Если вы думаете, что верховная власть СЕГОДНЯ слишком сильно вмешивается в вашу жизнь, то в будущем власть будет регулировать генетическую конституцию ваших детей», — пророчествует Унабомбер. С грустью, прорывающейся сквозь деловитые формулировки, он признает, что «технология — более мощная социальная сила, чем стремление к свободе», а «система может двигаться только в одном направлении, — к еще большей технологической зависимости».

Тем не менее, как всякий революционер, Унабомбер старается быть оптимистом. «Кажется, что в течение следующих нескольких десятилетий индустриально-технологическая система будет испытывать серьезные трудности из-за экономических сложностей и проблем окружающей среды, а особенно из-за проблем человеческого поведения (отчуждение, восстание, враждебность, разнообразие социальных и психологических трудно-

стей). Мы надеемся, что проблемы, с которыми система, вероятно, столкнется, сломают систему. Или, по крайней мере, так ее ослабят, что революция пройдет успешно. И в этот момент стремление к свободе станет более мощным, чем технология».

Далее автор дает ряд вполне общих советов о возможных тактике и стратегии антииндустриальных революционеров. Его советы, наверное, действительно оказались бы полезными для этих революционеров, если бы они существовали. Унабомбер закликает их: никаких компромиссов! «Вообразите алкоголика, сидящего с бочкой вина перед ним. Предположим, что он начинает говорить себе: “Вино — не плохо для меня, если пить его медленно. Врачи говорят, что в малых дозах вино даже полезно. Так что не случится ничего плохого, если я чуть-чуть выпью...”». Вы хорошо понимаете, что случится потом. Не забывайте, что человеческая раса и технология — это то же самое, что алкоголик с бочкой вина». Разрушение технологии не так уж сложно осуществить. «Вы нуждаетесь в инструментах, чтобы делать инструменты, чтобы делать инструменты, чтобы делать инструменты». Разорвать эту цепь хотя бы в одном месте значит уже причинить системе серьезные неприятности.

«...Большинство технологий, развившихся после Индустриальной Революции — это зависимые от организаций технологии. Возьмите холодильник, например. Без фабричных частей или средств обслуживания постиндустриального механического цеха холодильник был бы недостижим в изготовлении для горстки местных ремесленников. Если бы каким-то чудом они преуспели бы, холодильник им бы не пригодился из-за отсутствия надежного источника электроэнергии. Так что они должны были бы построить водную плотину и генератор. Генераторы требуют больших количеств медного провода. Попробуйте сделать этот провод без современных машин. И где они получили бы газ, подходящий для охлаждения? Было бы намного легче построить ледник или сохранять продовольствие сушкой, как делали перед изобретением холодильника.

210. Так что если индустриальная система будет однажды полностью разрушена, технология охлаждения быстро будет утеряна. То же истинно и для других зависимых от организаций

технологий. И если технология будет утрачена для целого поколения, понадобятся столетия, чтобы ее восстановить».

Автор предусмотрел и возможные возражения о неизбежном возрождении индустриального общества, вечном возвращении системы: «Общество В ИТОГЕ снова пришло бы к индустриально-технологической форме? Возможно, но об этом бесполезно беспокоиться, так как мы не можем предсказывать будущее или управлять им. С этими проблемами пусть имеют дело те, кто будет жить в будущем».

В конце манифеста Унабомбер вновь обрушивается на левых, — он явно опасается, что эти фальшивые революционеры сумеют воспользоваться недовольством масс раньше его и направят этот протест в неправильное русло. Конец манифеста как будто обрублен: никаких призывов, никаких лозунгов, никакого пафоса. Последнее предложение напоминает скорее финал научно-популярной статьи: «Это — интереснейший вопрос, но пусть им занимаются историки».

Ко времени опубликования манифеста делом Унабомбера занималось специально созданное подразделение ФБР; за голову террориста была назначена премия в миллион долларов.

Произведение Унабомбера наделало много шума. Известный сетевой публицист Михаил Вербицкий, добрый гений постсоветской альтернативной культуры, так описывает произведенный им резонанс:

«Боб Гуччионе, мультимиллионер и редактор порнографического Пентхауза, умоляет Унабомбера опубликовать его работу в журнале, и предлагает ему ежемесячную колонку⁸⁰. Довольно скоро, Манифест выходит отдельной книгой, длиной больше двухсот страниц, и очень ходко продается. “Клуб Свободных” находит горячих сторонников, в основном среди той самой технической интеллигенции, против которой направлен унабоммерский терроризм и риторика. Бостонская культуртеррористическая группа “Церковь Эвтаназии” ведет президентскую кампанию Унабомбера, с полным набором плакатов и аги-

⁸⁰ Унабомбер с негодованием отверг это предложение.

Кстати, в 1996 году журнал «People» назвал террориста-децивилизатора одним из двадцати пяти самых интересных людей планеты.

тационного материала. Продажа наклеек на бамперы машин принесла Церкви \$25,000. Лозунги: “Улыбайтесь! Вы под наблюдением” и “Альтернативы нет — голосуйте за Унабомбера!”».

В тот же день, когда в газеты был разослан манифест, профессор Гелентер, одна из жертв Унабомбера, получил от террориста письмо. «Профессор Гелентер, люди с научными степенями не столь умны, как они думают, — писал Унабомбер. — Вы были бы умны, если бы не открыли пакет, посланный незнакомцем. Вы оправдываете свои исследования тем, что если не Вы, то это исследование всё равно проведёт кто-нибудь другой. Да, открытия неизбежны. Но только потому, что такие кретины, как Вы, делают их неизбежными. Мы же не перестаём судить воров только потому, что воровство как явление неизбежно».

ФБР рекомендовало опубликовать манифест вовсе не для того, чтобы делать его автору рекламу. Стиль его и мысли, изложенные в нем, были для сыщиков столь необычными, что они надеялись, что кто-либо, прочитав его, опознает автора. Их надежды оправдались.

Через год с четвертью Унабомбер был схвачен.

Как делаются бомбистами

Теодор Качински появился на свет 22 мая 1942 года в известном городе Чикаго. Мальчику не повезло: он оказался гением. С ранних лет будущий Унабомбер привык к непониманию со стороны окружающих и полюбил свое одиночество.

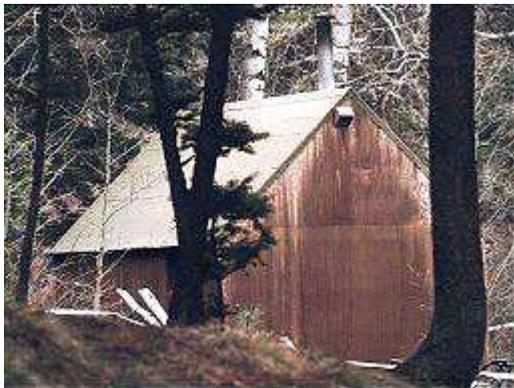

Тед Качински
в годы обучения в Гарварде

Он закончил школу на два года раньше, «перескочив» через два класса; особенно выдающимися были его способности к математике и химии. В шестнадцать лет он уже поступил в Гарвард, который закончил уже через три года, а еще через пять лет получил звание доктора. В 1967 году, имея дипломы Мичиганского и Гарвардского университетов, стал преподавателем математики в том самом университете Беркли, штат Калифорния, который спустя много лет ужаснул своими взрывами — этот университет считается одним из самых престижных университетов США⁸¹. Показатель интеллекта Качински, пресловутый IQ, которому американцы придают столь важное значение, равнялся аж ста семидесяти.

Коллеги-математики прочили ему блестящее будущее, но он проработал в университете всего два года. Молодого гения тошнило от наступавшей на него отовсюду цивилизации. В 1969 году он навсегда ушел с работы, а в 1971 приобрел полгектара земли в горах Монтаны, построил там хижину двух метров в ширину и трех в длину, без электричества и водопровода, и уединился в ней, живя охотой и рыболовством.

⁸¹ Если бы террорист, подобный Унабомберу, действовал в эти годы, молодой Качински мог бы стать одной из его жертв.

Жилище Унабомбера

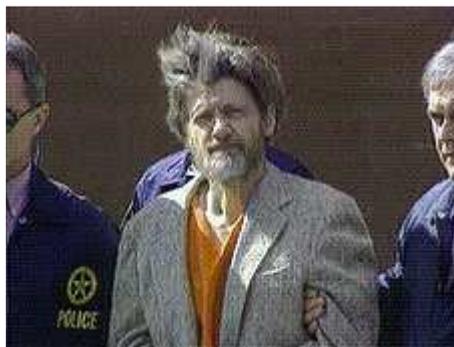
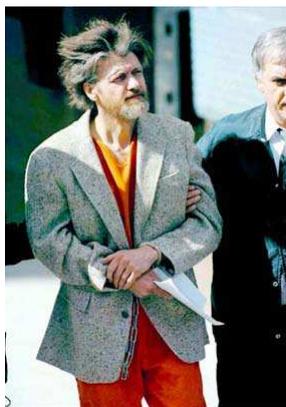
Как мы знаем, охотой и рыболовством занятия Теодора Качински не исчерпывались. Он должен был показать миру, что гений и злодейство все-таки совместимы. Первым об этом догадался его родной брат. Он же и выдал Унабомбера полиции.

Дэвид Качински

С моральной стороны поступок этого человека, предавшего родного брата, представляется мало поддающимся оправданию. Донос Дэвида Качински поступил в полицию уже после того, как манифест Унабомбера был напечатан. Поэтому, согласно своему обещанию, Унабомбер не устраивал более никаких взрывов, удалившись на покой; делая свой донос, Дэвид Качински руководствовался не желанием предотвратить очередной

теракт, но элементарной корыстью. Миллион долларов, действительно, сумма немалая.

Унабомбер арестован

Отношения двух братьев давно оставляли желать лучшего. В 1978 году Теодор Качински оставил свою хижину, чтобы поработать у брата на фирме. Очень скоро он вернулся назад; брат уволил его. В истории якобы была замешана некая женщина, к которой был неравнодушен будущий бомбист.

Еще до начала своей работы на ферме Теодор отправил брату свой манифест. Не уделив ему особого внимания, приземленный Дэвид забросил рукопись подальше, чтобы более чем через два десятка лет она помогла ему заработать миллион.

Так знаменитый террорист смог убедиться воочию в справедливости пункта 51 своего манифеста:

«Слом традиционных ценностей до некоторой степени подразумевает разрушение обязательств, скрепляющих малые социальные группы. Малые социальные группы распадаются потому, что они осознают факт: современные условия общества часто подвигают людей двигаться в новом направлении и оставлять свою группу. Кроме того, технологическое общество ДОЛЖНО ослабить связи внутри семьи и местной общины, если это общество хочет функционировать эффективно. В современном обществе лояльность личности должна проявляться в первую очередь по отношению к системе, и только потом к сообществу малого

масштаба. Ведь если бы лояльность внутри малой общины была сильнее лояльности к системе в целом, такие общины обладали бы преимуществом перед системой, и современного общества просто не существовало бы».

Хижину Унабомбера после ареста ее обитателя обыскивали около недели, боясь, что она заминирована. Среди его бумаг была, в частности, обнаружена работа с характерным названием: *«Бытие разумного человека в безумных местах»*.

«Если я когда-нибудь снова увижу его, я повернусь к нему спиной», — сказал Теодор Качински о своем младшем брате.

Судебный психиатр сделал для всех (кроме подсудимого) удобный, хотя и несколько странно звучащий вывод, что Качински страдает душевным расстройством, но не настолько, чтобы избежать суда. Так сбылось второе пророчество Унабомбера, сказавшего: «Концепция ”умственного здоровья” в нашем обществе определена в значительной степени тем, как индивидуум ведет себя в соответствии с потребностями системы».

Теодор Качинский во время суда

Приговор Теодору Качински гласил: четыре пожизненных срока и тридцать лет тюрьмы. Очевидно, судьи опасались, что у него пять жизней.

Теодор Качински находится в тюрьме по сей день. Он не признает себя душевнобольным и требует для себя смертной казни.

«Когда он оказался в камере, то начал получать письма от своих сограждан, — пишет газета «Версия». — И письма про-

должают приходить почти еженедельно. Теодор Качински аккуратен в своих личных связях. Например, он никогда не отвечает романтическим американкам, которые атакуют его просьбами об интимной переписке. Некоторые из этих дам фамильярно называют его миленьким Тедом. Некоторые официально именуют г-ном Качински. Но все они мечтают завести роман со знаменитым убийцей. В Америке это принято — “тюремные невесты” словно приобщаются к славе своих возлюбленных. Вот ответ Качински одной особенно настырной особе, писавшей ему неоднократно: “...Хотя у меня было много романов и даже была жена, но любил я лишь однажды, когда мне было 19 лет. Я не хочу говорить с Вами об этой девушке. И прошу оставить меня в покое. Мой нынешний успех у женщин для меня просто оскорбителен. Я не хочу больше получать от Вас писем...”.

Ему пишут учёные-математики и студенты, просящие его решить сложную задачу. Им он отвечает — теоретическая математика его по-прежнему волнует. Иногда ему пишут душевнобольные и радикальные христиане. Они согласны с его взглядами, но мечтают спасти его душу и призывают его покаяться. Им он не отвечает.

Однажды ему пришло письмо от абитуриента Гарвардской школы богословия. Юноша захотел выпендриться перед приёмной комиссией и попросил Унабомбера дать ему рекомендацию для поступления.

“...Такое мне пишут впервые, и я, пожалуй, исполню Вашу просьбу... Вы некомпетентны как аналитик. Впрочем, это я могу сказать обо всех философах, чьи работы я читал. Вы политически некорректны, посему я рекомендую Вас в Гарвардскую школу богословия. Может, хоть Ваш приход внесёт струю свежего воздуха в это затхлое заведение...”.

Но чаще всего ему пишут простые американцы из провинции. Они очень хотят поддержать его и присылают ему мелкие подарки — марки, календари, открытки, даже пивные кружки. Они поняли написанный сложным академическим языком манифест как могли. Они пишут ему о своём одиночестве, о своей размеренной и невероятно скучной жизни в американской провинции, о своём бессилии что-либо изменить.

“...Ваш манифест — моя настольная книга. Вы правы во всех ваших наблюдениях и выводах. Все мы живём по накатанной кем-то колее, и наша жизнь зависит от нас всё меньше и меньше...”

<...>

Он хочет, чтобы его убили. И всё же система, с которой сражался Качински, отомстила ему по полной программе. Он стал продаваемым элементом этой системы. <...> Сегодня его продолжает продавать родной брат⁸². По суду он выиграл у ФБР право на владение хижинкой Унабомбера и намерен открыть там музей. Сторонники Теодора Качински, которые появились после публикации манифеста, образовали свою партию. Причём эти люди — представители технократической интеллигенции, которую так ненавидел террорист. Они чтят его манифест, но продолжают терпеливо трудиться в своих компаниях на благо индустриального общества».

Написать Теодору Качински можно по адресу:

Theodor J. Kaczynski, 04475-046, U.S. Penitentiary Max, P.O. Box 8500, Florence, CO 81226-8500, USA.

* *
*

Революция, к которой призывал Теодор Качински, революция, которой он посвятил свою жизнь и жизни своих невинных жертв, была революцией отчаяния. Эффект, произведенный действиями Унабомбера, вряд ли показался ему удовлетворительным; очень может быть, однако, что он и не ожидал другого эффекта. Цивилизация не приняла его, а он не принял ее; человек больших способностей и большой внутренней силы, он был достаточно уверен в себе, чтобы бросить ей вызов, достаточно уверен в себе, для того, чтобы не бояться проиграть.

Тактика, выбранная им, была преступна и бесперспективна; однако другой и не может быть тактика отчаяния. Он как всегда подчеркнуто хладнокровно объяснил свою деятельность все в

⁸² Написав книгу о своем преданном брате, Дэвид Качински заработал в несколько раз больше, чем получил за свой донос.

том же манифесте: «Любой человек, имеющий хоть какие-то небольшие деньги, может напечатать свою информацию или выложить ее в Интернет. Но его информация потонет в потоке другой информации, производимой другими СМИ, так что для него это не будет иметь никакого практического эффекта. Поэтому производить на общество впечатление своими высказываниями почти невозможно для большинства индивидуумов и маленьких групп. Возьмите, например, нас. Если бы мы не сделали того, что мы сделали до сих пор, никто из издателей наш манифест бы не печатал. А если бы он и был напечатан, то не привлек бы внимания большого числа читателей, потому что это самое большое количество больше читает для забавы, и читает газеты и журналы, а не серьезные эссе. Даже если бы этот манифест имел бы большую аудиторию, люди быстро забыли бы все, что они здесь прочли. Так как их умы заполнились бы массой информации, предлагаемой им СМИ. И чтобы наше сообщение было напечатано, заинтересовало людей и не было быстро забыто, мы должны были совершить убийства».

В сущности, Унабомбер был первым террористом эпохи постмодерна, поставившим своей целью ликвидировать постмодерн. «Мы предполагаем, — писал он, — что так называемый “кризис идентичности” фактически является поиском цели. Часто это цель, объясняющая деятельность заместителя. Может быть, экзистенциализм является в значительной степени ответом на бесцельность современной жизни. Но мы думаем, что для большинства людей деятельность, главная цель которой — выполнение (то есть деятельность заместителя), не приносит полного удовлетворения». Поколению Теодора Качински выпал жребий наблюдать окончательный триумф системы в мировом масштабе, ее стремительное отчуждение от человека, низведенного до роли муравья или даже таракана, потерявшего всякий смысл и оправдание своего существования. Неясно, чего больше в идеологии Унабомбера — разочарования в человеке или тревоги за человека. Сердцевина этой идеологии — совсем не беспочвенная озабоченность тем, что индивиду, обладающему внутренним, видовым, *биологическим* достоинством, не останется места в «дивном новом мире». Попытки сломать или исправить систему с упором на политику и экономику потерпели к

середине XX века сокрушительный провал. Качински решил, что упор нужно делать на технологию, — именно она является ахиллесовой пятой системы. Нужно уничтожить технологию и начать все сначала, если уж рукотворный мир не поддается исправлению. Критику, предъявленную им цивилизации, очень трудно опровергнуть; но столь же трудно принять предложенный им способ «освобождения» от этой цивилизации.

Отчужденность системы от человека, которую наблюдал Качински, явилась для него приговором этой системе. Система, если, как это принято, понимать под этим механизм управления людьми, регламентирующий также взаимодействие управляемых между собой, — система *всегда* стоит над индивидуальностью; *изначально* она предполагает установление некоторых жестких правил поведения и распределяет социальные функции и роли зачастую совсем не так, как этого хочется тому или иному индивиду. Усложнение и «совершенствование» системы приводит к тому, что в определенный момент сам принцип, на основании которого устанавливаются эти правила и распределяются эти функции, становится существенно другим. Изначально система создается как устройство эксплуатации, у приводных ремней и рычагов которого находятся определенные классы и люди, *хозяева жизни*. Но подлинный триумф системы начинается тогда, когда сами хозяева становятся подвластны ремням и рычагам, и вся их роль сводится к роли привилегированного приложения к непрерывно развивающему, совершенствующему, воспроизводящему и размножающему самого себя механизму.

Качински не понимал или сознательно закрывал глаза на важность социальных отношений в системе, однако ее стремительно растущую отчужденность от человека, доходящее до абсурда «самодовление» сумел почувствовать очень остро. Вывод, который он сделал, столкнувшись с этим, сомнителен; взваливая всю вину за отчуждение на технологию, он не вспомнил, скажем, о деньгах, как о могущественнейшем факторе отчуждения. Ценно своей наглядностью в первую очередь его ощущение Системы как Голема, неподвластного уже даже своим создателям и вдохновителям, Системы, в которой, к примеру, хрестоматийная борьба за классовые интересы, при бесспорном и жесточайшем угнетении, реализуется лишь на уровне цирка, поскольку чело-

век в системе не способен осознать не только эти интересы, но и себя самого. *Человек системы не способен осознать себя даже как часть системы.* Поэтому отягощенный исторической миссией класс, аналогичный марксову пролетариату, в такой системе уже невозможен. Революционным может быть сборище мессианских одиночек, рекрутированных из различных слоев общества, каждый из которых «грызет» систему на своем участке, речь идет о возвращении массе не только самосознания, но и *самоосознания*, которого она катастрофически лишена.

Об этом Унабомбер не писал. Он подошел к этой проблеме с другой стороны и предложил столь же простое и конкретное, сколь и невозможное ее решение — вернуть человека к первозданной дикости.

«Да, он был достаточно уверен в себе, чтобы не бояться проиграть, — написала мне моя замечательная корреспондентка, скрывающаяся под таинственным именем Lilit, — но не достаточно для того, чтобы попытаться подумать о том, как можно выиграть. Он ненавидел левых за стремление отождествляться с какой-то общностью, сам же он, из гордости ли, из брезгливости ли, не мог себе позволить искать канал связи с окружавшим его миром и презирал тех, кто находил этот канал таким низким способом. Он мог склониться только перед природой. Нет лучшего способа для гордого, чрезвычайно гордого, неординарного, бесконечно одинокого человека поддерживать хотя бы какую-нибудь связь с миром, чем начать этот мир спасать, не вступая при этом с ним в контакт, брезгливо не приближаясь к нему больше, чем на расстояние, которое отделяет его от подброшенной им этому миру бомбы.

Он не мог быть за одно с левыми, он был на другом берегу — на берегу сильных, деятельных и независимых победителей, но чтобы не оказаться на этом берегу в компании тех, кого левые кличут “мировой буржуазией”, он вывел на сцену монстров, изобретательно лишенных им индивидуальности, почти “природных” созданий — Систему и Технологию.

Но разве его собственные действия не напоминают действия левых, которые перекрывают дорогу своими телами вместо то-

го, чтобы подумать о том, как найти посильное им решение⁸³? И тем более, если он, как вы говорите, возможно, и не ожидал другого эффекта?

Наверное, убедить реальных людей в том, что им нужна та свобода, о которой он писал, что без нее они чахнут и мельчают, — намного сложнее, чем взрывать бомбы, в стремлении привлечь к себе внимание масс. И лучше потерять надежду в борьбе с Системой и Технологией, чем с живыми человеческими мелочностью, страхом и малодушием, тем более что надежды-то, возможно, и нет вовсе. Он предпочел лечь на рельсы цивилизации, вместо того, чтобы постараться убедить в своей идее хотя бы кого-нибудь и успеть выдернуть хотя бы кого-нибудь из этого несущегося под откос поезда, как выдернул он сам себя.

Бросить свои мысли в пустоту не так затратно, как попытаться поведать их кому-то конкретному с его тараканами. Он боялся, что его информация потонет в потоке другой информации, но информация не доходит не только потому, что она тонет, а, в основном, потому что некому ее принимать.

Но кто же будет учить других ее принимать, если самые талантливые либо кидают ее в пустоту, либо наиболее удачно топчуть-то чужую?

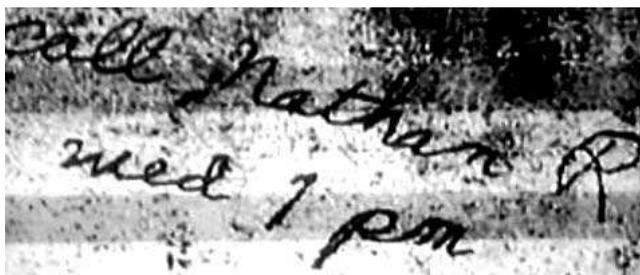
Действительно, “В сущности, Унабомбер был первым террористом эпохи постмодерна, поставившим своей целью ликвидировать постмодерн”, но не избежавшим методов постмодерна. Масштабность, тяготение к шоу, направленность на всех и на никого конкретно — яркие постмодерновские признаки.

Отдельного разговора достойно его пояснение “деятельности заместителей”. Горький, помнится, с болью высказывался о русском крестьянстве своего времени — а ведь крестьянин — одно из воплощений унабомберовского идеала “свободного” человека. Он пронизательно заметил, что “так называемый ‘кризис

⁸³ Имеется в виду следующий фрагмент манифеста Унабомбера: «Заметьте мазохистскую тенденцию левой тактики. Ложась перед транспортными средствами, левые преднамеренно провоцируют полицию или расистов. Эта тактика часто бывает эффективной. Но многие левые используют ее не как лучшее из имеющихся средств, но просто потому, что они ПРЕДПОЧИТАЮТ мазохистскую тактику. Самоненависть — левая черта».

идентичности' фактически является поиском цели", но на вопрос о сущности этой цели он, наверное, сказал бы: даже сами мысли об этом являются деятельностью заместителя, пойди поймай себе кого-нибудь на обед и все у тебя наладится. Оспаривать эту мысль вряд ли стоит, особенно перед тем, кто ее высказывает, но и соглашаться с ней преступно».

Недооценка Унабомбером социально-политических вопросов есть понятная реакция на социально-политическое безвременье, в котором он жил — и живет вместе с нами. Его локальная и странная война против мира тотального отчуждения должна быть понята и осмыслена. А поставленные им, непростые и страшные, вопросы по-прежнему ждут своих ответов.

Приложение. Корабль дураков

Философская сказка, написанная Теодором Качински

Перевод Юлии Фридман

Источник: «Культура Апокалипсиса-2» под редакцией Адама Парфри.

Как-то раз капитан корабля и его помощники так высоко возомнили о самих себе и о своем мастерстве, и до того преисполнились спеси, что разум их помутился. Они взяли курс на север и плыли вперед, пока им не стали встречаться на пути айсберги и опасные льдины, но и тогда они продолжали держать курс на север, посреди предательских вод, с тем только, чтобы предоставить себе возможность еще блистательнее отличиться в деле морского искусства.

По мере того, как судно прибавляло и прибавляло градусы широты, пассажирам становилось все неудобнее. Они стали ссориться между собой и жаловаться на условия, в которых им приходилось жить.

«Черти б меня взяли, — сказал бывалый моряк, — если это не самое паршивое плаванье в моей жизни. Палуба заледенела, ноги на ней скользят. Когда я стою на вахте, ветер режет меня живьем прямо через куртку. Каждый раз, подтягивая фок, я рискую на морозе лишиться пальцев. И за все мои труды я получаю пять разнесчастных шиллингов в месяц!»

«И вы еще жалуетесь! — воскликнула пассажирка. — Я от холода не могу спать по ночам. На этом судне дамам выдают меньше одеял, чем мужчинам. Это несправедливо!»

Мексиканский матрос вмешался: «Chingado! Мне платят вполтину меньше, чем англичанам. Чтобы согреться при таком климате, нужно много есть, но мне не хватает еды: англичанам достается больше. И самое ужасное, что помощники капитана всегда отдают мне команды по-английски, а не по-испански.»

«У меня больше всего причин жаловаться, — заявил матрос-индеец. — Если бы бледнолицые не отняли у меня земли предков, меня бы и не было на этом корабле, среди айсбергов и арк-

тических ветров. Я правил бы своим каноэ в приятную погоду по спокойному озеру. Я заслуживаю компенсации. По крайней мере, капитан должен позволить мне открыть игорный дом, чтобы я мог хоть немного подзаработать.

Тут высказался боцман: «Вчера первый помощник капитана обозвал меня “вафлером” только за то, что я сосу у товарищей. Я имею право сосать у товарищей, не подвергаясь подобным оскорблениям!»

«На этом судне не только с людьми обращаются безобразно, — один из пассажиров был любителем животных, и в этот момент его голос дрожал от возмущения, — на прошлой неделе я сам видел, как второй помощник капитана дважды пнул корабельного пса!»

Среди пассажиров был коллежский профессор. Он вскричал, заламывая руки:

«Все это просто ужасно! Это аморально! Это расизм, сексизм, специизм, гомофобия и эксплуатация рабочего класса! Это дискриминация! Социальная справедливость требует: равной оплаты труда для мексиканского матроса, повышения зарплаты всем матросам, равной доли одеял для дам, гарантированного права сосать у товарищей и чтобы никаких пинков в адрес корабельного пса!»

«Да, да!» — закричали пассажиры. «Так, так!» — закричал экипаж. «Это дискриминация! Мы должны бороться за свои права!»

Юнга кашлянул, чтобы прочистить горло.

«Кхм... У каждого из вас есть серьезные причины жаловаться. Но мне кажется, что в первую очередь мы должны добиться того, чтобы корабль развернулся и поплыл обратно на юг, потому что если мы будем и дальше держать курс на север, мы заведомо, рано или поздно потерпим крушение, и тогда вам не помогут ни зарплаты, ни одеяла, ни право сосать у товарищей, ибо все мы пойдем ко дну».

Но никто не обратил на него внимания, ведь он был всего лишь юнга.

Капитан и его помощники высоко на корме слушали и наблюдали. И вот они улыбнулись и подмигнули друг другу, и по знаку капитана третий помощник спустился с кормы, не спеша

подошел к тому месту, где собрались матросы и пассажиры, и, протолкавшись в толпе, выбрался на середину. Он сделал очень серьезное лицо и сказал вот что:

«Мы, офицеры, должны признать, что на этом корабле происходят вещи воистину непростительные. Мы не отдавали себе отчета в том, как далеко все это зашло, пока не услышали ваших жалоб. Мы люди доброй воли и хотим поступать справедливо. Но — видите ли — капитан человек консервативный, весьма приверженный своим взглядам; ему, быть может, нужна некоторая встряска, чтобы додуматься до каких-либо существенных перемен. Мое личное мнение таково, что, если вы будете активно протестовать — но только мирно, ни в коем случае не нарушая ни единого из правил, принятых на этом судне — вам удастся расшевелить капитана, так что он будет вынужден рассмотреть претензии, ведь они более чем справедливы».

Окончив речь, третий помощник капитана снова прошествовал на корму. Пока он шел, пассажиры и матросы кричали ему вслед: «Умеренный! Реформатор! Прекраснодушный либерал! Капитанский лазутчик!» Тем не менее, они поступили так, как он им сказал. Они столпились у самой кормы, выкрикивая оскорбления в адрес офицеров, и принялись заявлять о своих правах. «Требую повышения зарплаты и улучшения условий труда!» — кричал бывалый моряк. «Равного количества одеял для дам!» — кричала пассажирка. «Я хочу получать приказы по-испански!» — кричал мексиканский матрос. «Требую права открыть игорный дом!» — кричал матрос-индеец. «Не желаю, чтобы меня называли вафлером!» — кричал боцман. «Прекратить пинать пса!» — кричал любитель животных. «Даешь революцию!» — кричал профессор.

Капитан и помощники сгруппировались в кучку и несколько минут совещались, то и дело перемигиваясь, кивая друг другу и обмениваясь понимающими улыбками. Затем капитан вышел вперед и, всем своим видом показывая, что идет на большие уступки, объявил, что бывалый моряк будет получать шесть шиллингов в месяц; зарплата мексиканского матроса составит две трети от того, что причитается англичанам, и команда подтянуть фок будет отдаваться по-испански; дамы получают еще одно одеяло; матросу-индейцу разрешается устраивать игру в кости раз в не-

делю, по субботам; боцмана не станут называть вафлером, если он будет сосать у товарищей не на виду у всех, а строго в частном порядке, и пса не будут пинать, пока он не выкинет что-нибудь уж вовсе непотребное, например, не утащит еду из камбуза.

Уступки капитана пассажиры с матросами отпраздновали, как большую победу, но наутро они снова почувствовали себя неудовлетворенными.

«Шесть шиллингов в месяц — это жалкие гроши, и я по-прежнему рискую отморозить пальцы, когда подтягиваю фок», — проворчал бывалый моряк. «Я по-прежнему получаю меньше денег, чем англичане, и недостаточно еды для этого климата», — сказал мексиканский матрос. «Нам, женщинам, все еще не хватает одеял, чтобы согреться», — сказала пассажирка. Прочие пассажиры и члены экипажа также высказали свои жалобы, а профессор подстрекал и подзуживал говорящих.

Когда они окончили свои речи, поднял голос юнга. На этот раз он говорил громче, чтобы остальным не удалось так просто пропустить его слова мимо ушей.

«Спору нет, это ужасно, что псу достаются пинки, если он утащит кусочек хлеба из камбуза, что женщины страдают от неравенства в числе одеял, и что бывалый моряк может отморозить пальцы; и я не вижу, отчего боцману не сосать у товарищей, если ему приятно. Но взгляните, как выросли айсберги, и как ветер становится все сильнее! Мы должны повернуть судно назад, на юг, потому что если мы и дальше будем держать курс на север, то разобьемся и пойдем ко дну».

«О да, — сказал боцман, — просто никуда не годится, что мы все время плывем на север. Но почему я должен прятаться, когда сосу у товарищей? Почему меня называют вафлером? Чем я хуже других?»

«Плыть на север — это ужасно, — сказала пассажирка, — но как вы не понимаете? Ведь потому-то женщинам и нужно больше одеял, чтобы согреться. Требую без промедления уравнять женщин в числе одеял!»

«Весьма справедливо, — сказал профессор, — что движение к северу ставит нас всех в тяжелейшие условия. Но настаивать на перемене курса было бы нереалистично. Часы не повернешь

вспять. Мы взрослые люди, мы должны найти разумный выход из положения».

«Слушайте, — сказал юнга. — Если мы дадим волю этим четверым безумцам на корме, мы все утонем. Если нам вообще удастся увести этот корабль от опасности, тогда можно будет беспокоиться об условиях труда, одеялах для женщин и праве сосать у товарищей. Но сперва мы должны повернуть судно назад. Если собраться вместе, придумать план и проявить немного мужества, мы сможем спастись. Для этого нужно человек шесть-восемь, не больше. Мы могли бы напасть на корму, сбросить этих безумцев за борт и повернуть корабль к югу».

Профессор задрал нос кверху и строго сказал: «Я не верю в насилие. Насилие аморально».

«Применять насилие неэтично», — сказал боцман.

«Я боюсь насилия», — сказала пассажирка.

Капитан и помощники все это время слушали и наблюдали. По сигналу капитана третий помощник спустился на палубу. Он стал ходить между пассажирами и матросами, заводя разговоры о том, что на корабле все еще остается много проблем.

«Мы добились значительного прогресса, — сказал он, — но предстоит сделать еще немало. Условия труда бывалого моряка все еще тяжелы, мексиканец до сих пор получает меньше, чем англичане, женщины все еще не вполне уравнены с мужчинами в числе одеял, для индейца игра в кости по субботам — ничтожная компенсация за утраченные земли, несправедливо, что боцман не может открыто сосать у товарищей, и пса иногда пинают.

Я думаю, что капитану опять нужна встряска. Будет очень кстати, если вы все предъявите ему новый протест — воздерживаясь от какого бы то ни было насилия, разумеется».

Пока третий помощник шел обратно к корме, пассажиры и матросы кричали ему вслед оскорбления. Однако же, они сделали так, как он им сказал, и собрались у самой кормы, чтобы заявить повторный протест. Они неистовствовали, произносили громкие речи, потрясали кулаками и даже швырнули в капитана тухлым яйцом (но тот ловко увернулся).

Выслушав их жалобы, капитан и помощники сгрудились в кучку, чтобы посоветоваться — и все это время они перемигивались между собой, усмехались и обменивались понимающими

улыбками. Затем капитан вышел вперед и объявил, что бывалому моряку будут выданы перчатки, чтобы у него не мерзли пальцы, мексиканский матрос будет получать три четверти от зарплаты англичан, женщины получают еще по одному одеялу, матросу-индейцу разрешается устраивать игру в кости не только по субботним вечерам, но и по воскресным, боцман получает право открыто сосать у товарищей в темное время суток, и никто не смеет пнуть пса без специального разрешения капитана.

Пассажиры и члены экипажа были в восторге от своей воистину революционной победы, но на следующее утро они снова почувствовали себя неудовлетворенными, принялись ворчать и жаловаться на те же самые неудобства.

На этот раз юнга рассердился.

«Чертовы дурни! — закричал он. — Разве вы не видите, что делают капитан и помощники? Они делают все, чтобы занять вас мелкими обидами по поводу одеял и зарплат, и пинков псу, чтобы вы не задумались о том, что на самом деле не так с этим кораблем: он движется все дальше и дальше на север, и вскоре все мы пойдем ко дну. Если ли бы хотя бы немногие из вас пришли в чувство, сговорились и атаковали корму, мы могли бы повернуть этот корабль назад и спастись. Но вы только ноете по пустякам, вроде условий труда и игры в кости и права сосать у товарищей».

Пассажиры и матросы пришли в ярость.

«По пустякам! — воскликнул мексиканец. — Вы считаете нормальным, что я получаю только три четверти от зарплаты английского матроса? По-вашему, это пустяк?»

«Как вы можете называть мою обиду мелкой? — кричал боцман. — Знаете, как унижительно, когда вас называют вафлером?»

«Пинать пса — это совсем не “пустяк”! — надрывался любитель животных. — Это грубо, жестоко и бессердечно!»

«Так и быть, — отвечал юнга. — Это не пустяки и не мелочи. Пинать пса жестоко и грубо, и когда называют вафлером, это унижительно. Но по сравнению с реальной проблемой — на фоне того обстоятельства, что наш корабль все еще держит курс на север — ваши обиды пусты и мелки, потому что если мы не поспешим повернуть судно назад, то пойдем ко дну».

«Фашист!» — сказал профессор.

«Контрреволюционер!» — сказала пассажирка. И все пассажиры и члены экипажа один за другим вступали в разговор, называя юнгу фашистом и контрреволюционером. Они оттеснили его прочь, и принялись снова рассуждать о зарплате, об одеялах для женщин, о праве сосать у товарищей и о жестоком обращении с корабельной собакой.

Корабль же все плыл и плыл на север, и спустя какое-то время попал в затор между двумя айсбергами и все утонули.

«Корабль дураков».

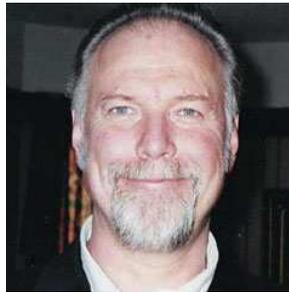
Гравюра Альбрехта Дюрера

Гроздь гнева

Everyone's gonna remember me.

Marvin Heemeyer

Четвертого июня 2004 г., в погожий пятничный день, 14:15 pm, если быть дотошным, скотоводческий городок Гранби, штат Колорадо, наконец дождался своего героя. Отныне каждый запомнит этот город как последнее пристанище **Марвина Химейера**.

Марвин Химейер

Пятидесятидвухлетний сварщик Химейер успел прожить в Гранби несколько лет, починя автомобильные глушители. Его маленькая мастерская тесно примыкала к цементному заводу **Mountain Park**. К ужасу Химейера и других соседей завода, Mountain Park вздумал расширяться, вынуждая их продавать ему, Mountain Park'у, свои земельные участки.

Рано или поздно сдались все соседи завода, но не Химейер. Его землю фабриканты так и не смогли приобрести, хотя пытались сделать это всеми правдами и неправдами. Однако все участки вокруг уже принадлежали заводу. Мастерская Марвина оказалась отрезанной от внешнего мира.

Тщетно пытался Химейер восстановить справедливость. Городские власти и чиновники штата, разумеется, находились на

стороне акул капитализма. Неудивительно, что судебную тяжбу с Mountain Park Марвин проиграл вчистую. После этого сварщику дали понять, что его активность неуместна: Химейера оштрафовали на 2.500 долларов за то, что в его мастерской «находился резервуар, не отвечающий санитарным нормам».

Оплачивая штраф, Химейер приложил к квитанции записку из одного слова: «Труссы».

Он был не из тех, кто сдается.

Четвертого июня 2004 г., в погожий пятничный день, 14:15 pm, если быть дотошным, на бульдозере, укрепленном стальными листами, Марвин выехал в центр города. Он начал с цементного завода, снося постройку за постройкой. Затем последовала очередь мэрии, городского совета, банка, публичной библиотеки, пожарной охраны, товарного склада, газовой компании «Иксел энерджи», редакции местной газеты и зданий, принадлежавших мэру города. Пытавшаяся остановить Химейера полиция в страхе поняла, что его бульдозер неуязвим. Свыше 200 пуль, выпущенных по бульдозеру, не причинили ему никакого вреда. Тогда полицейские перешли на гранаты. Снова безрезультатно. Автомобиль, начиненный взрывчаткой, который они поставили на пути бульдозера, также не смог остановить его движение.

Ответный огонь Химейер вел из двух полуавтоматических винтовок двадцать третьего и одной полуавтоматической винтовки пятидесятого калибра сквозь специально проделанные в броне бойницы слева, справа и спереди соответственно. Однако, по мнению экспертов, он сделал все, чтобы никто из людей не пострадал, стреляя более для устрашения и не давая полицейским высунуть носа из-за их машин. Ни один из полицейских не получил ни царапины.

Все, что смогла сделать полиция — эвакуировать 1,5 тыс. местных жителей (население города составляет 2.200 человек) и перекрыть все дороги города, в том числе ведущее в город федеральное шоссе №40.

Война Марвина Химейера закончилась 16:23 рт.

Бульдозер стал, проутюживая руины универсама «Гэмблс». Во внезапно наставшей мертвенной тишине яростно свистел вырывающийся из пробитого радиатора пар.

Сначала полицейские долго боялись приближаться к бульдозеру Химейера, а потом долго проделывали дыру в броне, пытаются достать сварщика из его гусеничной крепости. Опасались последней ловушки, которую мог устроить для них Марвин. Когда броню наконец пробили, он был уже мертв. Последний патрон Марвин оставил для себя. Живым даваться в лапы своих врагов он не собирался⁸⁴.

«Город выглядит так, как будто через него пронесся торнадо», — причитал губернатор штата.

Потом началось следствие. Выяснилось, что «творение Химейера было настолько надежно, что могло выдержать не только взрыв гранат, но и не очень мощный артиллерийский снаряд: оно было сплошь покрыто бронированными пластинами, каждая из которых состояла из двух листов полудюймовой (около 1,3 см) стали, скрепленных между собой цементной подушкой».

Для того, чтобы опустить эту оболочку на кабину бульдозера, Химейер использовал самодельный подъемный кран. «Опуская ее, Химейер понимал, что после этого из машины ему уже не выбраться», заявили полицейские эксперты. Однако предусмотр-

⁸⁴ Многие считают, впрочем, что Химейер был убит полицией.

рительный Марвин запасся продовольствием, водой, боеприпасами и противогазом. Для управления бульдозером Химейер использовал три монитора и несколько видеокамер. На случай ослепления видеокамер пылью и мусором к ним были подведены воздушные компрессоры.

На создание бульдозера-истребителя у сварщика ушло около двух месяцев, по одним сообщениям, и около полутора лет, по другим.

«Славный это был парень», — вспоминают люди, близко знавшие Химейера. — «Не следовало выводить его из себя». «Если он был ваш друг — то это был лучший друг. Ну а уж если враг — то самый худший», говорят товарищи Марвина.

Вечная память.

Товарищ У
WWW.TOV.LENIN.RU